СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

«ТРИБУНА»

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

РЕЦЕНЗИИ

ХРОНИКА

Ем. Ярославский

ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МАССОВОЙ СТАЧКИ И ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ МАРКСА—ЛЕНИНА[1]

ВВЕДЕНИЕ. ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г. К ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

После революции 1848 г. и Парижской Коммуны 1871 г. во всех передовых капиталистических странах перед пролетариатом стоит задача завоевания власти. Буржуазная демократия обнаружила до конца свою эксплоататорскую сущность. Социал-демократия, которая в течение очень многих лет была единственной организацией, претендовавшей на представительство пролетарских интересов и руководство классовой борьбой пролетариата, превратилась теперь в прямое орудие буржуазии, приспособленное к тому, чтобы убаюкивать массы возможностью мирно, реформистским путем отстаивать интересы пролетариата без революционных потрясений, даже без уничтожения капитализма, путем сотрудничества с буржуазией. Когда-то игравшие в левизну во II Интернационале Каутские и Гильфердинги превратились в прямых контрреволюционеров. Достаточно взять последние работы Каутского о большевизме, чтобы видеть, насколько далеко ушел по пути контрреволюции Карл Каутский, в прошлом автор таких работ, которые мы в 1905—1906 гг. выдвигали как работы, правильно оценивавшие путь пролетариата. Теперь дело дошло до того, что махровый меньшевик Ф. Дан вынужден «отстаивать» советское государство от нападок Карла Каутского.

Вместе с тем, после революции 1917 г., создавшей новый тип государства — СССР, после 13 лет пролетарской диктатуры и успешного социалистического строительства, вопрос о завоевании власти пролетариатом перестал быть даже для самых отсталых капиталистических стран только теоретическим вопросом. Миллионы пролетариев и сотни миллионов трудящихся ежедневно на опыте Советского Союза убеждаются в возможности не только завоевать власть, но и удержать ее в своих руках для дальнейшего расширения базы

---

[1] Настоящая статья представляет собой исправленную автором стенограмму доклада, прочитанного на публичном заседании Общества историков-марксистов от 26 ноября 1930 г. В ней сделаны незначительные новые примечания, относящиеся к тексту. Самый текст снабжен некоторыми цитатами, опущенными во время доклада.

пролетарской революции, в целях социалистического переустройства всего народного хозяйства. Теперь можно сравнивать уже не только две программы, а две системы государственного устройства, две системы хозяйства, две культуры, два типа общественных отношений и связей.

Одна — капиталистическая, переживающая после бурного расцвета эпохи империализма период упадка, распада, жесточайших кризисов со всеми вытекающими отсюда последствиями, всей тяжестью своей ложащимися на плечи пролетариата и трудящихся масс. Недавние певцы этого расцвета, которые говорили об эпохе «организованного капитализма», вынуждены теперь констатировать его организационный распад, его неспособность справиться с ужасающим кризисом. Массовая безработица обрекает на голод миллионы пролетариев. Аграрный кризис, разоряя миллионы мелких «хозяев», увеличивает эту армию безработных, ведет к невиданному разорению и обнищанию масс. Для «избыточного» населения Европы двери Америки и других государств, которые до сих пор служили каналами для этого «избыточного» населения, остаются закрытыми, по крайней мере, на довольно значительный срок, если не до конца этой эпохи. Возможность паразитически, безнаказанно грабить население колоний и полуколоний значительно сокращается благодаря революционному движению, которое доходит до восстаний в Китае, Индии, Индонезии и ряде других стран. Парламентаризм, который был системой управления буржуазной демократии, перестал уже удовлетворять потребности буржуазии и сменяется фашистскими методами управления. Капиталистические страны больше не могут опираться на созданную ими самими в течение долгих лет систему. Империалистические страны вынуждены искать выхода в новых переделах мира и лихорадочно готовятся к новым войнам под шумок мирных конференций и речей о разоружении.

Рядом с этой системой существует 13 лет другая — советская система, которая возникла в огне гражданской войны, сложилась в борьбе со всем старым миром капитализма, со всеми пережитками крепостничества, патриархальщины. Это советская система не только отстояла завоевания пролетариата, вопреки всем силам капитализма, но успешно разрешает величайшую историческую задачу социалистического переустройства. Она создает свою социалистическую культуру, носителями и строителями которой являются миллионные массы. Она создает и укрепляет очаг мировой социалистической революции, оплот пролетариев всего мира. Впервые в истории человечества пролетариат всего мира может почерпать уверенность в своей победе из живого опыта победившего пролетариата. Эта советская система становится все полнокровнее: ее питают живые соки революционного энтузиазма масс, героического револю-

ционного творчества этих масс, всевозможные формы социалистического соревнования, коммунистического труда.

Идет состязание двух миров: капитализма и социализма. Капиталистический мир готовится военной силой смести советскую систему. Советское государство создало свою организацию обороны, свою военную организацию, только внешне напоминающую армию империалистических государств, но внутренне основанную на совершенно иных, принципиально новых началах. И социальный состав этой военной организации, и внутреннее устройство, и цели, и связи с массами населения, и отношение к массам населения делают Красную армию армией защиты революции, защиты пролетарского государства, роднят ее с той революционной армией, теми «боевыми дружинами» и той «красной гвардией», которые в 1905 и 1917 гг. боролись во главе революционного народа.

Существование советского государства, его успешная борьба за строительство социализма еще более подчеркивают перед рабочим классом всего мира задачу завоевания власти, задачу свержения капиталистического строя, задачу социалистической революции. В этой обстановке пролетариат должен иметь в своих руках проверенное опытом оружие, проверенную опытом революции организацию борьбы.

Вот почему изучение богатейшего опыта революции 1905 г. и ее завершения — революции 1917 г., — вооруженного восстания первой и второй (вернее третьей — Октябрьской) русских революций имеет в настоящее время огромное практическое значение.

К сожалению однако это изучение ведется далеко не систематически. Мы до сих пор не имеем, несмотря на большую работу, проделанную за 25 лет после революции 1905 г. в смысле собирания богатого материала, в смысле издания целого ряда сборников, относящихся к революции 1905 г., — в частности, сборников, касающихся работы в армии, боевой работы нашей партии, крестьянского и стачечного движения, деятельности советов 1905 г., — мы все еще не имеем сводной работы, которая бы обобщила опыт революции 1905 г. и громадный материал, заключающийся в работах Ленина. Надо сказать, что наши противники, наши классовые враги в этом отношении пожалуй более активны. Имеется целый ряд военных работ, изданных нашими классовыми врагами, которые этот опыт во всяком случае достаточно внимательно штудируют и извлекают из него все, что может помочь им в дальнейшем для подавления революции.

Я сошлюсь на две имеющихся у меня под рукой работы. Первая из них — работа подполковника Хартенштейна «Боевое использование охранительной полиции (Шуппо) при внутренне-политических волнениях», в которой дается уже развернутый опыт подавления

восстаний, имевших место после 1917 г. не только в Германии, но и в других странах; вторая работа «Уличные бои» принадлежит перу полковника Ровецкого и дает для польских фашистов, для пилсудчиков целый ряд очень ценных указаний, как подавлять восстание, как подавлять революцию. В основу обеих работ положено изучение опыта восстаний, имевших место после 1917 г.

Конечно пролетариат должен уметь извлечь полезные уроки не только из революции 1905 г. и 1917 г. Мы сами, когда ставили в 1905 г. вопрос о восстании, стремились использовать опыт всех революций в прошлом, в том числе и опыт буржуазных революций.

Говоря о различных классах, действовавших в русской революции, в статье, посвященной памяти Герцена, Ленин намечал такие три основных этапа борьбы:

> «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действующие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен.
>
> Но это не была еще сама буря. Буря — это движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 г. Следующий начинает расти на наших глазах»[2].

Вот краткая и яркая картина, в которой показано значение участия трех классов в революции, причем Ленин прямо указывает на то, что в развитии революционной борьбы только пролетариат фактически является гегемоном, руководителем народных масс. Даже у тех, кого Герцен назвал «молодыми штурманами будущей бури», не было еще этой широкой связи с трудящимися массами, они не могли поэтому подняться на высоту исторических задач, которые стояли перед этими массами[3].

Это движение, эта буря имеет свои законы, которые нам и надо изучить. В «революционной буре» пролетариат не является игрушкой стихии, он сам организует эту бурю, он направляет ее, он вы-

[2] Ленин, Соч., т. XI, изд. Института Ленина, с. 468—469.

[3] Мы вовсе не хотим умалить значение этого движения, которому Ленин давал очень высокую оценку, когда писал например в «Что делать»: «Но кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного кружка».

бирает наиболее благоприятные моменты, чтобы придать этой буре значение решающего удара, он учитывает возможность временного поражения и необходимости иногда отступить в порядке, уметь маневрировать в обстановке этой бури, отыскивать верных союзников для укрепления нового подъема своего движения. Он выбирает наиболее сильные для данной обстановки, для данного момента средства и методы борьбы. Одним словом, пролетариат в этой революционной буре играет организующую, руководящую роль.

Уже в самом начале революции 1905 г. Ленин отмечал, какое огромное значение имеют эти революционные дни для воспитания самих масс, для их политического воспитания, для их организации.

> «В истории революции, — писал Ленин, — всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдениями.
>
> Эта масса учится на практике, у всех перед глазами делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, проверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв, — ничто и никогда не сравнится по своему значению с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы»[4].

В этом смысле революция 1905 г. является исключительно богатой событиями, которые политически воспитали массы, организовали их, дали им действительную проверку всех борющихся в революции и против революции классов, всех политических партий, всех средств, форм и методов борьбы. И несмотря на то, что революция 1905 г. закончилась поражением, несмотря на то, что декабрьское восстание было высшей точкой восходящей революции, после которой пошли уже арьергардные бои, — несмотря на это, опыт восстания 1905 г. был именно той «генеральной репетицией», которая дала возможность пролетариату в 1917 г. закончить свою борьбу победоносно.

Само собой разумеется, что постановка вопроса о вооруженном восстании у Ленина полностью и целиком увязана с его общей оценкой характера движущих сил революции, а также со строжайшим учетом основных этапов революционной борьбы. Поэтому, прежде чем перейти к событиям 1905 г. и к оценке их, я хотел бы остановиться на исторической постановке вопроса о вооруженном восстании в работах Ленина. По сути дела — путь всего революционного движения,

[4] Ленин, Соч., т. VII, с. 83.

начиная с его первых шагов и кончая социалистической революцией — был намечен еще в «Друзьях народа». Последний абзац этой замечательной работы говорит об этом пути:

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идеи об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат рядом с пролетариатом всех стран прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции» [5].

Здесь, в этом отрывке дана вся схема борьбы. Революция наполнила ее живым содержанием, но она по сути дела только подтвердила правильность того предвидения, какое было в свое время у Маркса, Энгельса, какое было у Ленина. Здесь нет еще слов о вооруженном восстании; но для нас в ту пору, когда еще прямой постановки вопроса о вооруженном восстании не было, ясно было, что если «русские рабочие поднимутся во главе всех демократических элементов», то они смогут свалить абсолютизм конечно только силой; ясно было и тогда, что если «русский пролетариат рядом с пролетариатом других стран пойдет прямой дорогой открытой политической борьбы, победоносной коммунистической революции», то эта победоносная коммунистическая революция тоже не удастся без вооруженной борьбы.

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ ЛЕНИНА НА ВОПРОС О ВОССТАНИИ

Ленин так определил три этапа в постановке вопроса о восстании:

Первая ступень — В «Задачах русских социал-демократов» Ленина говорится, что «решать теперь вопрос, к какому средству прибегнет социал-демократия для непосредственного свержения самодержавия, изберет ли она восстание или широкую политическую стачку, или иной прием атаки, было бы похоже на то, как если бы генералы, не собрав армии, устроили военный совет». Здесь, как мы видим, идет речь о собирании армии [6]. Стало быть — о пропаганде, агитации, об организации вообще; но еще нет постановки вопроса о восстании непосредственно.

Вторая ступень — 1902 г., т. е. год массового стачечного движения, массовых демонстраций, переходящих уже кое-где в вооруженные демонстрации, в вооруженные столкновения, год массового

[5] Ленин, Соч., т. I, с. 194.
[6] Там же, с. 183.

стихийного крестьянского движения. — «...Представьте себе, — писал Ленин, — народное восстание. В настоящее время (февраль 1902 г.) вероятно все согласятся, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но как готовиться? Не назначить же центральному комитету агентов по всем местам для подготовки восстания?» [7]. Это последнее замечание нужно иметь в виду в связи с тем, что в этот же период Ленин ставит вопрос о создании крепкой организации партии, без которой немыслима была для Ленина постановка вопроса о восстании.

Третья ступень — это уже 1905 г., когда после 9 января мы имели массовое движение рабочих, выступавших нередко с лозунгами вооруженной борьбы против царского самодержавия. В газете «Вперед» и затем в резолюции III съезда делается дальнейший шаг: кроме общеполитической подготовки восстания выдвигается прямой лозунг: тотчас же организоваться и вооружиться для восстания, устраивать особые боевые группы, ибо движение «уже привело к необходимости вооруженного восстания» (п. 2 резолюции III съезда). В связи с этим я должен остановиться на одном неправильном, по-моему, толковании ленинских положений о восстании. Я говорю о книге т. Горина о советах, где он пытается доказать, что Ленин будто бы полагал, что лозунг вооруженного восстания является продуктом самодеятельности пролетарских масс. Особенно несостоятельной кажется эта попытка еще потому, что Горин пытается опереться в своем явно неверном меньшевистском утверждении на... Ленина. Он цитирует следующее место из брошюры Ленина «Две тактики»: «Социал-демократия выставила лозунг подготовки восстания еще три года тому назад на основании общих соображений. Самодеятельность пролетариата пришла к этому же лозунгу под влиянием непосредственных уроков гражданской войны». Но ведь совершенно ясно, что Ленин имеет в виду вовсе не то, о чем пишет Горин, не по-ленински ставящий здесь вопрос о самодеятельности масс [8].

Конечно неверно так толковать создавшееся в 1905 г. положение. Выходит, что лозунг вооруженного восстания выдвигался партией раньше как-то независимо от движения самих масс, которые сами пришли под влиянием непосредственных уроков гражданской войны, к постановке этого лозунга тремя годами позже. Конечно это не так. Именно в том факте, что массы поняли неизбежность этого пути, сыграла громадную роль вся наша партийная работа, вся наша подгото-

[7] Ленин, Соч., т. IV, с. 498.

[8] Горин, Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905, изд. 2-е Комакадемии, 1930. Книга изобилует рядом неправильных положений в оценке характера и движущих сил революции 1905—1907 гг. и число механистических постановок вопросов о формах борьбы и о советах.

Редакция отмечает, что эта оценка книги Горина является личным мнением статьи.— *Ред.*

вительная работа, пропаганда и агитация. Без этой работы сами массы в этот момент быть может поставили бы стихийно вопрос о вооруженном восстании, но безусловно поставили бы его не так, как он был поставлен под влиянием работы партии.

ВОПРОС О ФОРМАХ БОРЬБЫ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Для того чтобы правильно понять вопрос о восстании, надо иметь в виду, какие требования предъявлял Владимир Ильич всякому марксисту при рассмотрении вопроса о формах борьбы.

> «Во-первых,— писал Ленин в статье «Партизанская война», — марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, причем не «выдумывает» их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собой в ходе движения. Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательного отношения к идущей массовой борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов, порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому марксизм, безусловно, не зарекается ни от каких форм борьбы. Марксизм ни в коем случае не ограничивается возможными и существующими только в данный момент формами борьбы, признавая неизбежность новых, неведомых для деятелей данного периода форм борьбы с изменением данной социальной конъюнктуры. Марксизм в этом отношении учится, если можно так выразиться, у массовой практики, далекий от претензий учить массы выдумываемым кабинетными «систематиками» формам борьбы. «Мы знаем,— говорил напр. Каутский, рассматривая формы социальной революции, — что грядущий кризис принесет нам новые формы борьбы, которых мы не можем предвидеть теперь».
>
> Во-вторых, марксизм требует безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически конкретной обстановки — значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий— политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы, а в связи с этим, в свою очередь, видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы.
>
> Пытаться ответить «да» или «нет» на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития — значит покидать совершенно почву марксизма» [9].

Это необходимо особенно иметь в виду тем товарищам из западно-европейских и других зарубежных коммунистических партий,

[9] Ленин, Соч., т. X, с. 80—81.

которые нередко склонны механически переносить на сегодняшний день, без учета конкретной экономической и политической обстановки, без учета конкретного соотношения сил, то понятие о формах борьбы, которое развилось под влиянием обстановки 1905 г. в совершенно иной среде.

Это можно проследить на целом ряде движений и восстаний; напр. в Ревельском восстании некоторые товарищи отстаивали неправильные формы борьбы ссылками на опыт 1905 г., который происходил в совершенно иной обстановке, чем Ревельское восстание.

Перечисляя различные формы борьбы, Ленин намечает с периода 1896 г. по 1906 г. такие формы борьбы:

> «Сначала экономические стачки рабочих (1896—1900), затем политические домонстрации рабочих и студентов (1901—1902), крестьянские бунты (1902), начало массовых политических стачек в различных комбинациях с демонстрациями (Ростов, 1902, летние стачки 1903 г., 9-е января 1905 г.), всероссийская политическая стачка с местными случаями баррикадной борьбы (октябрь 1905 г.), массовая баррикадная борьба и вооруженное восстание (1905 — декабрь), парламентская мирная борьба (апрель — июнь 1906), военные частичные восстания (июнь 1905, июль 1906 гг.), крестьянские частичные восстания (осень 1905, осень 1906 гг.)» [10].

В настоящем докладе я не имею возможности коснуться всех этих форм борьбы, проследить их значение для подготовки к восстанию 1905 г. Необходимо однако отметить в этой схеме, набросанной Лениным, что после массовой баррикадной борьбы и вооруженного восстания 1905 г. наступает фактический спад этого движения, потому что мы имеем после массовой баррикадной борьбы и вооруженного восстания 1905 г. перечисление таких форм, как парламентская мирная борьба (апрель — июнь 1906 г.), военные частичные восстания (1905—1906 гг.), крестьянские частичные восстания (1905—1906 гг.).

Другими словами, если брать декабрьское вооруженное восстание как высшую точку восходящей революционной борьбы, мы уже имеем здесь арьергардные бои.

1905 ГОД И ВОПРОС О ВОССТАНИИ

Переходя непосредственно к событиям 1905 г., я хотел бы с самого начала сказать, что не ставлю перед собой задачи подробного описания этих событий и даже вообще описания самых событий 1905 г., предполагая, что эти события известны всем здесь присутствующим. Чтобы правильно понять, как Ленин оценивал события 1905 г., надо иметь в виду, какой основной закон революции выдвигает Владимир Ильич. Нам нужно иметь в виду этот основной закон революции для того, чтобы понять то, что произошло в 1905 г.

[10] Ленин, Соч., т. X, с. 81—82

«Основной закон революции, — писал Ленин в «Детской болезни левизны», — подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX в., состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплоатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплоататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплоатируемых и эксплоататоров затрагивающего) кризиса. Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае, большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было итти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы (признак всякой настоящей революции: быстрое удесятерение или даже увеличение во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящейся и угнетенной массы, доселе апатичной), обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его»[11].

Имел ли место такой общенациональный кризис в 1905 г.? То-есть, другими словами, имелись ли налицо те самые условия для свержения власти и победоносной революции, которые намечены в этом самом законе Ленина? Даже самый поверхностный анализ того положения, в каком была Россия в 1905 г., говорит именно о наличии такого общенационального кризиса, когда эксплоататоры уже не могли жить и управлять по-старому, а низы не хотели и осознали, что невозможно жить по-старому.

В этом общенациональном кризисе целый ряд событий сыграл решающую роль. Прежде всего конечно это был кризис полукрепостнического хозяйства, которое всей своей тяжестью ложилось на плечи миллионных масс крестьянства и которое не могло быть разрушено без революции, во главе которой стоял бы пролетариат. Всякая попытка разрешить этот вопрос без участия пролетариата, без его руководства могла, конечно, привести только к созданию какой-нибудь паршивенькой буржуазной республики, в которой вековой вопрос, вековой спор, который решался в революцию 1905 г., не мог бы быть разрешен.

Необычайно тяжелое экономическое положение пролетарских масс еще более ухудшилось в связи с войной 1904—1905 гг. Политическое бесправие объединяло пролетарские массы с широкими демократическими массами, толкая их на совместное выступление против царского самодержавия. Невыносимый национальный гнет питал

[11] Ленин, Соч., т. XXV, с. 223.

в миллионных массах бесправных «нацменьшинств» ненависть к царизму и делал эти массы восприимчивыми к идеям революции. Поэтому достаточно было сравнительно небольшого толчка, чтобы эти массы в решающем центре, в Петербурге, пришли в движение. Война 1904—1905 гг. конечно сыграла в этом отношении большую роль. По поводу падения Порт-Артура вы помните, что писал Ленин. Прежде всего падение Порт-Артура вскрыло, что представляет собою самодержавие, вскрыло, что самодержавие переживает действительно серьезный кризис. «Гроб повапленный,— вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему так сказать специальности».

Говоря об отношении международной буржуазии к России, Ленин тогда писал:

«Она так привыкла отождествлять моральную силу России с военной силой европейского жандарма. Для нее престиж молодой русской расы был неразрывно связан с престижем непоколебимо сильной, твердо охраняющей современный «порядок» царской власти. Неудивительно, что катастрофа правящей и командующей России кажется всей европейской буржуазии «страшной»: эта «катастрофа» означает гигантское ускорение всемирного капиталистического развития, ускорение истории, а буржуазия очень хорошо, слишком хорошо знает, по горькому опыту знает, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата» [11]а.

В самом факте поражения царизма Ленин видел уже не только для России, но и для мировой буржуазии «начало ускорения всемирного капиталистического развития, ускорения кризиса капитализма, который должен будет привести к социальной революции пролетариата и к победе пролетариата».

Надо сказать, что еще до 9 января целый ряд событий накалил в достаточной степени почву. Напомню только о бакинской стачке, где дело уже доходило до первых попыток строить баррикады накануне 9 января.

9 января было событием, которое положило новую грань. Ленин прямо расценивает 9 января как восстание. Получив только первые сведения о 9 января он писал в статье «Начало революции в России»: «Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен до восстания правительством»[12].

Прежде всего, Ленин считал ценным и важным, что пролетариат вышел из этого столкновения с царизмом выросшим, что он получил величайший урок гражданской войны.

«Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло

[11]а Ленин, Соч., т. VII, с. 44—45 и 48.
[12] Там же, с. 77.

вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата: «Смерть или свобода!» эхом перекатывается теперь по всей России»[13].

Лозунг всеобщей стачки уже не для одного Петербурга, а для всей России был выдвинут именно в эти дни, в день 9 января, в январские дни. В этом особенное значение январских дней. Лозунг всеобщей массовой политической стачки был подхвачен самыми широкими массами.

«Всеобщая стачка, — писал Ленин в той же статье, — подымает и мобилизует все более широкие массы рабочего класса и городской бедноты. Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента».

Всеобщая массовая политическая стачка и столкновение невооруженных рабочих в январские дни с царизмом поставили вплотную практический вопрос о вооруженной борьбе.

«Чем скорее, — писал Ленин, — удастся вооружиться пролетариату, чем дольше продержится он на своей военной позиции забастовщика-революционера, тем скорее дрогнет войско, тем больше найдется среди солдат людей, которые поймут наконец, что они делают, которые станут на сторону народа против извергов, против тирана, против убийц безоружных рабочих, их жен и детей».

И. Ленин особенно настойчиво подчеркивает эти лозунги, подчеркивает, что январские дни выдвигают задачу вооружения народа, объединения всех сил для вооруженного удара.

«Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений, вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры»[14].

Когда Ленин говорил «о всех и всяких революционерах» и о том, что надо вооружить не только рабочих, но и всех граждан вообще, Ленин имел в виду, что налицо именно общенациональный кризис, что пролетариат становится во главе всенародной борьбы. Ленин не однажды подчеркивал именно всенародный характер борьбы и то, что пролетариат является гегемоном именно народной революции.

Это движение было конечно подготовлено всей предыдущей борьбой рабочего класса, крестьянства и других слоев мелкой буржуазии против царского самодержавия. Мы имеем накануне 1905 г. массовое рабочее движение, массовое крестьянское движение, особенно развившееся в 1902 г., массовое студенческое движение. На

[13] Ленин, Соч., т. VII, с. 79.

[14] Там же, с. 80—88.

почве этого движения — рост революционных организаций рабочего класса, рост народнических организаций, организации партии эсеров наряду с оживлением либерального движения и формированием буржуазных и помещичьих партий на фоне огромного роста политического самосознания самых широких масс трудящихся.

Само собой разумеется, что вопрос о роли пролетариата в революции должен был быть поставлен в этой обстановке во весь рост. Наши споры с меньшевиками в этот период, наши споры с эсерами о том, что именно пролетариат должен быть в этой революции гегемоном, руководителем, имели колоссальное не только теоретическое, но и практическое значение для исхода революции. В зависимости от того, какую роль пролетариат будет играть в этой революции, решался и вопрос о том, каковы будут результаты этой революции, как будут использованы плоды победы для дальнейшего самостоятельного движения пролетариата. Мы должны подчеркнуть при этом тот факт, что уже с самого начала первой революции Ленин рассматривал начавшуюся революцию, как войну, как настоящую войну, в которой пролетариат будет учиться военным урокам у правительства, что пролетариат научится в этой революции искусству гражданской войны, искусству побеждать, если он, начав революцию, будет участвовать в ней в качестве руководящей движущей силы революции.

> «Революция есть война, — писал Ленин. — Это единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных интересах кучки правителей и эксплоататоров, как всякие войны, а в интересах массы, народа, против тиранов, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплоатируемых и трудящихся против произвола и насилия»[15].

Конечно это надо было особенно подчеркнуть тогда, — это надо и сегодня подчеркнуть перед пролетарскими партиями всего мира, имея в виду реформистские меньшевистские иллюзии, которые до сих пор еще кое-где сильны, будто революция может быть и не войной, что революция может быть «мирной».

С другой стороны, надо отметить, что нам пришлось тогда, уже в обстановке первой революции, вести борьбу на два фронта: как против меньшевистской недооценки революции как войны, подчеркивая военно-боевую, военно-техническую организационную сторону дела, так и против всякого рода бланкистских и путчистских взглядов, которые игнорируют необходимость массовой работы, массовой организации, кропотливой работы в этих организациях борьбы за завоевание армии, борьбы за крестьянство, считая, что все дело в военно-технической подготовке небольшой группы рево-

[15] Ленин, Соч., т. VII, с. 86.

люционеров. Опыт январских дней Ленин изучал поэтому кропотливо, как изучает военный вождь. Вы знаете, что уже на основании первых сведений, которые получил Ленин, на основании сведений, опубликованных в английских газетах, Ленин набрасывает план, положенный Треповым и Владимиром Романовым в основу военного подавления 9 января. Вы можете этот план найти в «V Ленинском сборнике», он составлен на основании газетных данных о подавлении уличного движения рабочих. Ленин обращает внимание на то, что для правительственного строя подавления этого движения облегчались тем, что правительство знало весь план движения рабочих. «Задача военных действий, — писал Ленин, — разумеется страшно облегчалась тем, что все прекрасно знали, куда идут рабочие, знали, что существует лишь один сборный пункт и одна цель».

Ленин был убежден в том, что массы будут учиться на основе изучения этого плана. «Единственным и неизбежным выводом, — говорил он, — этих размышлений, этого противоречия «владимирова урока» в сознании массы будет тот вывод, что на войне надо действовать по-военному»[16]. Вот почему Ленин предлагал всем нам тогда заняться изучением военных вопросов.

Не приходится конечно говорить о том, что 9 января у самой массы был какой бы то ни было план, который мог бы привести ее к победе. Ведь масса не с этой целью шла,— не с целью борьбы, не с целью восстания,— масса шла к Зимнему дворцу, обманутая гапоновцами. Всякий товарищ, который тогда вел работу в Петербурге, может припомнить, что попытки большевиков убедить массы в том, что их расстреляют, что им надо вооружиться, наталкивались на такую иллюзию массы: а все-таки, может быть действительно так выйдет, как говорит Гапон, может быть царь в самом деле ничего не знает, он выйдет к нам, выслушает и т. д.

Во время уже самого движения 9 и в особенности 10 января в листовках, выпущенных рабочими, мы видим уже прямые призывы к вооруженным действиям. В отдельных листовках мы видим даже некоторый план борьбы. Так например рабочие Васильевского острова, захватив типографию, отпечатали 10 тыс. листовок, в которых были такие лозунги: «К оружию, товарищи, захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое». По сути дела это были лозунги, в значительной степени правильные. Но эти лозунги не могли быть осуществлены тогда. Масса билась голыми руками, масса была не организована для боевых действий, не подготовлена к ним. Масса не имела доста-

[16] Ленин, Соч., т. VII, с. 87.

точного опыта борьбы для того, чтобы могла хоть что-нибудь из этой программы выполнить.

Какие уроки выводит Ленин из опыта январских дней? Прежде всего — что это великий урок гражданской войны. Январская массовая стачка мобилизовала широкие массы, она бросила в эти массы призыв к восстанию, она вопрос о вооруженном восстании поставила перед массами конкретно, вплотную; она показала им, что необходимо соединить все силы для вооруженного удара; она показала им, что революция — это война; она уже тогда наносила удар всяким иллюзиям меньшевиков, значительные круги которых еще верили в мирное разрешение вопроса. Она поставила перед передовыми рабочими задачу изучения плана действий противника; она показала, что планы, которые возникают уже в ходе восстания в группе передовых рабочих, не опирающиеся на какие-нибудь материальные предпосылки для их выполнения, на определенную организацию, на определенную подготовку, на вооружение, повисают в воздухе, они остаются голыми призывами, голыми лозунгами.

ЛЕТНИЕ СОБЫТИЯ 1905 г. И ВОПРОС О ВОССТАНИИ

В результате январского движения мы имеем значительно разросшееся, поднятое на более высокую ступень массовое движение рабочих, нашедшее затем широкий отклик в деревне. В целом ряде пунктов движение приводит уже к баррикадным боям, например в Варшаве и Лодзи. Наконец мы имеем значительное брожение в войсках, которое привело, в конце концов, в июле к потемкинскому восстанию.

Потемкинское восстание Ленин расценивает как переломный пункт.

Что отмечает Ленин в этом восстании как самое важное?

Вот, что он писал в статье «Революционная армия и революционное правительство»:

> «Позорная роль палачей свободы, роль прислужников полиции не могла не открывать постепенно глаза и самой царской армии. Армия стала колебаться: сначала отдельные случаи неповиновения, вспышки запасных, протесты офицеров, агитация среди солдат, отказ отдельных рот или полков стрелять в своих братьев - рабочих. Затем — переход части армии на сторону восстания» [17].

Эта оценка Лениным потемкинского восстания была безусловно правильна. Всякий, кто в 1905 г. вел работу в войсках, знает, что именно так обстояло дело, что потемкинское восстание в значительной степени облегчило всю нашу работу в войсках, оно сделало доступными для нашей агитации и пропаганды войсковые части, до того

[17] Ленин, Соч., т. VII, с. 379—380.

времени неподдававшиеся обработке. То, что гарнизон сильнейшей морской крепости, какой был броненосец «Потемкин», восстал, то, что солдаты и матросы расправились на нем с офицерским составом, то, что они направили свой корабль на помощь революции,— все это заслонило собой в глазах массы самый факт подавления этого восстания, факт сдачи броненосца «Потемкина» в Варне и т. д. И Ленин писал, поэтому:

«Броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции, и какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии. Никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией не уничтожат значения этого события. Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром, новые, еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в Черноморском флоте. Наше дело теперь — поддержать всеми силами эти попытки, разъяснить самим широким массам пролетариата и крестьянства общенародное значение революционной армии в деле борьбы за свободу, помочь отдельным отрядам этой армии, выдвинуть общенародное значение свободы, способное привлечь массы, объединить силы. которые бы раздавили царское самодержавие»[18].

Вот, стало быть, то основное. что выдвинул Ленин, как удар по старому порядку в войсках — это попытки образования ядра революционной армии.

Вместе с тем, эти события поставили вплотную, как это отмечал Ленин, вопрос о временном революционном правительстве. Об этом я скажу более подробно позднее, во всяком случае вне этой революционной обстановки создание революционного правительства, как показал весь опыт революции, конечно является бессмыслицей. Правда, мы имели случай увидеть и в наши дни образование такого «временного правительства» рамзинской партии, но это «правительство» заседало в Колонном зале на скамье подсудимых, давая отчет перед пролетарским судом. Попытка образования временного революционного правительства вне восстания, вне реальной обстановки восстания была бы лишь игрой в правительство.

Какой вывод должна была бы сделать революция из опыта потемкинского восстания? Надо сказать, что мы имеем исключительный в истории революции факт, когда громадный корабль, который имел полную возможность разгромить Одессу, если бы он захотел это сделать, разгромить все главные южные порты, который явился бы действительной угрозой, если бы он действовал наступательно, уверенно, если бы на нем было правильное большевистское руководство, сознающее ясно цели и задачи революции,— этот корабль

[18] Ленин, Соч., т. VII, с. 380

мог бы явиться действительной крепостью революции и не стал такой крепостью.

Нам было известно, что например батумский гарнизон был настроен таким образом, что если бы только пришел броненосец «Потемкин», то этот гарнизон целиком присоединился бы к восстанию. На целом ряде судов Черноморского флота настроение было такое, что если бы броненосец «Потемкин» действовал более решительно — картина была бы совершенно иная.

Броненосец «Потемкин» пришел в Одессу, когда там была всеобщая забастовка, когда за день, за два, перед этим в Одессе были баррикады. Несмотря на то, что войска действовали с ужасающей свирепостью, движения не удалось приостановить. Наоборот, нам удалось тогда распространить движение на все крупнейшие предприятия. Это была всеобщая забастовка. Однако броненосец «Потемкин», подойдя к одесскому рейду, совершенно непростительно проводил время в бездействии.

Когда броненосец «Потемкин» получил сведения о попытке разогнать похоронную демонстрацию, двух выстрелов (один выстрел был, по сути дело, холостым, а другой задел какой-то дом) по Одессе было достаточно, чтобы навести панику на власти, а он конечно имел возможность выпустить не два выстрела. Поэтому — основное правило революции, что нужно было такой военной части, как броненосец «Потемкин», прежде всего крепко связаться с наличным массовым стачечным движением, не было соблюдено. Фактически эта связь прочно и крепко не установилась; не было ни должного руководства, ни смелого наступления. Была медлительность, которая в такие моменты гибельна.

Конечно можно очень во многом обвинять и большевистский одесский комитет партии. Обстановка была такой, что руководство на этом броненосце оказалось в значительной степени случайным, Васильев-Южин, который был послан Владимиром Ильичом на броненосец «Потемкин», не мог туда попасть, точно так же, как не могли туда попасть отдельные члены одесского комитета, которые туда посылались тогда, когда по сути дела было уже поздно.

Лично мне также не удалось попасть на броненосец «Потемкин». Я был выпущен из тюрьмы в день восстания.

Оборонительная тактика, которой придерживался броненосец, была явно губительна для него. Она давала возможность действовать против него агрессивно другим более надежным частям Черноморского флота. Между прочим, был отдан приказ в случае необходимости потопить броненосец «Потемкин». Как я уже указывал, броненосец не связался даже с береговым крепостным гарнизоном, не попытался даже послать делегации к местным военным частям.

Тем не менее Ленин и все мы придавали громадное значение

этому восстанию, считая, что на этом уроке, точно так же как и на других уроках революции, учатся и что этот урок будет усвоен в дальнейшем, что «разбитые армии хорошо учатся».

Надо отметить, что, как и в дальнейший период революции, меньшевики плелись здесь в хвосте событий. Именно меньшевики действовали самым разлагающим образом на «Потемкине» в смысле ослабления революционной энергии матросской массы.

Затем надо сказать, что Ленин связывает именно это потемкинское восстание с постановкой вопроса о временном революционном правительстве. Некоторые товарищи думают, что только октябрьская стачка нанесла первый удар меньшевистской идее революционного самоуправления. Это неверно конечно: Владимир Ильич прямо отмечает, что именно потемкинское восстание поставило вопрос о временном революционном правительстве вплотную и показало, на какой базе может создаться такое временное революционное правительство.

Восстание на «Потемкине» дало громадный толчок новому развитию не только рабочего движения, которое почувствовало, что уже части армии и флота присоединяются к этому движению, оно дало новый толчок и крестьянскому движению, для которого восстания в войсках, в армии и флоте конечно явились большим стимулом к развитию его революционной энергии, к приданию большей уверенности его движению. Раз, дескать, солдаты и матросы за нас, то конечно, мы можем действовать смелее. Естественно это дало громадный толчок и нашей работе — работе военных и боевых организаций.

Я не останавливаюсь на целом ряде событий переходного, так сказать, периода,— августовского периода. В сентябре все эти события привели уже к постановке вопроса о новой всеобщей политической стачке.

По поводу этой сентябрьской стачки Ленин писал, что: «это были небольшие стычки на форпостах, частью может быть военная демонстрация в гражданской войне». Значит Ленин считал, что массовая политическая стачка может быть, при известных условиях первой стычкой на форпостах, военной демонстрацией в гражданской войне. Он говорит о сентябрьском движении не как об одном из тех сражений, которые определяют исход войны. Он высказывал предположение, что это еще не начало решительной борьбы, решительного натиска. Он пишет:

«Из двух предположений, высказанных нами неделю тому назад, оправдывается как будто первое, именно, что перед нами не начало решительного натиска, а лишь репетиция его».

Сентябрьскую стачку Ленин рассматривал как репетицию более решительной борьбы. Ленин вместе с этим подчеркивал огромное воспитательное значение всей сентябрьской стачки для развития дальнейшего движения.

ОКТЯБРЬСКАЯ СТАЧКА И ВОПРОС О ВОССТАНИИ

Октябрьскую стачку Ленин рассматривал уже как бурю. Он писал: «Барометр показывает бурю. И не только барометр показывает бурю, но и все и вся уже сорваны с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска. Революция идет вперед с поразительной быстротой, развертывая удивительное богатство событий, и если бы мы захотели изложить перед нашими читателями подробную историю последних трех-четырех дней, нам пришлось бы написать целую книгу. Написать подробную историю мы предоставляем грядущим поколениям. Перед нами захватывающие сцены одной из величайших гражданских войн, войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество, и надо торопиться жить, чтобы отдать все свои силы этой войне» [19].

Октябрьскую стачку Ленин рассматривал уже как начало вооруженной борьбы. Он говорил, что борьба подходит, но еще не подошла к настоящей развязке. Массовая политическая стачка им рассматривается как непосредственный, близкий подход к развязке: «Восстание близится, оно вырастает на наших глазах из всероссийской политической стачки» [20].

Как Ленин расценивал результаты октябрьской борьбы? Он расценивал их, как установление некоторого равновесия.

> «Самодержавие уже не в силах открыто выступать против революции. Революция еще не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешанных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам, к законам о свободе печати и свободе собраний» [21].
>
> «Всероссийская политическая стачка страшно приблизила ее победу, заставив врага заметаться в предсмертном ужасе»... «Борьба подходит, но еще не подошла к настоящей развязке. Рабочий класс поднимается, мобилизуется, вооружается именно теперь в невиданных раньше размерах» [22].

Ленин указывал, что необходимо видеть в октябрьском манифесте. Он видел в нем маневр царизма. Он отмечал, что этот маневр означает сделку с буржуазией с целью отвлечь массы от революции, перестроить силы для нападения на революцию, для развития погромного движения и разгрома революции.

Неправильно делать коренное принципиальное различие между сентябрьской и октябрьской стачкой, проводить такое коренное различие, что вот, дескать, октябрьская стачка, как выражается один

---

[19] Ленин, Соч., т. VIII, с. 331.
[20] Там же, с. 333.
[21] Там же.
[22] Там же.

товарищ, «была неизбежна, как неизбежно появление зари после темной ночи» (Горин), т. е. изображать сентябрь «темной ночью», а октябрь «зарей»,— это, по-моему, либеральное толкование октября. Октябрьская стачка непосредственно примыкает к сентябрьской, является ее продолжением. Обе стачки были двумя ступенями одного и того же массового движения. Октябрьская стачка поднялась ступенью выше потому, что она захватила гораздо более широкие круги, она была более организована, она захватила новые кадры пролетариев, кадры служащих, она заставила царизм пойти на определенный маневр, на определенную сделку с буржуазией. Но никакой октябрьской «зари» по сравнению с темной сентябрьской «ночью» конечно не было. И если говорить об отношении октябрьской стачки к декабрьскому восстанию, то нужно сказать то, что отметил Ленин в докладе на объединительном съезде в 1905 г. по вопросу о вооруженном восстании. Он указывал, что меньшевистская резолюция ни слова не говорит о том, как «послеоктябрьская борьба» привела к необходимости и неизбежности восстания, ни единого прямого и ясного слова о декабре. Именно в нашей резолюции декабрьское «восстание выступает не как заговорщический призыв, не как вопрос техники, а как политический результат вполне конкретной исторической действительности, созданной октябрьской забастовкой, обещанием свобод, попыткой отнять их и борьбой за их защиту».

Так Ленин изображал декабрьскую борьбу. Историческая обстановка, созданная октябрьской (и сентябрьской) забастовкой, заключается в том, что забастовка вынудила обещания о свободе. Попытка же отнять их заставила массу взяться за отстаивание их с оружием в руках. Ленин подчеркивал в нескольких своих работах то положение, что манифест создал такое равновесие, которое приводит к гражданской войне, выход из которого заключается именно в гражданской войне. В своей работе «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», написанной уже гораздо позже, он так оценивал положение:

> «Не «перспективы» мирной конституции «открыло» 17 октября, это либеральная сказка, а гражданскую войну. Эта война подготовлялась не субъективной волей партий или групп, а всем ходом событий с января 1905 г. Октябрьский манифест знаменовал не прекращение борьбы, а уравновешение сил борющихся,— царизм уже не мог управлять, революция еще не могла его свергнуть. Из этого положения с объективной необходимостью вытекал решительный бой. Гражданская война и в октябре, и в ноябре была фактом (а мирные «перспективы» — либеральной ложью); выразилась эта война не только в погромах, но и в борьбе вооруженной силой против непокорных частей армии, против крестьян в трети России, против окраин. Люди, которые при таких условиях считают «искусственным» вооруженное восстание и массовую стачку в декабре,

лишь искусственно могут быть причисляемы к социал-демократии. Естественная партия для таких людей есть партия либеральная»[23].

Ленин доказывал в связи с этим, что нельзя играть и с лозунгом политической стачки, как он впоследствии убеждал, что нельзя играть с лозунгом восстания. По поводу роспуска Второй государственной думы, когда большевики требовали объявления массовой стачки, он указывал на то, что надо уметь различать стачку протеста и стачку с целью расширения восстания.

> «Когда была надежда на возможность поддержать Свеаборг и Кронштадт в их восстании, — а такой момент был, — тогда объявление всенародной забастовки было естественно. Но конечно это была бы (и это была) забастовка не с целью протеста против роспуска Думы (как сообразил ЦК), а с целью поддержки восставших, с целью расширения восстания. Но вот через день-два выяснилось окончательно, что восстание в Свеаборге и Кронштадте на этот раз подавлено. Стачка для поддержки восставших оказалась неуместной, а стачки-протеста, стачки-демонстрации передовые рабочие все время не хотели»[24].

Я думаю, что это указание необходимо учесть особенно нашим товарищам из западноевропейских партий, которые не всегда учитывают целесообразность объявления массовой стачки.

Лозунгом всеобщей стачки так же нельзя играть, как лозунгом восстания, именно потому, что это острое оружие борьбы.

Вместе с тем, борясь против такого неправильного отношения к стачке, Ленин боролся и против игнорирования воспитательного и организационного значения массовых экономических стачек, которые конечно должны подчиняться задачам всеобщей политической стачки, задачам вооруженной борьбы, задачам подготовки.

Подводя итоги октября, Ленин говорил, что октябрьская стачка есть приближение развязки, что она является непосредственным подходом к вооруженному восстанию; что восстание, как он потом в своих работах показал, явилось непосредственным завершением этой массовой политической стачки. И конечно неверно, как это утверждает т. Горин, что только в октябре пролетариат стал во главе движения: пролетариат стал во главе движения широких масс не в октябре, он стал по сути дела во главе самых широких масс после январских дней. Он стал тогда для массового движения действительным гегемоном революции, действительным вождем, руководителем.

ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ

Перехожу к вопросу о подготовке самого восстания. В подготовке этого восстания несомненно сыграла большую роль военная и боевая работа нашей партии. Подробно на этой работе я не могу ос-

[23] Ленин, Соч., т. XV, с. 17.
[24] Там же, с. 42.

танавливаться. Укажу только на то, что к этому времени, ко времени декабрьского вооруженного восстания, у нас в целом ряде крупнейших центров, почти во всех крупнейших гарнизонных центрах, были военные организации. Выходили уже газеты, листовки, была уже кое-какая массовая брошюрная литература, правда еще очень несовершенная литература, но во всяком случае военной работе партия уделяла с январских дней довольно большое внимание. Сказать, что только наша партия вела эту работу в войсках, конечно нельзя. Эту работу в войсках вела и партия меньшевиков, и партия с.-р. Но в этой работе мы сталкивались с различным отношением к постановке вопроса о вооруженном восстании: нам пришлось и здесь вести борьбу все время на два фронта: с с.-р., с одной стороны, и, с другой стороны, с меньшевиками. Нам пришлось вести борьбу против меньшевиков, которые слишком легко относились к вопросу о подготовке самого восстания, занимались поверхностной политической агитацией и пропагандой, вышучивали наши планы восстания, всякую разработку военно-боевых «технических» планов, уверяя, что революция есть стихийный процесс, не укладывающийся в рамки организационного предвидения и руководства. Пришлось вести борьбу и с теми, которые считали себя «самой левой партией», а на самом деле не были левыми, — с с.-р., которые сплошь и рядом рассматривали военную работу как работу, которая дает яркие вспышки, сводившие эту работу к отдельным путчам, к отдельным авантюристским выступлениям, не связанным с широким движением масс. Нам приходилось бороться нередко против того, чтобы отдельные войсковые части, в которых накоплено достаточно недовольства, достаточно революционного настроения, не выступали разрозненно, по-одиночке, не растрачивали революционной энергии. Нам приходилось в этом отношении играть сдерживающую роль. Я вижу здесь многих товарищей, которые принимали участие в этой работе и могут припомнить, как нам неоднократно приходилось сдерживать выступления целых гарнизонов, удерживать войсковые части от выступлений и тратить на это дело довольно большие силы. С.-р. считали нас поэтому недостаточно революционными. Вот, дескать, мы рвемся в бой, а вы нас удерживаете. Наши доказательства, что надо копить силы для того, чтобы движение было единовременным, чтобы оно было массовым, чтобы в момент наивысшего движения рабочих и крестьян мы могли слить все эти три потока движения, — расценивали сплошь и рядом чуть ли не как умеренность и пр. и пр. С этим неправильным отношением и среди некоторых с.-д. к постановке самой работы в армии, ее целей и задач, нам, большевикам, пришлось вести борьбу. По этому поводу мы много спорили и в 1905, и в 1906 гг. Жизнь показала, что мы в этом отношении были абсолютно правы. Часть наших товарищей по партии, в особенности меньшевики, увлекались тогда нередко мыслью, что им удастся

завербовать значительные группы офицерского состава в нашу партию и что таким путем они обеспечат успех революции. Вы знаете рассуждение Плеханова о том, какое значение имеет работа среди офицерства, какие надежды он возлагал на офицерство. Вы знаете описание Троцкого, я на нем еще остановлюсь, как он убеждал гвардейских офицеров, что в их руках лежат ключи революции, ключи от арсеналов и пр. и пр. Нам, большевикам, были чужды эти иллюзии, эти расчеты на тех, у кого ключи от «арсеналов революции».

Мы вели работу и по созданию боевых организаций. Неверно, что в октябре пролетариат только психологически оказался подготовленным к этой революции, как думают некоторые товарищи (Горин). Он оказался подготовленным не «психологически» только. Прежде всего он оказался подготовленным к этому восстанию политически, он оказался в значительной степени подготовленным к этому восстанию и организационно. Ведь мы с самого начала, с январских дней, ставили работу военных и боевых организаций, а в ряде центров (в Варшаве например) с 1902—1903 гг. велась уже революционная работа в войсках. У нас существовали боевые центры. Рекомендую по этому вопросу довольно хорошую работу т. Познер, собравшей большие материалы. В ближайшее время выйдут протоколы I конференции военных и боевых организаций с большим материалом, собранным той же т. Познер. Вы можете убедиться, что у нас за это время шла громадная военная и боевая работа.

Боевые дружины существовали уже с лета 1905 г., сначала для самообороны, а потом в качестве определенных боевых активных дружин для нападения. Они существовали с лета 1905 г. во всех крупных промышленных центрах. Мы занимались обучением этих боевых дружин. У нас существовали небольшие инструкторские школки для подготовки техников, бомбистов. Мы изучали различные способы изготовления такого оружия, как гранаты, как бомбы. В этом отношении мы пользовались опытом Русско-японской войны, которая, как указывал нам Ленин, выдвинула такое оружие, как гранаты, имеющие громадное значение в уличных боях. Затем мы использовали опыт македонских повстанцев и поставили изготовление в большом количестве так называемой македонки. Во «Вперед» мы печатали статьи об опыте баррикадной борьбы. Меньшевики над этим смеялись, как вы знаете. Они говорили о том, что мы занимаемся вопросом — в какой день назначить восстание в лунную ночь или в темную ночь, с воскресенья на понедельник или с понедельника на вторник. Все это казалось им очень остроумным, но все это показывало их, по сути дела, необычайный кретинизм и ограниченность в этих вопросах, полное непонимание этих вопросов и игнорирование их, в основе которого лежала либеральная боязнь революции, желание отделаться от самой мысли о необходимости, о неизбежности баррикадной борьбы.

На III съезде партии летом 1905 г. вопрос о подготовке восстания был поставлен тоже не только в плоскости пропаганды, политической и идеологической подготовки. Нет. В резолюции о вооруженном восстании говорится о том, что:

«Движение уже в настоящий момент привело к необходимости вооруженного восстания, что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России, что руководящую роль в этой революции пролетариат сможет сыграть, лишь будучи сплочен в единую самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой, что только выполнение такой роли сможет обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России.

III съезд РСДРП признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснить пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснить при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого по мере надобности особые группы из партийных работников». (Из резолюции III съезда РСДРП).

Таким образом вопрос о боевой подготовке был уже сформулирован на III съезде партии в 1905 г. тогда, когда уже имелся некоторый опыт в этом отношении, когда уже по сути дела было приступлено к этой вооруженной борьбе. Поэтому неправильно говорить, что в декабре пролетариат только «психологически» был подготовлен.

И в сентябрьской и в октябрьской массовых стачках мы уже имели организованными целый ряд боевых дружин. Кое-где эти боевые дружины уже имели первые стычки с царским правительством; имели стычки с полицией, с войсками, охраняли демонстрации и т. д. Таким образом мы к декабрю уже подошли с определенной боевой подготовкой, с определенной военной и боевой организацией восстания, а не только «психологически» подготовленными к тому, чтобы начать эту вооруженную борьбу.

Очень интересно сопоставить нашу постановку вопроса о восстании с тем, как ставили этот вопрос меньшевики. Когда на Лондонском съезде обсуждался вопрос о вооруженном восстании, Мартов так выразил отношение меньшевиков к восстанию:

«Мы предлагаем,— говорил он,— совершенно устранить из порядка дня пункт о «подготовке восстания», предложенный товарищами большевиками. Мы находим, что принципиально недопустимо, чтобы партия классовой борьбы пролетариата на своем съезде обсуждала такой вопрос. С.-д. партия может принимать участие в восстании, призывать массы к восстанию, определять свое отношение к восстанию в форме революционной борьбы народных масс, но готовить восстание она не может» («Протоколы», с. 58).

Видите, как тонко сказано. Она может, стало быть, принимать участие в восстании, возникшем как-то стихийно, призывать массы к этому восстанию, определять свое отношение к восстанию, т. е. чисто кабинетным путем вырабатывать резолюции о формах революционной борьбы народных масс, но готовить восстание она не может, если остается на почве своей программы, если не становится партией заговора. «Наши партийные традиции, — продолжает далее Мартов, — не знают таких вопросов, и я бы предостерег съезд от введения такого новшества, как предлагаемое включение в порядок дня вопроса о заговорщическом «делании» восстания. Что речь идет о подобном заговорщическом делании, видно из того, что в скобках после «подготовка» и т. д. стоит «боевые организации и пр.». Мы не можем на своем съезде обсуждать такого вопроса, как не можем, скажем, обсуждать вопроса — «подготовка цареубийства».

Вот как подошла к декабрю 1905 г. наша партия. Она поставила себе задачу организовать революцию, организовать массы для вооруженной борьбы и сделала уже значительную работу для того, чтобы вооружить эти массы действительным оружием в противовес попыткам меньшевиков вооружить массы «жгучей потребностью самовооружения». Весь ход событий октябрьского восстания показал, что в оценке организующей роли партии в революции, в оценке конкретной подготовки к восстанию, партия большевиков была безусловно права. Если декабрьское восстание потерпело поражение, то оно в значительной степени потерпело поражение от того, что мы недостаточно вели эту подготовку, недостаточно сумели провести подготовительную работу по вооружению передовых рабочих, организации их для решительного натиска, недостаточно имели времени для проведения работы по разложению армии нашего противника, по присоединению большей части этой армии или значительной части этой армии к восставшему пролетариату. Эти недочеты мы учли в 1917 г. и исправили их. Это дало нам возможность в октябре 1917 г. закончить дело революции победоносно.

ХОД И УРОКИ ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ

Я не буду здесь останавливаться подробно на картине восстания на отдельных его эпизодах, отдельных моментах. Мне хотелось бы только привести некоторые оценки значения этого движения нашими

врагами. Вот записка председателя совета министров Витте Николаю II от 17 декабря. Он докладывал царю, что:

«Екатерининская дорога находится в руках мятежников. Они распоряжаются движением. По моему мнению, необходимо послать туда решительного генерала с теми же инструкциями и полномочиями, какие даны генералу Ренненкампфу относительно Сибирской железной дороги. Это необходимо сделать безотлагательно, иначе закроется масса заводов, и часть России останется без топлива. Вообще вся беда, что нет войск. По крайней мере необходимо согласовать действия военного и гражданского начальства. Военное начальство стягивает войска для учения новобранцев. Губернаторы заявляют, что если у них отберут мелкие отряды, то губернии погибнут».

Как расценивал председатель совета министров создавшееся положение? «В декабре месяце, — писал он, — вся Россия была превращена в сплошной военный лагерь».

Те карты военных действий, которые имеются у нас в Музее революции, те схемы, где отмечены города, в которых власть перешла к народу, в которых было вооруженное восстание и другие отдельные моменты восстания, дают слишком недостаточное представление о всей картине декабрьского восстания 1905 г.

21 декабря, через 4 дня, тот же Витте пишет в еще более тревожных, растерянных тонах:

«К сожалению, мы везде посылаем войско уже после происшествия и в редких случаях предупреждаем случай. Происходит это, во-первых, потому, что ввиду громадности империи с 136-миллионным населением ни с какой армией за всем не угонишься. Но вне этой общей причины имеются частные: 1)действующая армия еще за Байкалом; 2) малое количество войск, находящееся в империи, крайне ослаблено уходом отпускных без пополнения новобранцами; 3) крайняя слабость многих военноначальников, преимущественно в высших чинах и 4) несогласованность действий военных и гражданских чинов».

Эти и другие военные донесения показывают, что в правительстве существовала довольно большая растерянность, и только недостаточная организованность восстания, и только то, что ряд крупнейших центров все же не был в этот момент подготовлен к восстанию и не вступил в бой, объясняет то, что самое крупное восстание, по крайней мере политически самое важное восстание, восстание в Москве, было подавлено, когда после довольно продолжительного боя Семеновские части пробрались с опаской, ползком на Красную Пресню, уверенные в том, что их взорвут фугасы и мины, заложенные повстанцами.

Надо сказать, что еще накануне декабрьского восстания в отдельных районах положение правительства было весьма угрожающим.

Например в рапорте Меллер-Закомельского, усмирителя севастопольского восстания, на высочайшее имя мы читаем, что: «В течение 12 и 13 ноября положение было критическим... Сводя

изложенное, заключаю, что малейшее колебание в верности служебному долгу Белостокского полка и прочих перечисленных выше частей привели бы к тому, что весь флот, крепость, город были бы в руках мятежников».

Так расценивали тогда правительство и агенты правительства эту обстановку. Вы знаете тревожные, прямо панические телеграммы, которые посылал Дубасов царю, чтобы были присланы войска на усмирение.

Я вспоминаю маленький эпизод, связанный с началом этого восстания. Как вы помните, когда началось восстание, в Таммерфорсе происходила конференция нашей партии. Предполагался общий съезд, но так как он не состоялся, то большевики собрались отдельно и обсуждали ряд вопросов. Когда пришла первая весть о начавшемся восстании, Ильич и другие руководящие товарищи считали, что надо конференцию быстро свернуть и всем поехать принять участие в восстании. И вот я застал в Петербурге заседание, на котором присутствовал, между прочим, представитель меньшевиков Мартов и представитель с.-р. Там делались информационные доклады о подготовке к этому восстанию. Цифры приводились сравнительно довольно большие как в отношении изготовления оболочек для бомб, так и самих бомб. Но, товарищи, мы вначале 1917 г., кажется на складе одного из вокзалов, нашли бомбы, отправленные в 1905 г. в Москву. Так было поставлено это дело тогда. Когда встал вопрос о том, чтобы приостановить движение войск (семеновцев и других, отправляемых из Питера на подавление Москвы), то отряды, которые были высланы для того, чтобы взорвать железную дорогу и некоторые мосты, чтобы просто взорвать телеграфные столбы (причем давались самые простые советы, чтобы столбы не взрывать, а простреливать внизу в перекрестном направлении таким образом, чтобы их легко можно было валить),— эти отряды сравнительно простого дела не могли выполнить. Вы можете сказать, что это несколько противоречит утверждению, что мы к этому восстанию были подготовлены не только политически, но в значительной степени и технически. Что мы недостаточно были подготовлены к этому восстанию технически — это несомненно, и это я подчеркиваю здесь снова.

Мы имели такую картину восстания, когда не было ни одного сколько-нибудь значительного центра, который не был бы охвачен в это время массовой политической стачкой и той или иной формой восстания. Восстание в Екатерининском узле охватило все важнейшие узловые пункты, все важнейшие узловые станции, такие как Александровск, Горловка, Дебальцево и др. Все эти станции находились в этот момент в руках рабочих. Целый ряд закавказских железнодорожных пунктов был в руках рабочих, и в течение нескольких дней

вообще вся власть находилась здесь в руках рабочих. Мы имели в Сибири такое положение, когда все крупнейшие центры, как Красноярск, Чита, Иркутск, на пути движения демобилизуемой армии имели не только советы рабочих депутатов, но и советы рабочих и солдатских депутатов и даже советы казачьих депутатов, а в Красноярске мы имели так называемую «Красноярскую республику». Громадное движение в это же время развивается на Украине и в особенности в так наз. Прибалтийском крае, где уже вступают в бой громадные военные единицы, а не только отдельные боевые дружины; кое-где в Прибалтике мы имеем сражения, как под Туккумом, Руснем, Ленневерденом и т. д., в которых со стороны восставших принимала участие рабоче-крестьянская красная армия в составе 2 тыс. бойцов. Я не имею сейчас возможности подробно останавливаться на всех эпизодах этого движения.

Большое значение в декабре 1905 г имело конечно сочетание массовой политической стачки и вооруженного восстания. Железнодорожная забастовка и забастовка почтово-телеграфных служащих имели также громадное значение для развития всего движения.

ЧЕМУ УЧИТ ОПЫТ БАРРИКАДНОЙ БОРЬБЫ В НАШИ ДНИ

Теперь ясно, что при всей тогдашней растерянности правительства, когда движением была охвачена огромная территория, это движение все же было недостаточно организовано для нанесения решающего удара царскому правительству. В дальнейшем мы остановимся на ряде причин, обусловливавших разгром восстания 1905 г. Здесь же надо остановиться более подробно на том, как было организовано восстание в городах. Нельзя сказать, что для всех нас было ясно тогда, как вести борьбу. В течение довольно долгого времени например велись споры по вопросу о том, применима ли баррикадная тактика в восстании пролетариата современных городов, при современной военной технике, мыслимо ли сейчас за баррикадами отстаивать районы, занятые восставшими, мыслимо ли при современной военной технике противника отстоять вообще эти районы? По воспоминаниям участников вы можете видеть, как наши товарищи по-разному представляли себе уличную борьбу. Читали тогда довольно усердно военную работу Ролля, работу Валка «Тактика уличной борьбы», большевистские брошюры инструктивного характера — Северцева и Вычегодского о тактике уличной борьбы. Но сказать, чтобы все наши товарищи, принимавшие участие в борьбе, или, по крайней мере, большинство их имело ясное представление о формах борьбы — конечно нельзя.

Опыт вооруженной борьбы с первых месяцев 1905 г. выдвинул организацию небольших боевых дружин — троек, пятков, легких отрядов, которые могут быстро применяться к местности, хорошо ее

знают, изучили ее, которые могут быстро переходить с места на место, менее уязвимы для противника и могут вокруг себя сколачивать сравнительно быстро такие же подвижные отряды, примыкающие к этим основным ядрам, группирующиеся вокруг этих основных ядер. Было бы неправильно утверждать, как это иногда принято, что Владимир Ильич только так и понимал дело организации наших боевых отрядов, переносить этот опыт на организацию боевых дружин повсюду, считать, что только такие маленькие отряды могут действовать в восстании. Наоборот, Владимир Ильич уже по вопросу об удавшейся в Риге попытке освободить арестованных отрядом в 25—75 человек сказал, что этот опыт заслуживает всяческого внимания. Он писал например по поводу этого опыта:

«Посмотрите, каким успехом даже с чисто военной точки зрения увенчалось предприятие рижан. Убито трое и ранено вероятно 5—10 человек у неприятеля. Наши потери — всего двое, вероятно раненых и поэтому взятых в плен врагом. Наши трофеи — два революционных вождя, отбитых из плена. Да ведь это — блестящая победа. Это — настоящая победа после сражения, против вооруженного с ног до головы врага. Это уже не заговор против какой-нибудь ненавистной персоны, не акт мести, не выходка отчаяния, не простое «устранение», нет. это обдуманное и подготовленное, рассчитанное с точки зрения соотношения сил, начало действий отрядов революционной армии. Число таких отрядов в 25—75 человек может быть в каждом крупном городе и зачастую в предместьях крупного города доведено до нескольких десятков. Рабочие сотнями пойдут в эти отряды, надо только немедленно приступить к широкой пропаганде этой идеи, к образованию этих отрядов, к снабжению их всяким и всяческим оружием, начиная от ножей и револьверов, кончая бомбами, к военному обучению и военному восстанию этих отрядов»[25].

Этот опыт мы полностью использовали в 1917 г., когда отряды и боевые дружины строили не только по пяткам, тройкам или десяткам — в бою приходилось чаще всего действовать именно такими группами, — а когда мы строили уже более крупные отряды, которые имели более внушительную силу для выполнения боевых заданий, требуемых революцией.

Следует несколько остановиться на тех спорах, о которых я говорил, по вопросу о баррикадной тактике. Всем вам знакомы советы, которые давал Энгельс в известном предисловии к «1848 г. Революция и контрреволюция в Германии». Как вы знаете, это предисловие Энгельса было в свое время так сфальсифицировано лидерами

[25] Ленин, Соч., т. VIII, с. 233, статья «От обороны к нападению» (разрядка моя — *Е. Я.*).

II Интернационала, что выходило, будто бы Энгельс был против баррикадной борьбы, что он после восстания 1848 г. и после Парижской Коммуны считал, что вообще баррикадная тактика уже не применима в современных условиях. Усилиями Д. Б. Рязанова нам удалось установить, что в этом отношении меньшевиками проделана просто-напросто грубейшая фальсификация. Об этом подлоге, как вы теперь знаете, Энгельс еще при жизни писал Лафаргу, что Бернштейн взял из его предисловия все, что ему нужно было для доказательства во что бы то ни стало мирной и противонасильственной тактики. «Между тем,— писал Энгельс,— я рекомендую эту тактику только для Германии настоящего времени». И, наоборот, Энгельс подчеркивал в целом ряде мест, что может быть при других условиях баррикадная тактика уличной борьбы будет не только применима, а обязательна. Он писал:

> «Значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет уже играть никакой роли? Нисколько. Это значит только, что условия 1848 г. стали более неблагоприятными для гражданских инсургентов, более благоприятными для армии. Всякая будущая уличная борьба может таким образом победить только в таком случае, если этот минус ситуации будет компенсирован другими моментами. Она будет иметь место реже в первой фазе социальной революции, чем в дальнейшем ходе ее, и должна будет вестись при помощи более значительных сил. Но последние предпочтут тогда, как и во время всей Великой французской революции, или 4 сентября и 31 октября в Париже, открытое наступление пассивной баррикадной тактике» [25а].

Ясно, что Энгельс вовсе не отрекался от баррикадной тактики. И опыт восстания 1905 г. показал, что речь идет не об отказе от баррикадной тактики («пассивной баррикадной тактики»), а о новой баррикадной технике, когда за баррикадами вовсе не сражаются массы, непосредственно стоящие за ними, укрывающиеся за этими баррикадами, а когда баррикады являются препятствием для движения войск, являются до известной степени даже моральной преградой для движения войск или преградой физической в том смысле, что требуют большей настороженности этих войск, требуют времени для разрушения этой преграды, требуют известных боевых действий для того, чтобы подготовить взятие территории, находящейся за баррикадами.

Какое значение имели баррикады в городах у нас в восстании 1905 г., особенно в Москве? Они имели гигантское значение: войска боялись баррикад. Не надо думать, что сейчас войска современной армии не боятся баррикад. Во время Гамбургского восстания были построены довольно неплохие баррикады, и вот был такой момент, когда броневик противника подошел к баррикадам, а в это время очень быстро позади него выросли другие баррикады, и бро-

[25а] Введение Энгельса к «Классовой борьбе во Франции».

невик очутился между двумя баррикадами; это совершенно вывело его из строя, — не в том смысле, что он не мог двигаться, а в том смысле, что это внесло панику, растерянность. Так что даже и по отношению к современным европейским городам нельзя говорить о том, что баррикадная тактика не имеет значения, что она уже совершенно не может применяться при наличии современной военной техники. Конечно современную военную технику нужно учитывать, она должна приниматься во внимание, но опыт баррикад 1905 г. и опыт гамбургских баррикад показывает, что баррикадная тактика должна быть изучена, должна применяться в соответствующей обстановке, что она не отжила своего времени. Конечно баррикадная тактика 1905 г. вовсе не была баррикадной тактикой 1848 г. Здесь мы не имели масс, скрывающихся непосредственно за баррикадой, когда позади стоят карабинеры, солдаты, которые стреляют тут же за баррикадами. Во время восстания 1905 г. нередко стреляли не из-за баррикад, а стреляли из-за других прикрытий — из-за углов, с высоких мест, с крыш и т. д. Наши боевые дружины тем и отличались, что они прекрасно знали местность. Боевые дружины шмидтовцев, Виноградова и целый ряд других тем и были сильны, что несмотря на свою малочисленность, несмотря на то, что они были хуже вооружены чем солдаты царской армии, они вселяли страх в противника своей подвижностью, своим умением применяться к местности, тем, что они были смелы, тем, что они умели нападать и умели обороняться за баррикадами.

Если говорить о другом опыте, о Кантоне, где 58 часов власть находилась в руках восставших, то надо сказать, что громадная ошибка восставших была в том, что они даже *не попытались* построить баррикад, даже не попытались удержаться более долго. У них в распоряжении было 30 пушек. Правда, они эти пушки не использовали. Они могли использовать только 5 пушек и то очень плохо, потому что у них не было людей, умевших пользоваться этими орудиями. Если бы при наличии этого оружия и пулеметов, которые попали в их руки в очень большом количестве, кантонские коммунары сумели использовать опыт баррикадной тактики, то еще неизвестно, как бы кончилось это сражение кантонских коммунаров. Знакомство с новыми военными работами поэтому говорит за то, что было бы неправильно выкидывать из арсенала вооруженной борьбы рабочего класса, из арсенала грядущей революции такие средства и формы борьбы, как тактику баррикадной борьбы. Ленин подчеркивал несколько раз в своих работах именно эту мысль: надо иметь в виду, что 1905 г. подтверждает вовсе не то, что баррикадная тактика устарела, а что мы имеем перед собой *другой* вид баррикадной тактики, *новую* баррикадную тактику.

Затем — *руководство восстанием*. Руководство восстанием у нас в целом ряде районов, в том числе и в Москве, было

крайне плохо организовано. Не было четкой организации этого руководства. Не говоря уже о том, что существовало в начале несколько центров, претендовавших на руководство восстанием, что отсутствовала благодаря этому быстрая подвижная связь с отдельными районами, что инструкции, директивы в районы попадали очень поздно, — руководящие центры не имели определенного плана восстания. Ленин отмечает, что массы вынуждены были строить баррикады, не дожидаясь указаний, ибо директивы о постройке баррикад приходили с опозданием на 1—2 дня. Правда, инструкции наших боевых организаций при Московском комитете, были разработаны довольно неплохо, я не излагаю их в уверенности, что товарищи, интересующиеся этим вопросом, с ними знакомы [26]. Эти инструкции содержат целый ряд очень существенных конкретных советов и технического, и политического характера. Но эти инструкции были распространены уже в момент восстания. Важно было конечно, чтобы такого рода инструкции пропагандировались задолго до восстания. Почему бы например некоторым нашим коммунистическим газетам сейчас не воспроизводить у себя этого материала? Это возможно даже при тех условиях работы, в которых они находятся. Такие органы, как «Роте Фане», как «Юманите» и др. органы, могут у себя помещать систематические руководящие статьи крупных военных работников о методах уличной борьбы. Можно это сделать в теоретической форме, в форме исторических очерков, как мы делали это у себя, правда, в подпольной печати — в газетах «Вперед», «Пролетарий». А эта необходимая подготовительная работа не ведется. Может быть это не анекдот, что некоторые рабочие думают, что для занятия вокзала во время восстания нужно запастись перронными билетами, когда массы рабочих не имеют абсолютно никакого представления о тактике уличной борьбы, о самых необходимых, элементарных приемах борьбы в самом начале, прежде чем еще в это движение втянуты более широкие массы.

Как были вооружены наши боевые дружины? Тут сплошь и рядом говорят о том, что наши боевые дружины были крайне плохо вооружены. Это конечно верно. Однако нельзя также преуменьшать работы по вооружению масс. Мы их вооружали не только «жгучей потребностью самовооружения». У нас такие товарищи, как Стомоньяков, Красин и целый ряд других, сидели на закупке, на транспортировке оружия. Некоторые наши организации, в особенности в Закавказье, были совсем не так плохо вооружены. И надо вам сказать, товарищи, что даже такие отрывочные данные, какие мы находим в официальных источниках, об оружии, найденном после восстания при обысках, говорят о том, что наши рабочие-боевики

---

[26] См. Ем. Ярославский, Вооруженное восстание 1905 г., Гиз, 1925.

уже не так плохо были вооружены. Я беру данные из недавно вышедшей работы Антошкина — «Фабрика на баррикадах. Трехгорная мануфактура в 1905 г.». Вот результаты обыска на Трехгорной мануфактуре, где был штаб Красной Пресни и где была спрятана после восстания часть оружия,— подчеркиваю, часть оружия.

«19 утром у ворот фабрики стоял караул Ладожского полка. В тот же день начался обыск фабрики шестью ротами семеновцев и двумя с половиной ротами Ладожского полка. Обыск закончился 20 декабря. Найдено несколько шашек, ружей, около сотни револьверов, охотничьи патроны и пистоны, порох, мешок с разными патронами, припасы для изготовления бомб, несколько коробок со взрывчатыми веществами, 4 коробки с гремучим студнем, с капсюлями гремучей ртути и бикфордовыми шнурами, чугунный шар, снаряженный бездымным порохом (метательная бомба), и различные вещества для приготовления взрывчатых веществ. Кто-то из рабочих 20 декабря указал капитану Тимрот, что на чердаке новых спален зарыто оружие. При обыске там оказались патроны и три бомбы большой мощности, план Прохоровской мануфактуры, два плана Пресненской части г. Москвы, с отметками, разные записи и записная книжка. Капитан Свечников рассказывал 24 декабря судебному следователю, что, придя на Прохоровскую фабрику, они (семеновцы) потребовали выдачи оружия. Для указаний вытребовали двоих бывших накануне в депутации рабочих: Селиверста Соколова (который выдавал всех, кого знал, и семеновцам, и судебному следователю) и брата жены, мужа которой накануне убили дружинники при обстреле депутации (по показанию Н. И. Прохорова, убит был рабочий красильного отделения Федор). По их указаниям семеновцы нашли в подвале нового здания спален замурованными в стене 15 ружей, из них несколько маузеровских винтовок и пулеметов Браунинга, 14 шашек, 6 револьверов разных систем, корзину и кулек с патронами разного образца и чугунную бомбу. При дополнительном обыске 17 января 1906 г. на чердаке 5-этажного корпуса спален обнаружено 19 винтовок разных систем, 9 револьверов, фитильная бомба, патроны и холодное оружие».

Найдено около 200 единиц разного огнестрельного оружия. А ведь это была только часть оружия дружинников Красной Пресни. Во всяком случае мы имели даже в Москве не одну тысячу вооруженных людей. Примерно около 8 тыс. человек (считая смены) принимали участие в боевых дружинах, участвовали в боевых действиях в Москве. Это уже довольно большая сила.

ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ И БОРЬБА ЗА АРМИЮ

В этих условиях, когда массы не имели возможности до начала восстания запастись большим количеством оружия, вооружиться как следует, огромное значение имела борьба за армию. Поэтому постановка военной работы, работы по разложению армии противника, ра-

боты по вербовке в ней революционных сил, по созданию ячеек — будущих ядер революционных отрядов, революционных армий, которые в решительную минуту должны вокруг себя сосредоточить наиболее смелых, наиболее отважных людей, наиболее революционно настроенных и увлечь их за собой,— эта работа имела и имеет колоссальное значение. Каковы бы ни были жертвы в этой работе, опыт нашей революции показал, что эти жертвы необходимы для того, чтобы революция могла победить. Поэтому Ленин выдвигал на одно из первых мест борьбу за армию, за влияние на нее. Еще на II съезде нашей партии мы ставили этот вопрос, говорили в резолюции о вооруженном отпоре и о борьбе за влияние на армию. В этой резолюции мы читаем, что:

> «Должны быть применены меры для того, чтобы в случае необходимости демонстранты могли давать активный и по возможности вооруженный отпор полицейским ордам; ввиду того, что при демонстрации все чаще против народа применяются регулярные войска, следует заботиться об ознакомлении солдат с характером и целью демонстраций и призывать их к братанию с народом; следует не допускать ненужного раздражения их со стороны демонстрантов»[27].

Здесь даются тактические указания о том, как привлекать армию на свою сторону. Это был первый период борьбы.

Другой период борьбы заключался в том, что когда мы столкнулись уже с военными восстаниями, мы имели переход частей войск на сторону народа. Мы поставили тогда гораздо более активную задачу — создать военные ячейки в войсковых частях. В этом отношении такие восстания, как Потемкинское, как восстание киевских саперов летом 1905 г., затем выступления в Кронштадте имели громадное значение. Это движение было колоссально по своим размерам, и вся беда, что оно было разрозненным по времени, недостаточно организованным. Например в 1905 г. правительство было вынуждено для предупреждения выступательных движений, для обысков и т. д. как среди рабочих, так и в крестьянстве, и в войсках, вызывать всего, по отчетам военного министерства, 25 233 роты (в разное время), 5 334 эскадрона (сотен), 32 учебных команды, 19 конвойных команд, 18 местных команд, 7 охотничьих команд, 410 орудий, 770 пулеметов. Всего в разное время в 1905 г. вызвано 120 476 солдат. Кроме того по железным дорогам было мобилизовано 88 рот и 10 эскадронов. Только 15% вызовов из всего этого количества падает на полицию, 85% на войска.

В этом отношении также интересны типовые дисциплинарные проступки солдат за 1905—1906 гг. Я вам приведу из этих цифр только две:

[27] Из резолюции II съезда РСДРП. «Резол. съездов и конфер. ВКП(б)», с. 21.

Подвергнуто взысканиям	1905 г.	1906 г.
за нарушение воинского чинопочитания и подчиненности	4 856 чел.	12 778 чел.
за побеги	5 461 „	4 182 „
за нарушение воинского благочиния	2 813 „	3 171 „
за нарушение обязанностей службы в карауле и во время дежурства	1 571 „	2 626 „

Вы видите, что 1905 и 1906 гг. здесь соперничают в количестве различного рода солдатских преступлений, связанных с нарушением воинской дисциплины, чинопочитания, подчиненности и т. д.

А что это означает, можно видеть из другой таблицы, где мы имеем 4 893 судебных приговора над участниками революции в 1906 г., 65% приговоров над участниками революционного движения падает на армию и флот. За одно только участие в вооруженном восстании 1906 г. особыми судебными комиссиями (морской военно-полевой суд) было приговорено матросов: к смертной казни — 54, к каторге — 278, к другим наказаниям — 1 315.

Эти и другие цифры показывают, что мы имеем здесь дело с громадным размером, размахом движения. В октябре — декабре мы имели рабочих-стачечников 1 223 тыс., крестьянских выступлений — 1 590, солдатских выступлений — 89. Так что, если сравнить цифры за весь 1905 г., то мы увидим, как почти пропорционально нарастает движение.

Здесь надо отметить, как Ленин понимал создание революционной армии, что такое, по мнению Ленина, революционная армия. Напомню статью Ленина «Последнее слово» «искровской» тактики или потешные выборы как «новые побудительные мотивы для восстания». По поводу Булыгинской думы Ленин отвечал меньшевикам:

«Не в «новых мотивах» нехватка, почтеннейшие Маниловы, а в военной силе, в военной силе революционного народа (а не народа вообще), которая состоит: 1) в вооруженном пролетариате и крестьянстве, 2) в организованных передовых отрядах из представителей этих классов, 3) готовых перейти на сторону народа частях войска. Взятое все вместе — это и составляет революционную армию. Говорить о восстании, о его силе, о естественном переходе к нему и не говорить о революционной армии есть нелепость и путанница»[28].

Значит Владимир Ильич считал, что громадное значение имеет переход войск на сторону народа и что без перехода хотя бы части правительственных войск на сторону народа, по сути дела, нельзя создать революционной армии. Но Ленин говорит о том, что прежде всего надо иметь в виду вооружение пролетариата, затем вооружение крестьянства и, как одно из условий,— организацию передовых отрядов из представителей этих классов.

[28] Ленин, Соч., т. VIII, с. 304.

Какая же задача возлагается на революционную армию? «Из самого войска выходят отряды революционной армии. Дело таких отрядов — провозгласить восстание». (Конечно Ленин, говоря о революционной армии, не мог не подчеркнуть руководящей роли партии в восстании). «При наличии такого руководства (политического прежде всего) революционная армия дает массам военное руководство, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны, создает опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебрасывает восстание в соседние местности, обеспечивает — сначала хотя бы в небольшой части территории государства (это очень важно подчеркнуть для всех наших зарубежных товарищей — *Е. Я.*) — полную политическую свободу, начинает революционную перестройку прогнившего самодержавного строя, развертывает во всю ширь революционное творчество народных низов».[29]

Ленин тесно связывает вопрос о создании революционной армии с вопросом о создании временного революционного правительства. Революционное правительство такая же насущно необходимая вещь на данной стадии народного восстания, как и революционная армия. Ленин не отделяет в процессе восстания два эти момента — образование революционной армии и образование революционного правительства, ибо образование революционной армии фактически не имеет значения, по мнению Ленина, без образования революционного правительства: революционная армия не имеет тогда должного руководства. Поэтому лозунг образования революционного правительства, как я уже подчеркнул, выдвигается Лениным именно в момент восстания, при наличии некоторой частичной победы восстания.

Об этом говорится в одном из пунктов резолюции III съезда по вопросу о победе вооруженного восстания, «органом которого и является временное революционное правительство».

Здесь надо отметить, что в западноевропейской литературе есть некоторая путаница по вопросу об образовании революционной армии.

Некоторые товарищи утверждают, что в пролетарской революции революционная армия создается только при помощи вооружения пролетариата в противоположность буржуазно-демократической революции, в которой революционная армия образуется будто бы исключительно путем перехода войск на сторону народа. Это конечно неверно. И в буржуазно-демократической революции переход войск на сторону народа обеспечивается конечно степенью организованности пролетариата, степенью его активности. И в пролетарской революции имеет громадное значение переход войск на сторону народа.

---

[29] Ленин, Соч., т. VII, с. 383.

ВОССТАНИЕ И СОВЕТЫ В 1905 г.

Какую роль отводит Ленин советам в восстании? Прежде всего надо отметить, что точка зрения Ленина, точка зрения большевиков в этом вопросе отлична от точки зрения меньшевиков всякого рода оттенков.

> «Весь опыт обеих революций как 1905 г., так и 1917 г., а ровно все решения партии большевиков, все ее политические заявления за много лет сводятся к тому, что Совет рабочих и солдатских депутатов реален лишь как орган восстания, лишь как орган революционной власти. Вне этой задачи советы — пустая игрушка, неминуемо приводящая к апатии, равнодушию, разочарованию масс, коим вполне законно опротивели повторения без конца резолюций и протестов»[30].

Это надо подчеркнуть самым решительным образом, чтобы не было игры в советы, когда всякие Гильфердинги пытаются извратить самый смысл советов, превратить их в пустую игрушку в руках по сути дела буржуазии, в придаток буржуазной власти. Нам надо здесь также подчеркнуть и другую мысль Ленина, что с лозунгом советов играть нельзя, что «Совет рабочих и солдатских депутатов реален лишь как орган восстания, лишь как орган революционной власти. Вне этой задачи — советы пустая игрушка», что если нет условий для того, чтобы создавать такие советы, как органы революционной власти, как органы восстания, то их создавать нельзя, что создание их будет «пустой игрушкой».

Советы, возникшие в 1905 г., до восстания сыграли свою громадную роль, но не следует забывать, что они ведь и возникли-то в обстановке гражданской войны, в обстановке фактически нарастающего восстания, что ведь и политические стачки были элементом подготовки этого восстания, что именно поэтому советы 1905 г. сыграли такую громадную роль[31].

Меньшевики пытались придать советам значение органов самоуправления. Против этого мы самым решительным образом боролись и будем бороться всюду.

> «На деле советы рабочих депутатов и подобные им учреждения были органами восстания,— писал Ленин,— их силы и успех всецело зависели от силы и успеха восстания. Их возникновение только тогда было не комедией, а подвигом пролетариата, когда нарастало восстание. При новом подъеме борьбы, при переходе ее в эту фазу неизбежны и желательны конечно подобные учреждения. Но их историческое развитие должно заключаться не в схематическом продолжении местных советов рабочих депутатов до Всероссийского рабочего съезда, а в пре-

[30] Н. Ленин, Соч., т. XIV, ч. 2, с. 268.

[31] Вот этой-то мысли повидимому и не усвоил П. Горин, когда в своей полемике с Невским о том, какой совет считать первым, отрицает роль Иваново-Вознесенского совета только потому, что сразу не поставил вопроса о восстании. (Примечание к стенограмме — Е. Я.).

вращении зачаточных органов революционной власти (именно такими органами были советы рабочих депутатов) в центральные органы победившей революционной власти, в революционное Временное правительство. Советы рабочих депутатов и их объединение необходимы для победы восстания. Победившее восстание неминуемо создаст иные органы».

Ленин значительно позднее также отмечал, что советы имеют громадное значение именно потому, что они «создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут»[32].

Вот именно с этой точки зрения рассматривал Ленин вопрос и о революционном правительстве. Ставя целью объединение этих советов и создание революционной власти, он писал:

«Революционное правительство необходимо для политического руководства народными массами, — сначала в той части территории, которая уже отвоевана у царизма революционной армией, а потом и во всем государстве. Революционное правительство необходимо для немедленного приступа к политическим преобразованиям, во имя которых идет революция»[33].

Я это подчеркиваю для того, чтобы еще раз оттенить весьма важную мысль Ленина, что нельзя создать революционное правительство до восстания, до его победы, хотя бы в одной какой-нибудь части страны.

«Революционное правительство необходимо для политического объединения восставшей части народа, которая на деле и окончательно порвала с самодержавием, для политической организации ее. Эта организация может быть конечно только временная, как только временным может быть и революционное правительство, берущее в руки власть от имени народа, для обеспечения воли народа, для деятельности посредством народа. Но эта организация должна начаться немедленно, в неразрывной связи с каждым успешным шагом восстания, ибо политическое объединение и политическое руководство не могут быть отложены ни на минуту. Для полной победы народа над царизмом это немедленное осуществление политического руководства восставшим народом не менее необходимо, чем военное руководство его силами»[34].

УРОКИ ВОССТАНИЯ ПО ЛЕНИНУ

Какие главнейшие уроки восстания выводит Ленин из опыта революции 1905 г.? Коротко остановлюсь на этих уроках, на главнейших статьях Ленина, особенно на статье «Уроки московского восста-

[32] Ленин, Соч., т. IX, с. 116.
[33] Там же, т. VII, с. 385.
[34] Там же, с. 383—384.

ния». Прежде всего Ленин в основу этих уроков кладет советы Маркса и Энгельса, которые он так сформулировал в 1917 г.:

«1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо итти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, «моральный перевес». И наконец он берет слова Дантона: «Смелость, смелость и еще раз смелость».

В своей замечательной статье «Уроки московского восстания» Ленин прежде всего отмечает как один из главнейших уроков организационную отсталость и недостаточное руководство декабрьским восстанием,—«все организации не были подготовлены к этому, даже Коалиционный совет боевых дружин говорил (9 декабря) о восстании, как о чем-то отдаленном, и уличная борьба несомненно шла через его голову и помимо его участия».

Второе — это то, что мы недостаточно усвоили необходимую в этом случае тактику «отчаянно смелого, бесповоротного, решительного наступления». «Мы недостаточно усвоили себе эту истину». «А теперь,— говорит он,— не пассивность должны проповедывать мы, не простое «ожидание» того, когда «перейдет» войско,— нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбы за колеблющееся войско»[35].

Сама борьба за армию, за ее переход на сторону восставшего народа, по мнению Ленина, невозможна без того, чтобы массы не выступили с оружием в руках и не умели бы упорно отстаивать с оружием в руках дело революции. Ленин поэтому после декабря 1905 г. говорил, что «нужно разъяснить массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной войны»[36].

Только при этих условиях Ленин считал мыслимою нашу успешную борьбу за войско. Ленин привел целый ряд примеров, когда

[35] Ленин, Соч.. т. X, с. 52.

[36] Там же. с. 50.

мы не умели бороться за войско, когда мы опаздывали с этим делом, а противник воспользовался нашей медлительностью, нашей пассивностью, когда наши запоздалые директивы ослабляли активность масс. Здесь опять-таки мы имеем дело с отсталостью в руководстве. Этот существенный недостаток мы можем видеть и в ряде восстаний после 1917 г., когда организация плетется за движением масс, а не дает руководящих указаний, не направляет его. Это, наоборот, расслабляет наши силы, это дает противнику возможность сконцентрировать свои силы и выиграть время.

Однако задача партии пролетариата заключается не в том только, чтобы со всей объективностью констатировать бесспорные недостатки движения; пролетариат критикует каждый свой шаг для того, чтобы набрать силы для нового движения, нового наступления. Поэтому Ленин, учитывая опыт декабрьского восстания, говорил, что революции есть еще куда итти. Этим он пояснил мысль, что формы борьбы пролетариата еще далеко неисчерпаны, что если правительству уже некуда итти дальше расстрела восставшего народа, то у пролетариата, который использует опыт 1905 г., имеется еще возможность итти дальше. Революция 1917 г. вполне оправдала этот прогноз. Возможность «итти дальше» есть и у пролетариата передовых капиталистических стран, как бы ни были велики военно-технические силы и средства классового врага.

Ленин особенно подчеркивал значение декабрьского восстания как сочетания различных форм классовой борьбы, как высшей формы классовой борьбы. Он говорил, что декабрьское вооруженное восстание есть высшая точка восходящей линии революционной борьбы. Это важно не только для освещения прошлого,— это важно и для завтрашнего дня пролетарской революции. И сейчас еще в ряде западноевропейских партий можно встретить неверные рассуждения относительно того, что массовая политическая стачка может решить дело. Недооценка значения вооруженного восстания как высшей формы классовой борьбы есть по сути дела отрыжка меньшевистского понимания революции, желание избежать вооруженного столкновения, продолжение тактики «скрещенных рук». Надо против этих меньшевистских остатков понимания революции бороться самым решительным образом. Намечая неизбежность будущей борьбы, новой вооруженной борьбы, Ленин определял, какой она должна быть, каким должно быть это вооруженное восстание. «Оно должно быть, по возможности, единовременно. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу»[37].

Возьмем например гамбургское восстание, там массы не знали,

---

[37] Ленин, Соч., т. X, с. 53.

на что они идут. Если мы возьмем ревельское восстание в декабре 1924 г. — массы не знали, что затевает партия, и даже на другой день они недоумевали: что же, собственно говоря, тут происходит?

В № 330 «Правды» от 1/XII 1930 г. дана правильная оценка этого восстания. Привожу существенную выдержку из этой статьи:

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс, это — во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа, это — во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах половинчатых друзей революции. Это — в-третьих».

Все эти три условия имелись налицо к 1 декабря 1924 г. в Эстонии. И ЭКП действовала вполне по-ленински, обращая сугубое внимание на военную подготовку и проведение восстания, ибо «раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию как к искусству значит изменить марксизму и изменить революции»[38].

Почему же все-таки ревельское восстание закончилось поражением пролетариата? Почему при общем революционном настроении масс, при явной поддержке лозунгов компартии громадным большинством населения, при почти полном развале буржуазных верхов, при наличии великолепно продуманного военного плана восстания вооруженная борьба не имела успеха? Основная причина поражения ревельского восстания заключается в неправильном понимании эстонскими товарищами требования Ленина о подходе к вооруженному восстанию как к искусству.

Компартия Эстонии непосредственно перед восстанием сумела втянуть в революционную классовую борьбу громадные массы трудящихся. Однако в решительный момент, во время вооруженной борьбы за власть, эти массы остались пассивными зрителями. Компартия не сумела организационно и в военном отношении увязать выступление передового боевого отряда с выступлением масс. Все внимание уделялось действиям боевых дружин. Из фабрик и заводов, из войсковых частей и учреждений были изъяты наиболее активные товарищи и включены в состав боевых дружин. Заводы и войсковые части в решительную минуту остались без надлежащего руководства. Партия надеялась на стихийное развертывание вооруженной борьбы, а не на ее организацию изнутри. Боевые дружины, на которые делалась основная ставка, были плохо сколочены, плохо знали оружие и совершенно не были подготовлены для упорного ведения уличных боев. Из-за этого пов-

[38] Ленин, Соч., т. XXI, с. 195.

станцы были слишком быстро разбиты. «Они ушли с поля боя еще раньше, чем успели развернуться головные колонны главных сил ревельского пролетариата»[39]. А между тем весь опыт революции говорит о том, что успех восстания прямо зависит от того, насколько массы усвоят уроки революции, насколько они будут подготовлены и политически, и в организационном военно-боевом отношении к самому решительному наступлению.

«Презрение к смерти должно распространяться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага — станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу»[40].

Вот как Ленин намечал будущую вооруженную борьбу.

ДЕКАБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ КАК ВЫСШАЯ ТОЧКА РЕВОЛЮЦИИ

Ленин считал декабрьское восстание высшим пунктом развития революции. В письме к рабочим Красной Пресни он прямо говорил: «Это был высший пункт развития первой рабочей революции против царизма». Но почему этот высший пункт не привел к победе? «Массы были тогда еще слишком не развиты, слишком разрозненны и не поддержали пресненских и московских героев, с оружием в руках поднявшихся против царской помещичьей монархии. За поражением московских рабочих последовало поражение всей первой революции». Но вместе с тем это декабрьское вооруженное восстание имело громадное значение именно потому, что в царской монархии была пробита первая брешь, которая медленно, но неуклонно расширялась и расслабляла старый средневековый порядок. Затем, после декабрьского восстания, «в трудящихся массах города и деревни подвиг московских рабочих внес глубокое брожение». До декабрьского восстания 1905 г., говорил Ленин, «народ в России оказывался неспособным на массовую вооруженную борьбу с эксплоататорами. После декабря это был уже не тот народ». Это Ленин писал уже в 1920 г., учитывая весь пройденный путь. Поэтому он считает, что после 1905 г. начинаются уже арьергардные бои. Он в цюрихском докладе, в 1917 г. прямо говорил:

«Декабрьское восстание — высшая точка революции 1905—1908 гг. С подавлением декабрьского восстания начинается нисходящая линия революции. И в этом периоде есть чрезвычайно интересные моменты; стоит только вспомнить двукратную попопытку самых боевых элементов рабочего класса прекратить отступление революции и подготовить новое наступление». Но

---

[39] «Правда» № 330 (4775) от 1/XII 1930.

[40] Ленин, Соч., т. X, с. 53.

«своей вершины революция 1905 г. достигла в декабрьском восстании в Москве». «Октябрь и декабрь 1905 г. знаменуют высшую точку восходящей линии российской революции»[41].

ДЕКАБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ И БОРЬБА НА ДВА ФРОНТА

Необходимо напомнить что и в революции 1905 г. партия наша вела борьбу на два фронта. Мы вели борьбу против меньшевиков, которые говорили, что никакого восстания не было, что, по сути дела, это был путч; это был неудавшийся бунт, что это выдумало «Новое время», будто бы в Москве было вооруженное восстание. Но мы тогда вели борьбу и «налево», против переоценки сложившейся ситуации, когда не только после 1905 и 1906, но и после 1907 гг. отзовисты и другие говорили о том, что по сути дела ничего не изменилось, что остаются прежние формы борьбы. Ленин после, говоря о бойкоте, писал, что тогда, в 1905 — 1907 гг., нам действительно казалось, что еще не исчерпана революционная обстановка, возможность близкого нового шквала. Но на самом деле мы ошибались — после 1905 г. это были уже арьергардные бои, которые мы должны были расценивать как отступление. Он писал, что

> «Октябрьско-декабрьский период был периодом максимальной свободы, максимальной самодеятельности масс, максимальной широты и быстроты рабочего движения на почве, очищенной натиском народа от монархическо-конституционных учреждений, законов и зацепок, на почве «междувластья», когда старая власть была уже обессилена, а новая, революционная, власть народа (советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и пр.) еще недостаточно сильна для полной замены старой власти. Декабрьская борьба решила вопрос в иную сторону: старая власть победила, отбив натиск народа, удержав за собой позицию. Но само собой разумеется, эту победу не было еще оснований считать решительной победой. Декабрьское восстание 1905 г. имело свое продолжение в виде целого ряда разрозненных и частичных военных восстаний и стачек лета 1906 г. Лозунг бойкота виттевской думы был лозунгом борьбы за сосредоточение и обобщение этих восстаний».

Нас упрекали меньшевики в том, что мы вообще начали борьбу в декабре, когда мы не были достаточно подготовлены. Но вопрос ведь стоял так, как писали в свое время Маркс и Энгельс, что бывают такие моменты, когда поражение менее деморализует массу, чем сдача без борьбы. Декабрь неизбежно вытекал из всего опыта политической борьбы масс в течение предыдущих месяцев. Мы действительно внесли бы деморализацию в ряды рабочих, если бы мы в декабре отказались принять бой.

Само собою разумеется, надо иметь в виду, что Ленин неоднократно предупреждал против игры в восстание, против легкомысленного обращения с лозунгом восстания. Именно потому, что воору-

[41] Ленин, Соч., т. XIX, с. 355.

женное восстание есть самая острая форма классовой борьбы, нельзя **при всяких условиях** провозглашать восстание, нельзя его ускорять, подхлестывать, **если** для этого восстания **нет** необходимых условий.

Ленин говорил после революции 1905 г., когда мы ожидали наступления нового шквала революции, что нам следует говорить только о более серьезной и основательной подготовке к восстанию. Нельзя, говорил Ленин, легкомысленно его выдвигать, но и нельзя пятиться от него назад, если лозунг вооруженного восстания уже брошен в массы.

ДЕКАБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ И МЕНЬШЕВИКИ

Необходимо хотя бы коротко остановиться на наших тогдашних разногласиях с меньшевиками. Вы знаете взгляд Плеханова, который он высказывал после революции 1905 г. о том, что «не надо было браться за оружие», точно так же и его рассуждение о том, как было бы хорошо, если бы мы работали среди офицерства, его юнкерских частей, и его довольно-таки недалекие рассуждения насчет значения крестьянских частей, пехоты и проч. и проч. Но надо иметь в виду, что меньшевики тогда и прямо ренегатски утверждали, что декабрьское восстание не было восстанием. Но если в Москве, даже по самым скромным данным было никак не меньше 1 000 вооруженных дружинников, а со сменами около 8 тыс. человек, если в течение десяти дней фактически шла борьба нескольких десятков тысяч войск правительства с восставшим народом, если были разрушены артиллерией целые кварталы, то изображать это дело не как восстание могут только меньшевики, которые советовали вооружать пролетариат «жгучей потребностью самовооружения». Поэтому нам необходимо особенно бороться против всяких попыток сейчас умалить значение этого восстания, умалить значение подготовки масс к этому восстанию, сводить эту подготовку к «психологической».

Вы помните попытку Плеханова сравнить себя в оценке восстания с Марксом. Маркс, дескать, так же сигнализировал Парижской Коммуне, что она не должна принимать вызова, — Парижская Коммуна не послушалась и была разбита. Вы также знаете, как Маркс боролся против выступлений при неблагоприятных условиях и как он примкнул к этому выступлению тогда, когда оно началось. Как он оценивает движение Парижской Коммуны? Если сравнить оценку Лениным декабрьского восстания 1905 г., то можно сравнить ее только с оценкой, данной Марксом Парижской Коммуне. Декабрьское восстание 1905 г. было после Парижской Коммуны самым величайшим актом классовой борьбы пролетариата. Оно действительно создало совершенно новую обстановку для борьбы пролетариата, оно создало новый революционный народ. И если декабрь 1905 г. не привел нас к

победе, то во всяком случае, мы всем опытом 1905 г. подготовляли победу 1917 г.

Неправильно поэтому смазывать и преуменьшать значение этого восстания, как такого момента, который с наибольшей остротой противопоставляет пролетариат буржуазии, в этот момент уже вступившей в сделку с царизмом.

Я еще раз обращаюсь к т. Горину, так как он поступает неправильно, когда говорит, что «если буржуазная сущность меньшевиков и не была вскрыта в революцию 1905 г., то исключительно потому, что пролетариату не пришлось непосредственно столкнуться на баррикадах с русской буржуазией»[42]. Но ведь точно так же можно сказать, что пролетариат Парижской Коммуны не сталкивался непосредственно с буржуазией, потому что он имел перед собой армию версальцев, которая состояла не только из буржуа, но и из крестьян. Буржуазия необязательно должна сама непосредственно выступать во всякой революции, да еще на баррикадах. Она для этого имеет свои отряды, наемные отряды, которые выступают. Пролетариат не видит никогда на баррикадах непосредственно буржуазию. Но это не значит, что он за рейхсвером, скажем, или за каким-нибудь фашистским отрядом Пилсудского не может разглядеть буржуазию. Такого рода оценка, мне кажется, преуменьшает остроту той классовой борьбы, которая была в 1905 г., когда именно на этом опыте, как говорит Ленин, пролетариат познал все классы, их роль в этой борьбе и все партии. С этой точкой зрения Ленина расходится вышеприведенное мнение т. Горина.

ТРОЦКИЗМ И ВОССТАНИЕ В 1905 г.

Особое место занимает в истории 1905 г. Троцкий. На этом нам надо остановиться обязательно. Вы знаете, что Троцкий изображает дело так, что в 1905 г. он был очень близок к большевикам. Он даже осмеливается утверждать, что резолюцию о вооруженном восстании для III съезда партии составил он, а Красин согласился с ней, и она была принята III съездом партии, — хотя все факты и документы, опубликованные Институтом Ленина, показывают, что здесь Троцкий занимается самым непозволительным хвастовством и подделкой истории. Впрочем этим он за последнее время занимается так же усердно, как и рыбной ловлей в Босфоре. Так вот следует отметить, что с самого начала 1905 г. мы имеем со стороны Троцкого такие выступления, которые ничего общего с большевизмом не имеют, хотя Троцкий иногда в своих перманентных колебаниях и петушинских перелетах и «приближался» к большевикам.

Начну с оценки вопроса о войне. Мы выступили в революции 1905 г. как пораженцы, и это надо отметить. Если например сей-

[42] Горин, Очерки по истории Советов, с. 83.

час мы ставим вопрос о благоприятных условиях для вооруженного восстания в капиталистических странах, то мы говорим, что они могут создаться также в случае попытки империалистических правительств посредством интервенции решить спор между двумя системами — «кто — кого». Ведь теперь вопрос о пораженчестве будет стоять далеко не так, как он стоял в прошлую империалистическую войну, когда с.-д. удалось обмануть массы лозунгами оборончества, лозунгами мира и лозунгами участия на стороне своего буржуазного правительства в борьбе против «врага», против народа другой страны. Для миллионов рабочих, для десятков миллионов трудящихся в этих странах теперь после опыта империалистической войны и после тринадцатилетного существования пролетарской диктатуры будет ясно, что они не могут защищать капиталистическое отечество. Но нам надо иметь в виду, что вопрос о пораженчестве возникает не с этой империалистической войны. Для истории русской революции он начинается, если хотите, с 1905 г., когда Троцкий защищал лозунг «мир во что бы то ни стало».

Вот что писал Троцкий в брошюре «Наши политические задачи».

> «Отправным пунктом той кампании, которую мы должны открыть немедленно, опираясь на все имеющиеся у нас личные и организационные силы, должна быть, разумеется, война. Лозунг, который она дает, нам ясен: Мир и свобода! Мы должны выдвинуть этот лозунг не только как формулировку нашего принципиального отношения к войне, но как цель, которой мы хотим достигнуть немедленно.
>
> «Мир во что бы то ни стало».
>
> Этим лозунгом начинается и кончается каждая прокламация, каждая агитационная речь. Необходимо учитывать все результаты войны и делать их достоянием массы. Прокламации простые, ясные и по возможности краткие, должны покрыть всю Россию, и все они в каждый данный период агитации должны бить в одну точку: Мир во что бы то ни стало. К этому лозунгу «призовите всех; пусть дойдет наш призыв в каждую мастерскую, в каждую деревню, в каждую хижину. Пусть городские работники сообщат сельским свое высшее понимание и образование. Говорите, рассуждайте всюду, ежедневно, неустанно, беспрерывно. Чем больше миллионов голосов повторят наше требование тем громче раздастся в ушах тех, к кому обращено». (Лассаль, Гласный ответ ЦК.) [43].

У Троцкого вы не найдете ни слова о том, что поражение царских войск по сути дела выгодно для революции.

Точно также и взгляды Троцкого на восстание ничего общего не имели с большевизмом. У Троцкого в то время было чисто меньшевистское представление о значении политической стачки и о соотношении между стачкой и восстанием.

---

[43] Л. Троцкий, Наши политические задачи, с. 86—87.

Он говорил в своей речи на суде в 1907 г., оценивая 1905 г.: «Политическая стачка, вопреки сомнению господина председателя, есть в сущности своей восстание». И дальше он поясняет, почему, каким образом политическая стачка действует на власть:

> «Она парализует ее жизнедеятельность. Современное государство даже в такой отсталой стране, как Россия, опирается на централизованный хозяйственный организм» и проч. и проч. «Она парализует хозяйственный аппарат государства, разрывает связи между отдельными частями административной машины, изолирует и обессиливает правительство. С другой стороны, она политически объединяет массу рабочих с фабрик и заводов и противопоставляет эту рабочую армию государственной власти. В этом, господа судьи, и есть сущность восстания»[44].

Из этого вытекает, что удачная политическая стачка может закончиться полным поражением правительства, и дело может обойтись и без вооруженного восстания.

Затем он в этой же своей речи развивает свое представление о плане и о подготовке к восстанию. «Восстание масс не делается, господа судьи, а совершается. Оно есть результат социальных отношений, а не продукт плана». Здесь — чисто меньшевистские противопоставления плана восстания стихийному результату социальных отношений.

> «Его нельзя создать, его можно предвидеть. В силу причин, которые от нас зависят так же мало, как и от царизма, открытый конфликт стал неизбежен. Каждый день он все ближе и ближе надвигается на нас. Готовиться к нему для нас означало сделать все, что можно, чтобы свести к минимуму жертвы этого неизбежного конфликта. Думали ли мы, что для этого нужно прежде всего заготовить оружие, составить план военных действий, назначить для участников восстания места, разбить город на определенные части, — словом сделать то, что делает военная власть в ожидании «беспорядков», когда разделяет Петербург на части, назначает полковников для каждой части, передает им определенное количество пулеметов и всего того, что необходимо для пулеметов. Нет, мы не так понимали свою роль. Готовиться к неизбежному восстанию, — а мы, г-да судьи, никогда не готовили восстания, как думает и выражается прокуратура, мы готовились к восстанию — для нас это, прежде всего означало просветлять сознание народа, разъяснять ему, что открытый конфликт неизбежен; что все то, что дано, опять будет отнято; что только сила может отстоять право; что необходима могучая организация революционных масс; что необходимо грудью встретить врага; что необходима готовность итти в борьбе до конца, что иного пути нет. Вот в чем состояла для нас сущность подготовки к восстанию».

Ведь это и есть полное отрицание организации восстания, меньшевистское отрицание организа-

[44] Л. Троцкий, Наша первая революция, т. II, ч. 2, с. 168.

ции восстания, это то же самое меньшевистское рассуждение, что не надо заботиться о вооружении масс, а надо вооружать их «жгучей потребностью самовооружения». И дальше:

«Колеблющаяся армия сложила бы свое оружие у ног вооруженного народа. Но оружия у массы не было, нет и в большом количестве не может быть. Значит ли это, что масса обречена на поражение? Нет! Как ни важно оружие, но не в оружии, г-да судьи, главная сила. Нет, не в оружии! Не способность массы убивать, а ее великая готовность умирать,— вот что, г-да судьи, с нашей точки зрения, обеспечивает в конечном счете победу народному восстанию».

Конечно великая способность умирать, т. е. беззаветная преданность революции, является неизбежным условием победы восстания; но в том виде, как Троцкий изображает это дело, — а ведь он имеет в виду защиту революции 1905 г., — получается «защита» ее чисто меньшевистская. В этом представлении нет абсолютно ничего общего с нашим большевистским ленинским пониманием восстания. О действительном восстании здесь нет ни одного слова.

О баррикадах Троцкий говорит, что баррикады могут играть только моральную роль. «По нашему мнению народное восстание «готово» не тогда, когда народ вооружен пулеметами и пушками, — ибо в таком случае оно никогда не было бы готово, — а тогда, когда он вооружен готовностью умирать в открытой уличной борьбе».

Я на этом кончу свои выдержки из этого документа, которые показывают, что Троцкий был меньшевиком с головы до ног, что у него ничего не было большевистского. Его попытка примазаться к нашей большевистской резолюции о восстании показывает, что он вообще не понимал ее характера.

Если взять то, что выдвигал Троцкий, будучи председателем Петербургского совета в 1905 г., то мы увидим, что он выдвигал требование удаления войск из столицы: не борьба за армию, а удаление войска из столицы. Он рассказывает, как он поймал какого-то студента и спросил его, о чем ему говорить — об амнистии? Студент ответил: «Об амнистии все будут говорить и помимо нас. Требуйте удаления войск из Петербурга. Ни одного солдата на 25 верст в окрестности» [45].

Очень любопытно, что этот мифический «студент» натолкнул Троцкого на замечательно «гениальную» мысль требовать вывода войск из столицы. Конечно Троцкий прекрасно знал, что войска из столицы не будут выведены в результате его речей и советов, но он говорил: «Мы не можем, не хотим и не должны жить под ружейными дулами. Граждане! нашим требованием да будет удаление войск из

[45] Л. Троцкий, Наша первая революция, т. II, ч. 2, с. 24.

Петербурга! Пусть на 25 верст вокруг столицы не останется ни одного солдата. Свободные граждане сами будут охранять порядок»[46].

В то время, как мы призывали к братанию на фронте гражданской войны с солдатами, призывали массы бороться за солдат, перетягивать их на свою сторону, вести громадную работу среди войск, — Троцкий ничего об этом не говорит. Наоборот, он повествует о том, как его пригласили на такой-то журфикс в какое-то высокопоставленное общество и как он рассказывал собравшимся там белогвардейским офицерам о создавшемся положении. Троцкий сообщает нам: «Я в свою очередь указал на то, что рабочие безоружны, что вместе с ними безоружна свобода, что в руках офицеров ключи к арсеналам нации, что в решительную минуту эти ключи должны быть переданы тому, кому они принадлежат по праву — народу. В первый и, вероятно, в последний раз в жизни мне пришлось выступить перед такого рода аудиторией»[47].

Но чем он оказался перед такого рода аудиторией? Самым обыкновенным либералом, а не революционером, который должен был бы поставить перед ними остро вопрос о борьбе, который бы сказал, что они будут раздавлены революцией, что революция будет беспощадна по отношению к ним. Он резко бы поставил вопрос хотя бы перед группой сочувствующих из собравшихся там. А тут была либеральная речь перед гвардейскими офицерами о том, что у них находятся ключи к арсеналам нации, — блестящая фраза и больше ничего.

У Троцкого в 1905 г. не было также ни в малейшей степени ленинского представления о советах. Как он например объяснял, почему нужен был Хрусталев как беспартийный председатель? Он объяснял это тем, что «доверяя председательство беспартийному лицу, социал-демократия рассчитывала на свой политический контроль. Она не ошиблась. Уже через 3 — 4 недели колоссальный рост ее влияния и силы сказались между прочим и в том, что Хрусталев публично заявил о своем присоединении к социал-демократии»[48].

Что было бы например, если бы мы выдвинули, скажем, в 1917 г. беспартийного председателя Совета? Это было бы политическое идиотство. Но почему Троцкий возводит в перл революционной тактики то, что председатель Совета — беспартийный адвокат? Опять-таки потому, что он, разумеется, не понимал роли советов как органов революционной власти. Совет занимался пышными декларациями, пышными обращениями, но по сути дела, организационной подготовки восстания Петербургский совет под председательством Троцкого и Хрусталева не вел.

[47] Л. Троцкий, Наша первая революция, т. II, ч. 2, с. 73—74.
[46] Там же, с. 25.
[48] Там же.

В этом вся беда, и Петербургский совет в самый серьезный момент, когда нужно было, чтобы он действительно стал во главе восстания, оказался для этого неспособным. Впрочем Троцкий считал, что Петербург вообще не может начать движения, что Петербург не может победить. Он прямо говорил о том, что Петербург не может взять на себя инициативу движения.

«9 января неизгладимо врезалось в сознание масс. Лицом к лицу с чудовищным гарнизоном, ядро которого образуют гвардейские полки, петербургские рабочие не могут брать на себя инициативу революционного восстания; их миссия, как это показала октябрьская стачка, нанести последний удар абсолютизму, уже потрясенному восстанием в остальной стране. Только крупная победа в провинции могла создать в Петербурге психологическую возможность решительных действий. Но этой победы не было — и колебания сменились отступлением»[49].

Конечно это неправильное объяснение. Несмотря на то, что мы в 1917 г. тоже считали, что можно начать революцию и в Москве, мы имеем все же начало революции, и очень удачное начало революции, именно в Петербурге.

Все эти факты говорят о том, что в 1905 г. Троцкий был по важнейшим вопросам революционной тактики меньшевиком.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ И ВОПРОС О ВОССТАНИИ

Наша оценка 1905 г. была бы совершенно неполной если бы мы не остановились, хотя бы бегло, на взглядах Розы Люксембург и люксембургианцев по вопросу о восстании. Это имеет сейчас особенно большое значение, когда мы говорим о западноевропейских компартиях, среди которых отрыжки люксембургианских настроений, отрыжки таких оценок еще сейчас имеют очень большое значение.

Вы знаете, что у Розы Люксембург ошибки в этом вопросе шли по двум линиям:

1) Недооценка роли организации вооруженного восстания. Эта оценка вытекала у Розы Люксембург из того, что она и самую-то организацию партии представляла себе тоже как стихийный процесс. У нее не было правильного понимания соотношений между стихийностью и сознательностью.

2) Колебания по вопросу о неизбежности вооруженного восстания при увеличении роли всеобщей стачки.

Но надо тут же отметить, что если кое в чем взгляды Розы Люксембург являются отрыжкой взглядов II Интернационала, то Роза Люксембург была все же величайшей революционеркой. Ленин говорил по отношению к ней, что «орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда до облак не подняться». Он называл ее орлом, ко-

[49] Л. Троцкий, Наша первая революция, т. II, ч. 2, с. 122

торый иногда в своей борьбе спускался на землю, но меньшевистским курам не подняться никогда до облаков, до каких подымалась Роза Люксембург. Эта оценка абсолютно правильна, она оправдана всей жизнью Розы.

Но мы проявили бы величайшее неуважение к памяти такого революционера как Роза Люксембург, если бы обошли ее ошибки по вопросу о восстании.

Как она расценивала самое восстание 1905 г.? Она оценивала его конечно не так, как Плеханов. Она говорила: «Взрыв революции в Москве, в «сердце революции», не только бьет обухом царя и правительственные партии, он уничтожает плюгавое гадание наших псевдопатриотов, этих каркающих ворон революции, которые постоянно бросали фразы о «московской темноте», о «московском верноподданничестве, «о московских зверях». Богатырь — московский пролетариат — тронулся и кровью своей плюнул в лицо этим воронам и сорокам. Пусть банда эта теперь скулит под скамьей».

Но вместе с тем, когда мы приходим к оценке ее взглядов на организацию восстания, мы видим, как ошибки Розы мешали ей правильно подойти к вопросу о восстании.

Она писала в 1905 г. в «Форвертс» в статье «Политический переворот в России»: «Овладеть и руководить не началом революционного взрыва, а его концом, его результатами — такова единственная разумная цель, какую может ставить себе политическая партия, если не хочет впадать ни в фантастические иллюзии, переоценивая свои силы, ни в бессильный пессимизм». В этом одно из главных ее отличий от большевиков. Мы ставили вопрос о том, что партия с самого начала руководит восстанием, организует это восстание, а не только овладевает его концом. Тот, кто не может руководить началом, вряд ли сумеет овладеть концом восстания.

В 1915 г. в статье «Кризис социал-демократии» она писала: «Здесь лежит разница между крупными кризисами истории и маленькими народными выступлениями, которые хорошо дисциплинированная партия может легко проводить в мирное время под дирижерскую палочку «инстанций». Исторический момент вызывает каждый раз соответствующую форму движения и сам создает себе новое, изобретает неизвестное до сих пор средство борьбы, определяет и обогащает арсенал народа, не заботясь о всевозможных предписаниях партии». Здесь также сквозит недооценка большевистского понимания роли партии, ее руководящей роли, значения «предписаний партии», т. е. правильных руководящих указаний партии, ее директив.

В 1917 г. она писала:

> «Революция, к сожалению, не делается по команде, но это и не есть задача социалистической партии. Ее обязанностью является лишь всегда смело «сказать, что есть», т. е. давать массам

ясное и четкое представление об их задачах в данный исторический момент, дать политическую программу действий и лозунги, которые из этой ситуации вытекают. Заботу же о том, свяжется ли и когда массовый революционный подъем с этими лозунгами, социализм должен спокойно предоставить самой истории». (Разрядка моя — *Е. Я.*).

Приведенные выписки показывают, насколько Роза Люксембург не понимала, какое громадное значение имеет организующая роль партии. Споры, которые вел Ленин с меньшевиками о том, что мы должны организовать революцию, конечно имеют отношение в значительной степени и к такого рода взглядам, проявляемым нашими товарищами, сплошь и рядом скатывающимися к этой точке зрения, к недооценке сознательной организующей роли партии в революции.

Не менее опасны для революции колебания Розы Люксембург по вопросу о том, неизбежно ли вооруженное восстание, раз такое громадное значение приобретает всеобщая политическая стачка. Опыт 1905 г. и опыт всех последующих политических стачек, массовых политических стачек, подчеркивает, какое могучее оружие имеет пролетариат в виде политических стачек. Было бы величайшей опасностью преуменьшать роль и значение всеобщей политической стачки. Но не менее опасно, когда во всеобщей политической стачке видят высшую форму классовой борьбы, игнорируя постановку вопроса о восстании. А между тем, уже в декабре 1918 г. Роза говорит о решительной борьбе, не говоря прямо о вооруженной борьбе: «Отсюда следует,— писала Роза,— что в наступающей фазе революции забастовки будут не только разрастаться, но они будут стоять в центре, в решающей точке революции, отодвигая на задний план вопросы чисто политического характера». Это конечно неправильно, и на этом нам необходимо сейчас заострить внимание особенно западноевропейских товарищей.

Уже после спартаковского восстания, Роза несколько пересмотрела свои взгляды, и в ее предсмертной статье «Порядок царит в Берлине» мы видим уже несколько иную оценку восстания. «Вожди оказались не на должной высоте. Но вожди могут и должны быть созданы вновь массами и из среды масс. Массы — вот решающий момент, они — то поле, на котором будет достигнута окончательная победа революции. Массы были на высоте, они обратили это «поражение» в звено той цепи исторических поражений, которые являются гордостью и силой международного социализма. И поэтому на этом поражении расцветает будущая победа. «Порядок царит в Берлине». О! тупые палачи. Ваш «порядок» построен на песке. Завтра революция с грохотом снова подымется на вас и вам на страх возвестит гласом трубным «Я была, я есмь, я буду!»

ПРОВЕРКА БОЛЬШЕВИСТСКОГО ОПЫТА 1905 г. в 1917 г.

Надо было бы, товарищи, сегодня более подробно остановиться на уроках восстания нашей революции 1917 г. и на уроках восстания в других странах после 1917 г. К сожалению за поздним временем, я должен сократить эту существенную часть своего доклада.

В 1917 г. мы имели проверку всех методов борьбы 1905 г., нашей большевистской тактики, наших большевистских взглядов на движущие силы революции, нашего отношения к другим партиям. Именно в этом смысле Ленин подчеркивал, что революция 1905 г. есть генеральная репетиция революции 1917 г., есть проверка всех классов, программ, идеологий, проверка правильности всей нашей партийной линии. Последующие годы дополнили, обогатили революционный опыт партии пролетариата и в 1917 г. дали ему возможность, на основе этого опыта, пройдя через ряд отдельных ошибок, притти к Октябрьской победе.

Начну коротко с апрельских дней. Ленин в «Письме к товарищам», касаясь вопроса о том, можно ли было брать власть в апрельские дни, прямо говорит, что «мы хорошо знали тогда, что Советы еще не наши, что крестьяне еще верят пути либер-дановско-черновскому, а не пути большевистскому, восстанию, что, следовательно, за нами большинство народа быть не может, что, следовательно, восстание преждевременно».

Здесь Ленин подчеркивает, что «необходимо сочетание наученной опытом сосредоточенности сознательных и близкого к отчаянию настроения ненависти к локаутчикам и капиталистам у широчайших масс, необходима определенная организация этих масс, чего мы еще не имели в апрельские дни». Ленин, основываясь на опыте апрельских и июльских дней, ставит вопрос о том, как должны подходить марксисты к восстанию и чем отличается марксизм в вопросах восстания от бланкизма. Он говорит что «восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это— во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это — во-первых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов»[60]. Раз эти условия налицо, мы имеем условия для восстания. Значит, не заговор, а опора на передовой класс, опора на революционный подъем масс и затем наличие активности масс при колебании в рядах противника Ленин считал необходимым условием для восстания. Этот взгляд Ленина мы можем проследить во всех документах 1917 г.

[60] Ленин, Марксизм и восстание, Соч., т. XIV, ч. 2, с. 136.

Ленин перечисляет целый ряд условий, при которых военный заговор является бланкизмом.

> «Если этот военный заговор устраивает не партия определенного класса, если его устроители не учли политического момента вообще и международного в особенности, если на стороне этой партии нет доказанного объективными фактами сочувствия народа, если развитие событий революции не привело к практическому опровержению соглашательских иллюзий мелкой буржуазии, если не завоевано большинство признанных «полномочными» или иначе себя показаших органов революционной борьбы вроде «советов», если в армии (буде дело происходит во время войны) нет вполне назревшего настроения против правительства, затягивающего несправедливую войну против воли народа, если лозунги восстания (вроде «Вся власть советам», «земля крестьянам», «немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам в связи с немедленной же отменой тайных договоров и тайной дипломатии», и. т. п.) не приобрели широчайшей известности и популярности, если передовые рабочие не уверены в отчаянном положении масс и в поддержке деревни, — поддержке, показанной серьезным крестьянским движением или восстанием против помещиков и защищающего их правительства, если экономическое положение страны внушает серьезные надежды на благоприятное разрешение кризиса мирными и парламентскими средствами» [51].

Эти ценные указания Ленина являются алгебраической, совершенно точной, проверенной опытом революции формулой, которой всякий революционер в любой стране должен руководствоваться; должен научить применять ее к данной политической обстановке для того, чтобы решить вопрос о том, имеется ли благоприятная обстановка для восстания, для захвата власти. Анализируя июльские дни, Ленин указывает, что в июльские дни этих условий не было. Стало-быть, в июльские дни захват власти был бы преждевременным, был бы бланкизмом. И неправ конечно Троцкий, который говорит о том что, дескать, партия взяла тогда несколько левее. Не партия взяла левее. Нам и в 1917 г. пришлось вести борьбу на два фронта: с меньшевиками, которые были против дальнейшего развития революции, и с капитулянтами, с соглашателями в нашей собственной среде, вроде Зиновьева, Каменева, Рыкова и др., которые были против восстания; и нам нужно было вести борьбу налево, с теми, кто был несколько «левее» партии, вроде Богдатьева, которые считали возможным раньше чем были налицо условия для захвата власти, взять власть. Сталин писал тогда в «Правде» по поводу апрельских дней: взять власть мы конечно могли, но мы не могли бы ее удержать. И в этом суть дела. Когда мы имеем налицо такие условия, что мы можем быть уверены в том, что мы не только захватим власть на

---

[51] Ленин, Письмо к товарищам, Соч., т. XIV, ч. 2, с. 286 (разрядка моя — *Е. Я.*).

несколько часов, а мы эту власть удержим,— тогда мы ставим вопрос о захвате власти.

Обстановка в сентябре была совершенно иная, и Ленин, анализируя эту обстановку в статье «Марксизм и восстание», говорит:

> «За нами большинство класса, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы. За нами большинство народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока с.-р. (и от самих с.-р.) земли не получит. А в этом гвоздь общенародного характера революции. За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и всего империализма, и всего блока меньшевиков с эсерами. За нами верная победа, ибо народ совсем уж близок к отчаянию, ибо он не видит никаких других средств борьбы»[52].

В начале 1917 г. в письме к П. К. и М. К. Ленин писал, что в Петрограде теперь, если в Москве будет одержана победа, победа обеспечена на $^9/_{10}$ бескровно.

Ленин писал в этом письме:

> «Аграрное движение растет, правительство усиливает дикие репрессии. В войске симпатии к нам растут. (99% голосов солдат за нас в Москве, финляндские войска и флот против правительства — свидетельство Дубасова о фронте вообще). В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов. Выборы в Москве — 47% большевиков — гигантская победа. С левыми с.-р. — явное большинство в стране. При таких условиях — «ждать» — преступление».

Тут мы стоим перед вопросом о назначении восстания на определенный срок. Наша большевистская точка зрения заключается в том, что когда есть условия для революции, мы можем назначить восстание на определенный срок. И это доказал опыт 1917 г. Дело конечно не в том, чтобы приурочить его к какому-нибудь съезду, как это предлагал обязательно Троцкий,— приурочить в том смысле, что резолюции съезда будут решать вопрос о переходе власти. Не резолюции съезда решают вопрос о переходе власти, а фактическая организация восставшего пролетариата, стоящего во главе народа, во главе революционных масс, способного в этот момент взять власть силой. И Ленин дает примерный иллюстративный план такого захвата власти. Мы, большевики, тем и отличаемся, что мы придавали плановость, организованность этому восстанию. Разработка плана имеет здесь громадное значение. Ряд военных специалистов (как подполковник Хартенштейн и полковник Ровецкий) — наши классовые враги, разрабатывающие вопросы подавления восстания, подчеркивают как ценное, опасное, важное у большевиков именно то, что большевики действуют по определенному плану, что у них этот план есть, что они умеют как следует расставлять силы,

---

[52] Ленин, Соч., т. XIV, ч. 2, с. 137.

что они умеют и с малыми силами добиться тех успехов, которых нельзя добиться, если этого плана нет.

Ленин дает поэтому прямые указания, как применять марксистские положения по отношению к конкретному вопросу — к вопросу о восстании и захвате власти. Он дает в «Советах постороннего» совершенно точный план, который по сути дела и был выполнен в Октябрьские дни.

Когда Троцкий рассказывает нам, что Октябрьская революция была на $^9/_{10}$ решена тем, что он, Троцкий, придумал замечательную резолюцию, то ведь это не что иное, как самообман Троцкого, как попытка втереть очки массам насчет того, как в действительности совершилась революция. Конечно Троцкий был мастер составлять резолюции; но революция конечно не совершилась от того, что Троцкий принял замечательное решение. Если бы мы не имели на своей стороне «Авроры», если бы мы не имели на своей стороне хорошо подготовленных военных организаций, своей проверенной Красной гвардии, если бы мы не вели активной борьбы за переход войск на нашу сторону, если бы мы не вели борьбы за крестьянские массы, если бы мы не выдвинули таких лозунгов о земле, о мире и т п., то конечно исход восстания мог бы быть иным, затяжка революции была бы конечно гораздо большей, и еще неизвестно, как бы мы справились тогда с теми трудностями, которые выдвинула перед нами революция.

Два слова насчет предположения Ленина, что начать может и Москва. Конечно нельзя сказать, что был только один возможный путь борьбы. При известных условиях, при другой расстановке наших планов и Москва могла бы начать успешнее наступление. Фактически, если говорить о значении хороших резолюций, то дело было так, что Московский совет раньше провел целый ряд мероприятий, фактически означавших диктатуру пролетариата — национализацию целого ряда предприятий рабочими, например национализацию Ликтинской мануфактуры, где хозяева отказались работать, чтобы уморить «костлявой рукой голода» рабочих, и целый ряд других мер, которые показали, что Советы под руководством большевиков становятся на путь пролетарской диктатуры.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТОВ ВОССТАНИЯ В 1905 И 1917 гг.

Я могу лишь очень коротко остановиться на опыте революций в других странах. Прежде всего необходимо указать на полемику Ленина с Радеком по вопросу о «чистой» социалистической революции в связи с ирландским восстанием 1916 г. Помните — по вопросу об ирландском восстании Радек заявил, что это путч, так как «ирландский вопрос был аграрный вопрос, крестьяне были успокоены реформами, националистическое движение теперь было чисто город-

ским, мелкобуржуазным движением, за которым, несмотря на большой шум, который оно производило, социально стояло немногое». Ленин решительнейшим образом выступал против этого и говорил, что «по пословице «нет худа без добра» многим товарищам, не понимавшим того, в какое болото скатываются они, отрицая «самоопределение» и пренебрежительно относясь к национальным движениям мелких наций, откроются глаза теперь под влиянием этого «случайного» совпадения оценки представителя империалистической буржуазии с оценкой социал-демократов!»

И Ленин дает определение того, что такое путч и что такое восстание. «О «путче»,— говорит Ленин,— в научном смысле слова говорить можно только тогда, когда попытка восстания ничего, кроме кружка заговорщиков или нелепых маньяков не обнаружила, никаких симпатий в массах не вызвала». Ленин борется против предрассудка, против вреднейшей иллюзии, будто может быть «чистая» социалистическая революция, к которой не примешивались бы ручейки недовольства других, непролетарских слоев народа. «Думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс, против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета — думать так, значит отрекаться от социальной революции. Должно быть выстроится в одном месте одно войско и скажет: «Мы за социализм», а в другом — другое и скажет: «Мы за империализм», и это будет социальная революция! Только с подобной педантски смешной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание «путчем».

Кто ждет чистой социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции».

Эта статья Ленина, это заострение вопроса на том, что «чистой» социалистической революции быть не может, что социалистическая революция в любой стране пройдет через целый ряд восстаний мелких наций в колониях и в Европе, через ряд революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, через ряд движений несознательных пролетарских и полупролетарских масс, имеет огромное современное значение. Партия должна иметь в виду борьбу масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета. Это надо особенно учесть нашим западноевропейским товарищам, ибо в революцию 1905 г. мы имели именно такой переплет, когда национальный вопрос приобрел громадное значение. Нельзя забывать, что в революционных восстаниях на национальных окраинах — в Польше, в Прибалтийском крае, в Закавказье и т. д.— национальный гнет самодержавия имел очень большое значе-

ние, был стимулом этой революции. И в особенности это нам нужно иметь в виду по отношению к целому ряду европейских стран, где у нас до сих пор недооценивают значения борьбы за крестьянство, за мелкую буржуазию, недооценивают значения антирелигиозной борьбы и т. п. Ведь в современной Германии например и в других странах фашисты крепнут между прочим за счет некоторых слоев крестьянства, городского мещанства, городской мелкой буржуазии, служащих и части рабочих, т. е. тех, как говорил Ленин,—«несознательных пролетарских и полупролетарских масс, которые хотят бороться против помещичьего, против церковного, монархического, национального и тому подобного гнета, но не научились правильно, по-пролетарски бороться». Бороться за эти массы, за участие в целом ряде массовых организаций, которые переходят на нашу сторону,— вот какие важные задачи вытекают из этого для всякого пролетарского революционера, для всякой коммунистической партии.

Позвольте остановиться несколько подробнее на опыте кантонских коммунаров. Мы имеем неплохой сборник материалов[53], ряд неопубликованных материалов в Коминтерне, и мы можем с уверенностью сказать, что если кантонские коммунары и потерпели поражение, то в значительной степени потому, что был недостаточно учтен опыт русской революции с точки зрения стратегических и практических уроков пролетарского восстания.

Нужно иметь в виду, что это восстание правильно характеризуется Коминтерном, с одной стороны, как героический арьергардный бой китайского пролетариата, с другой — как знамя новой советской фазы революции. В течение 58 часов южная столица Китая была в руках пролетариата. Правда, в этой столице еще были районы, не захваченные нами. Это конечно дало потом перевес противнику. Но все же 58 часов на большей части территории Кантона господствовал пролетариат.

Кантонская коммуна имеет то значение, что с этого момента китайский пролетариат становится действительно гегемоном китайского революционного движения, несмотря на поражение этого восстания и жесточайшее подавление его. Он остается, как говорит воззвание Коминтерна, «образцом величайшего героизма китайских рабочих». Если мы слышим троцкистские и другие причитания по этому поводу, то они ничем не отличаются от плехановских причитаний 1906 г., что не надо было браться за оружие в декабре 1905 г.

Был ли налицо тот национальный кризис, о котором говорит Ленин, как об одном из обязательных условий революции? Весь анализ обстановки говорит о том, что именно были такие условия. Но надо отметить, что влияние китайской компартии на массовую орга-

[53] «Кантонская коммуна», Гиз.

низацию кантонских рабочих было ничтожно. Это признают сами руководители движения. Наша китайская компартия не научилась бороться за массовые организации пролетариата. Там были желтые профсоюзы, по отношению к которым китайские товарищи забыли советы Ленина, что мы должны работать в самых реакционных организациях пролетариата. Мелкая буржуазия была еще на стороне Гоминдана, хотя в целом ряде провинций уже было организовано крестьянское движение, но как раз в довольно значительной зоне вокруг самого Кантона крестьянские массы этим движением не были захвачены, не было организованных крестьянских масс. Затем вне Кантона в значительных военных частях партия не вела революционной работы.

Партия готовилась к восстанию организованно, у нее около 2 тыс. рабочих было организовано в боевые дружины, в Красную гвардию, но эта Красная гвардия была до того слабо подготовлена, что когда в руки восставших попало 30 пушек, то только 5 из них частично были использованы. Пулеметы, которые попали к ним в руки в большом числе, почти что не были использованы. Руководство восстанием было необычайно плохо организовано. Арсенал, в котором находилось больше 10 тыс. винтовок и который мог быть захвачен при наличии того оружия, какое было, не был захвачен, что дало потом возможность империалистам вооружить желтые профсоюзы и раздавить движение. Затем не расправились с захваченными контрреволюционерами потому, что решили, что над ними нужен какой-то судебный процесс вместо того, чтобы сразу же поставить их к стенке. Поэтому целый ряд виднейших контрреволюционеров потом вышел из тюрьмы и тут же принялся расправляться с коммунарами. Конфискация имущества этих реакционеров тоже не была проведена. Когда почти что не было денег для покупки провианта,— несколько миллионов серебра лежало в банках нетронутыми. Мы видим здесь воспроизведенными все те ошибки, какие были указаны Марксом по отношению к Парижской Коммуне, — эти ошибки оказались налицо в Кантонской коммуне. Штаб 4-й дивизии контрреволюционных войск не был изолирован, он мог сноситься со своими. Разведочная служба была организована самым отвратительным образом. Когда уже начали отступать, то все же значительная территория была захвачена коммунарами. Но не было даже попытки построить баррикады. Ничего не было сделано, чобы помешать контрреволюционной армии притти на помощь.

Внутри Кантона массы были недостаточно вовлечены в движение. Один из товарищей в своем отчете ИККИ говорит: «Мы не вовлекли в работу своих же товарищей, и поэтому неудивительно, что рабочие были очень плохо организованы. Большинство разоруженных солдат рассеялось по городу. Восстание не было увязано с вол-

нениями железнодорожников, вспыхнувшими на трех железнодорожных линиях. Мы не уделили должного внимания флоту, который так и остался в руках противника. Наша партия не уделила достаточного внимания низовым организациям рабочих» и т. д.

Товарищи, при всех этих недостатках и ошибках наших китайских товарищей, мы должны сказать словами Энгельса: «Разбитые армии хорошо учатся». После кантонского восстания мы видели китайских рабочих, которые, можно сказать, только *после* кантонского восстания поняли, в чем заключается их ошибка, как им надо итти к победе. И мы убеждены в том, что если теперь в другом какомнибудь таком же центре удастся даже не на 58 часов, а на несколько часов захватить власть, то уже не будут повторены эти ошибки и такое громадное количество оружия, которое имела в своем распоряжении кантонская армия, будет теперь использовано уже по другому.

В отношении гамбургского восстания надо также сказать, что целый ряд недостатков и ошибок этого восстания не может обесценить положительного опыта этого восстания, доказавшего возможность успешной вооруженной борьбы в современном большом европейском центре. Было замечательно проведено разоружение полицейских участков, баррикады тоже были построены замечательно. Но основной недостаток движения: *массы не были втянуты в это движение, массы не получили достаточного руководства, достаточной информации* даже о задачах начавшегося движения. Это отмечают даже наши противники. Упомянутый уже полковник Ровецкий говорит, что «организация вооруженных сил восставших, равно как и само восстание, не были надлежащим образом подготовлены». И он отмечает, какие недостатки были у коммунаров.

> «Вообще не было политической подготовки восстания в полном смысле этого слова. Это обнаружилось уже утром 23 октября, когда широкие рабочие круги были буквально застигнуты врасплох восстанием, это сказалось и во время самого боя, так как восставшие получали из районов весьма ограниченную помощь. Во всем Гамбурге только в трех районах — Аймсбютель, Бармбек и Шифбек — были более значительные силы восставших. В районе порта было почти полное спокойствие, за порядком там следила наспех сорганизованная милиция. В других рабочих районах, столь многочисленных в Гамбурге, происходили лишь манифестации и в лучшем случае, отдельные вооружённые выступления коммунистов». «План проведения восстания, хотя и правильный в общих чертах, не был все же достаточно точно и подробно разработан, он не обеспечивал например в более широком смысле слова самого восстания, не предвидел возможности захвата или повреждения центральной телефонной станции, повреждения вокруг города ж.-д. линий и т. п.».

Нам надо отнестись со всей серьезностью и к планам подавления восстаний, разрабатываемым нашими врагами, и к этим оценкам нашего классового врага, к ним надо прислушаться самым внимательным образом, надо, чтобы в наших военных академиях, в наших школах, и в школах, которые организуются нашими компартиями за границей, товарищи изучали этот опыт восстаний, изучали свои собственные ошибки и прислушивались к классовому врагу, изучая его собственные планы подавления революции.

К сожалению я не могу за поздним временем остановиться на целом ряде других не менее интересных восстаний, как ревельское, как болгарское восстание, как захват власти в Кракове в 1923 г. Все эти факты заслуживают самого внимательного изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вряд ли нужно сейчас доказывать, какое громадное значение имеет именно для победы международной революции опыт декабрьского восстания 1905 г. и победа в октябре 1917 г., которая явилась результатом использования этого опыта.

Я напомню вам только основное, что писал Ленин в 1920 г. рабочим Красной Пресни. Он писал, что

> «после декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 г. и которые теперь — через все неимоверные трудности, побеждая муки голода и разрухи, созданные империалистической войной — отстаивают дело всемирной победы социализма».

Нам необходимо помнить, что декабрьское движение 1905 г., как говорил Ленин, велико потому, что оно в первый раз превратило

> «жалкую нацию, нацию рабов (как говорил Н. Г. Чернышевский в начале 60 гг.), в нацию, *способную* под руководством пролетариата довести до конца борьбу с гадиной самодержавия и потянуть в этой борьбе *массы*. Это движение велико потому, что пролетариат показал здесь на опыте возможность завоевания власти демократическими массами, возможность республики в России, показал «как это *делается*», показал практический приступ масс к конкретному выполнению этой задачи. Декабрьской борьбой пролетариат оставил народу одно из тех наследств, которые способны идейно-политически быть маяком для работы нескольких поколений».

В самом деле, прошло уже 25 лет после восстания 1905 г., но не только сегодня, а в течение многих еще лет декабрьское восстание 1905 г. будет живым источником революционного опыта для миллионных масс во всех странах, ибо этот опыт невиданно богат по своим формам борьбы, ценен по сочетанию вооруженного восстания с другими методами борьбы, по своей массовости, по идеологическому наследству, которое пролетариату осталось.

Практически, уже в конце 1905 г. были поставлены основные вопросы современного пролетарского движения.

> Массовые стачки и вооруженные восстания сами собой ставили на очередь дня вопрос о революционной власти и о диктатуре, ибо эти приемы борьбы неминуемо порождали — сначала в местном масштабе — изгнание старых властей, захват власти пролетариатом и революционными классами, изгнание помещиков, иногда захват фабрик и т. д. и т. п. Массовая революционная борьба указанного периода вызвала к жизни такие невиданные раньше в мировой истории организации, как советы рабочих депутатов, а вслед за ними советы солдатских депутатов, крестьянские комитеты и т. п.»[54].

Мы бы неправильно использовали этот опыт, если бы мы упустили громадную роль и значение «партийного руководства, ибо только это правильное партийное руководство, правильное сочетание революционной теории с уменьем практически поставить и разрешить задачу, дало нам возможность, во-первых, правильно учесть политическую обстановку в 1905 г., а в 1917 г. это дало нам возможность широко и смело поставить все задачи борьбы». Не хвостистски констатировать только факты, а смело проявить инициативу организованного авангарда пролетарских масс. Именно это руководство дало нам возможность от несовершенной военной технической подготовки 1905 г. перейти к гораздо более высокой технической подготовке 1917 г., обеспечившей нам победу восстания. Именно это руководство партии дало нам возможность поставить организационную сторону дела на такую громадную высоту, чего никогда не понимали меньшевики. Именно это руководство партии дало нам возможность в момент, когда нам нужно было отступать, маневрировать, совершать это отступление в порядке для того, чтобы от этой передышки, которую нам давало отступление, перейти к новому социалистическому наступлению.

Это социалистическое наступление теперь на наших глазах развертывается во всем мире в величайшую социалистическую революцию. Эта великая социалистическая революция неминуемо закончится победой пролетариата, если он учтет весь громадный революционный опыт восстаний 1905 и 1917 гг., громадный опыт революций после 1917 г. и сумеет исправить ошибки, допущенные в этой борьбе отдельными компартиями и всем движением в целом.

---

[54] Ленин, К истории вопроса о диктатуре, т. XII, с. 350.

САУЛ КРАСНЫЙ

1901—1930

От нас ушел человек, в котором на редкость гармонически сочетались революционер и ученый.

Буржуазия создала особый стиль «объективности» и беспристрастия в науке. Ее ученые жрецы декларировали свою надклассовость и объявили себя стоящими вне политики именно потому, что необходимо было явное сделать тайным. Пролетариату совершенно не нужна дымовая завеса надклассовой «объективности», ибо его классовые задачи совпадают с ходом исторического развития. Здесь лежит секрет подлинного объективизма пролетарской науки, и в этом причина того революционного духа, который ее наполняет.

Эти черты были ярко выражены в С. Красном — революционере, большевике, пламенно преданном своему классу и его партии. В нем не было этой лживой, мнимой «беспристрастной объективности» буржуазного цехового историка. Высшая объективность, вытекавшая из его последовательно-марксистского мировоззрения, примирялась в нем с тем «пристрастием», которое можно встретить у всякого пролетарского революционера. Он соединял в себе темперамент борца с точностью мышления ученого, сочетание, встречающееся не очень часто.

Совсем молодым, неполных восемнадцати лет от роду, он ушел в ряды Красной армии. На фронтах гражданской войны он начал рядовым красноармейцем и благодаря своему энтузиазму, преданности великому делу пролетариата, энергии и способностям был назначен заместителем начальника политотдела дивизии. После окончания гражданской войны он пошел учиться в Институт красной профессуры, который и окончил в 1925 г. У Красного в его работе были крупнейшие политические ошибки (он был за принадлежность к троцкистской оппозиции исключен из партии), но он сумел их исправить, причем сделал это не половинчато, а с последовательностью, искренностью и правдивостью, ему свойственными. Партия оценила Красного по достоинству, и он был восстановлен в правах члена партии, несмотря на то, что он по болезни не мог себя проявить на работе. Трудно себе представить, как страдал этот необыкновенно действенный человек, обладавший огромным запасом неиспользованных сил, от того, что он был прикован к постели в момент, когда перед его глазами разворачивалась картина гигантского строительства социа-

лизма, и он осознал необходимость решительной борьбы с его врагами. Этому делу он мог бы принести конечно огромную пользу, если бы не мучительная болезнь, потом смерть, унесшая этого даровитого человека в расцвете его творческих сил в могилу!

Острый, точный и критический ум, замечательная аккуратность и тщательность в работе отличали Красного как историка. Но в конечном счете он был бы заурядным явлением, если бы обладал только этими качествами. Красный был не просто историком, он был историком-марксистом, он был историком-большевиком. Он вышел из той группы историков, которая была выкована в огне и бурях гражданской войны, которая пришла в науку от великого Октября.

Это сказалось в его способности к широким историческим обобщениям. Буржуазная историческая наука сосредоточивает свое внимание на реконструкции и накоплении фактов, на критике источника. Если она и признает историческую закономерность, то понимает ее формально-идеалистически.

Для Красного, как и для всякого революционера, история была раньше всего не самоцелью, а орудием классовой борьбы. Именно поэтому техника исторической науки, которой он стремился овладеть в совершенстве, была для него только средством, а целью являлось познание закономерности процесса. Очень интересно было наблюдать за широким полетом его мысли, за неожиданным сближением явлений, посредством которого он открывал в них новые, раньше никем не замеченные стороны.

Основным сюжетом научно-исследовательской работы Красного был О. Бланки. Над этой темой он начал работать еще в Институте красной профессуры. Для того чтобы изучить источники вопроса, он был командирован во Францию. В отделе манускриптов Национальной библиотеки он сумел отыскать ряд интереснейших и нигде не опубликованных документов из архива Бланки [1].

Один из этих до тех пор неизвестных документов был опубликован в III томе «Историка-марксиста». Это — «Инструкция к вооруженному восстанию» с небольшим предисловием Красного [2]. Цель этой публикации Красный формулирует сжато в двух фразах: «Реформистская легенда о Бланки, приобревшая прочность предрассудка, должна быть разрушена. Наш долг — реабилитировать величайшего революционера XIX века от множества тяготеющих над ним несправедливых приговоров». Красный предостерегает от слишком

---

[1] Эти документы публикуются частью в настоящем номере «Историка-марксиста»; полностью они будут даны в специальном сборнике, посвященном памяти Бланки, подготовленном самим Красным и выпускаемом Институтом Маркса и Энгельса.

[2] В 1930 г. «Инструкция» была перепечатана на немецком языке, а на французском она и по сей день в печати не появлялась.

большого увлечения своим «героем» и коротко замечает: «Но опасны пока не новаторы, а рутинеры». Красный вполне достиг своей цели: опубликованием этого документа он доказал, что во всяком случае со Второй империи Бланки был не путчистом, не конспиратором, а вождем движения, ориентировавшегося на массы.

Красный после приезда из-за границы прочел в Обществе историков-марксистов доклад, в котором как бы подводил итоги своей предшествующей работы и вкратце формулировал свои взгляды на Бланки [3].

Этот доклад был как бы сжатым изложением той большой монографии о Бланки, которую он готовил и к которой он упорно хотел вернуться даже в самые тяжелые моменты своей болезни. Доклад Красного был посвящен вопросу об эволюции социально-политических взглядов Бланки и вместе с статьей о Бланки в «Большой советской энциклопедии» дает достаточное представление о его точке зрения в этом вопросе. Как известно, литературное наследие Бланки очень невелико, и приходится удивляться тому умению и таланту, с с которыми Красный сумел найти на этой небольшой основе (если даже включить сюда документы, найденные им в отделе рукописей Национальной библиотеки), показать с такой убедительностью идейную эволюцию одного из величайших революционеров прошлого века. Можно соглашаться или не соглашаться с отдельными частностями в построении Красного, но следует во всяком случае признать, что он дал последовательно марксистское понимание Бланки. Красный реставрировал настоящего исторического Бланки и освободил его от наслоений реформистско-меньшевистской интерпретации.

Перу Красного принадлежит еще сжатая, но насыщенная большим фактическим материалом статья по истории Третьей республики в III томе «Книги для чтения по истории нового времени», им подобраны были документы по истории июньских дней 1848 г. и написан ряд рецензий.

Даже то небольшое литературное наследство, которое оставил нам Красный, позволяет заключить, что в его лице мы потеряли талантливого представителя марксистской исторической науки, внесшего в нее живой дух революции. Эта жестокая потеря должна заставить нас с еще большей настойчивостью выковывать новые кадры коммунистов-ученых, которые сумели бы гармонически сочетать в своей работе науку и революцию, как это умел делать наш умерший товарищ.

С. Куниский

---

[3] Печатается впервые в настоящем номере «Историка-марксиста».

С. М. Красный

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ БЛАНКИ [1]

Несколько лет тому назад товарищам, которые принимались за разработку социально-политического мировоззрения Бланки, приходилось доказывать недоверчивому слушателю и читателю, что такого мировоззрения у Бланки не существует вероятно потому, что Бланки стал известен марксистскому поколению эпохи II Интернационала и наших дней по очень краткой и выразительной характеристике, данной Бланки Энгельсом в 1874 г.

«Бланки был первый политический революционер, являющийся социалистом только по чувству,— писал Энгельс о Бланки;— симпатизируя страданиям народа, он не выдвигает однако какой-либо социалистической теории и определенных практических проектов в видах устранения социального зла. В своей политической деятельности он был преимущественно человеком дела, убежденным, что небольшая, хорошо организованная группа, которая попытается совершить в надлежащий момент революционный акт, двумя-тремя своими первыми успешными действиями может увлечь за собою народную массу, и таким способом произойдет удачная революция».

Итак, Бланки — социалист, но социалист, лишенный оригинальных воззрений, а тем более не создавший своей собственной теории, у Бланки нет никаких проектов разрешения социального вопроса, Бланки просто революционный практик. И этим собственно исчерпывалось то представление, какое имелось о Бланки в наших кругах. Задача доказать наличие у Бланки самостоятельного мировоззрения собственно поставлена была уже задолго до меня. Я могу сослаться в доказательство на работу т. Горева, которая появилась уже в 1921 г. Но тогда не имелось еще под руками достаточно материалов, поэтому естественно он не мог отметить некоторых весьма существенных моментов в эволюции его идей.

Бланки выступает как активный политический деятель уже в 1827 г. Мне представляется, что этот период, примерно до 1830 г., не

---

[1] Предлагаемая работа покойного т. Красного представляет собою стенограмму его доклада, читанного в Комакадемии еще в феврале 1927 г. Сломленный тяжелым недугом, он уже не смог сам приготовить к печати этот доклад, высокая научная ценность которого отмечалась тогда же в прениях. Читатель легко заметит, что за это время основные положения, выдвигавшиеся т. Красным, не устарели и не потеряли своей остроты. Докладом т. Красного мы отмечаем исполнившееся 1 января 1931, пятидесятилетие со дня смерти Огюста Бланки.

заслуживает со стороны исследователя особенного внимания потому прежде всего, что исследователь в данном случае не располагает доброкачественными источниками. В литературном наследстве Бланки от этого времени сохранились только две незначительных прокламации, из которых нельзя ни в каком случае составить себе представления о характере мировоззрения Бланки; можно скорее создать представление о настроениях, которые были присущи этому юноше. Несомненно однако, что он уже в ту пору был республиканцем и, как все республиканцы того времени, стоял на точке зрения необходимости решительной революционной борьбы с правительством Карла X. Ничего кроме этого прибавить нельзя. Нужно думать конечно, что Бланки разделял примерно те убеждения, которые разделяли в то время создатели тайного заговорщического революционного движения.

Бланки, как известно, принимает активное участие в революции 1830 г. и является одним из создателей и активных участников Общества друзей народа. От этой поры нам достались в наследство лишь два документа, но достаточно значительных. Это вышедшая в 1832 г. речь на суде присяжных по делу «Общества друзей народа» и неопубликованный до сих пор доклад в «Обществе друзей народа» [2]. Об этом докладе товарищи, интересующиеся Бланки, могут прочесть у Гейне в его корреспонденциях в «Allgemeine Oldenburger Zeitung». Тот, кто читал это место, помнит, как Гейне описывает собрание Общества друзей народа и характеризует царящее там настроение. Он говорит о тени Робеспьера, которая присутствует на этом собрании, и об огненных словах Бланки — одного из наиболее любимых и даровитых ораторов этого Общества.

Вот на основании этих двух документов мы имеем возможность составить себе известное представление о воззрениях Бланки в ту пору. Я характеризую суммарно это следующим образом.

Бланки прежде всего признает наличие классовой борьбы, раздирающей современное ему общество. Он говорит в своей защитительной речи на суде: «Мне кажется, что здесь под новой формой и между другими противниками происходит война феодальных баронов против купцов, которых они обирали на больших дорогах». Такова его характеристика тех общественных отношений, какие существуют в эпоху Июльской монархии. Он говорит о том, что реформа 1830 г. уничтожила аристократию происхождения, возведя на ее место аристократию богатства. Между этой аристократией богатства, которую он подчас смешивает с финансовой аристократией, и всей трудящейся Францией, в том числе пролетариатом, происходит борьба не на жизнь, а на смерть, как сам он выражается. В этом основное содержание той общественной действительности, которая разво-

[2] Доклад печатается в настоящем номере «Историка-марксиста».

рачивается перед ним. Из этого вполне правильного положения он делает и соответствующие политические выводы.

Это признание факта существующей в обществе классовой борьбы в ту пору не было чем-то оригинальным, исключительно свойственным одному Бланки. Было много теоретиков и политиков, в том числе и либеральных, которые тоже признавали наличие классовой борьбы в обществе. Разница между Бланки и многими другими политическими деятелями этой эпохи заключается не столько в диагнозе, сколько в тех мерах, которые он предлагает для лечения социального бедствия.

Вкратце его предложения сводятся к тому, чтобы прежде всего решительным образом изменить существующую политическую форму — заменить монархию республикой. В основе республики должна лежать идея народовластия. Нельзя отказаться от парламента, но этот парламент надо решительным образом изменить, нужно разрешить ему разрабатывать проекты законов, но самые законы должны быть утверждаемы непосредственно народом, его первичными собраниями. Кроме того необходимо самым решительным образом изменить налоговую политику, сводящуюся сейчас к выкачиванию из народных масс миллионов в пользу аристократии. Именно, следует центр тяжести налоговой политики перенести на имущие классы, освободив трудящихся.

Таковы те коренные предложения, которые он вносит. Правда, еще в речах, относящихся к 1832 г., вы у Бланки замечаете влияние сен-симонистов. В 1832 г. Бланки выдвигает идею ассоциации как венца общественного развития; впрочем ни в одной из этих речей идея ассоциации не нашла себе достаточно полного выражения. Таким образом Бланки в 1832 г. может быть назван социалистом только с очень большими оговорками.

1831—1834 гг. французской истории наполнены непрерывными революционными выступлениями французского пролетариата. Все эти выступления являются преимущественно результатом происходившего в те времена во Франции промышленного переворота. Известно, какой тяжелой ценой покупает капитализм переход к машинному производству. Этот переход резко ухудшает уровень благосостояния рабочего класса, вовлекает в производство новые массы, привлекает наконец женский и детский труд. Этот переворот резко меняет быт и облик рабочего и порождает могущественные движения в рабочем классе. Так бывает во всех странах, переходящих к машинному производству, так было и во Франции. Франция в эти годы как раз и характеризуется необычайным повышением политической активности рабочего класса, его борьбы за свое материальное положение, и конечно это обстоятельство в очень большой степени способствовало политическому созреванию тех социалистических и радикальных деятелей,

с которыми мы встречаемся во французской истории. К этому моменту, к 1832—1834 гг., Бланки успел проделать весьма значительное развитие в сторону большего оформления своих социалистических воззрений. Есть даже такая точка зрения, которая изложена Альбером Тома: «К 1834 г. социалистические убеждения Бланки окончательно сложились, и с той поры он остается верным этому движению на всю свою жизнь».

Такова точка зрения А. Тома. Нужно сказать, что доказал он это своеобразным, но мало похвальным способом: взял статью Бланки, написанную действительно в 1834 г., но не увидевшую света, вновь переработанную в 1850 г. и уже в этом переработанном виде опубликованную. Таким образом Тома на основании статьи, написанной Бланки в 1850 г., «создает» теорию Бланки для 1834 г.! Конечно я не могу рассматривать эту статью как источник для определения воззрений Бланки в 1834 г. Я пользуюсь для этого, во-первых, первым номером газеты «Libérateur», вышедшей во Франции в 1834 г., и затем листовкой, написанной Бланки вместе с Адо-Дезажем, называемой «Propagande démlocratique».

Цель газеты изложена следующим образом: бороться за безусловную свободу слова, излагать ясно и просто природу отношений, существующих между хозяином и рабочими, т. е. излагать социальные вопросы, которые составляют по существу основу политической экономии и о которых почтенные профессора избегают что-либо говорить. Так называемого равенства, пишет Бланки в этой газете, не существует в стране, где 32 миллиона жителей подчинены кучке богачей. Существующие у нас политические отношения представляют собою только новое изложение старого режима привилегий: на место феодальных баронов они только ставят финансовых спекулянтов. Вся предшествующая история сводится к борьбе равенства против привилегий в их разнообразных формах. Настоящего равенства можно будет достигнуть только в революционной борьбе против угнетателей.

Несмотря на то, что приведенного было бы достаточно для характеристики идей Бланки в эту пору, я считаю необходимым все же привести еще одну цитату, которой будет вполне достаточно для тех выводов, которые я делаю. Он говорит: «мы — республиканцы, но если республика обманет наши надежды, мы перестанем быть республиканцами, потому что в наших глазах форма правительства есть не цель, а средство, и мы желаем политической реформы лишь как ступени к реформе социальной».

Вот примерно, товарищи, основные, существеннейшие пункты, содержавшиеся в этой газете и названной мною брошюре. Здесь опять-таки социалистические идеи Бланки не нашли себе достаточно четкого выражения. Здесь действительно Бланки представляется нам в виде народолюба, как говорит Энгельс, преисполненного жалостью к

эксплоатируемому народу, готового стать на его защиту, требующего социальных реформ в пользу этого трудящегося народа, но не указывающего действительных путей для разрешения социального вопроса. Но здесь, товарищи, необходимо отметить и второе обстоятельство, которое не может быть нами обойдено. Это его отношение к республике.

До сих пор еще у многих сохранилось представление, что Бланки собственно был просто республиканец и постольку, поскольку республика была осуществлена, три четверти бланкистской программы было выполнено. Но уже для 1834 г. это неверно. Здесь уже Бланки прекрасно сознает всю недостаточность изменения внешности, политической формы и требует более глубокой, более радикальной реформы общественных отношений.

В связи с этим нам необходимо остановиться еще на одном вопросе, имеющем немаловажное значение для определения воззрений Бланки в эту эпоху. Принято считать, что Бланки только продолжал идеи Бабефа, что во всяком случае в 1830 г. Бланки был последовательным бабувистом. Я, товарищи, считаю, что это заблуждение. Я не отрицаю вообще влияния идей Бабефа на Бланки. Влияние Бабефа было достаточно глубоким вообще на всех передовых революционеров Франции в 1830 г., но тем не менее Бланки нельзя считать бабувистом, т. е. непосредственным продолжателем дела Бабефа. Уже из того, что я прочитал, вы видите, что коммунизм Бабефа был несомненно более резко очерчен, значительно содержателен и более точен, а социалистические идеи Бланки в эту пору носят на себе всю печать крайней расплывчатости и неясности.

В качестве доказательства тому хочу привести следующее обстоятельство уже из периода организации тайных обществ. Обычно из того факта, что Бланки является руководителем тайных обществ, делают вывод, что он был бабувистом. В действительности это обстоятельство недостаточно для таких выводов. Без сомнения в состав тайных обществ входило множество последователей Бабефа, и можно назвать несколько таких групп, которые несомненно выражали идеи, известные под именем бабувизма. Но к их числу не принадлежит Бланки. Известно, что «Общество времени года» не было единым: оно распадалось на ряд самостоятельных групп, его окружал ряд менее значительных тайных союзов, а самое это Общество, в собственном смысле слова, хоть и было организацией социалистической, но социализм его не был достаточно определенным и ясным.

Наряду с этим обществом вокруг газет «L'homme libre», «Moniteur», «Républicain» формировалась другая часть коммунистических бабувистских обществ. Для того, чтобы стало ясно различие между этими двумя группами, достаточно зачитать две различных программы. Одна программа бабувистского общества «Трех деревяшек» суще-

ственными пунктами имеет: 1) уничтожение собственности; 2) общность жен; 3) уничтожение семьи; 4) уничтожение тиранов всеми способами; 5) бесплатное обучение и в особенности демократическое воспитание; 6) уничтожение предметов роскоши; 7) общий труд, жилище и еда. И затем следовал еще ряд добавлений. Собираться на работу придется лишь в виде удовольствия. Работа должна быть развлечением, удовольствием, но отнюдь не должна быть принудительной. Наконец, в обществе будущего старые конспираторы должны быть вождями.

Вот примерно те основные пункты, которыми исчерпывалась программа т. н. бабувистов. Нужно сказать, что здесь в некоторых пунктах группа эта пошла конечно дальше Бабефа, и программа ее отразила отчасти и фурьеристские идеи. Но тем не менее здесь близость к Бабефу несомненная. А вот теперь, товарищи, программа того общества, которое и формально и фактически возглавлял Бланки.

Несколько слов о программе. У этого общества собственно программы не было, по крайней мере мы ничего не знаем об этой программе. Поэтому мы пользуемся целым рядом косвенных указаний на программу самого общества. Ясное дело, что при приеме в общество всякого нового члена общества опрашивали. Ему задавали целый ряд вопросов, и на эти вопросы давались соответствующие церемониалу ответы. Так вот, часть этих вопросов носит программный характер и заключает элементы политического исповедания веры этого общества. Во-первых, уничтожение какой бы то ни было аристократии и каких бы то ни было привилегий. Это первый пункт программы. Во-вторых, установление народоправства, республики. В-третьих, равенство прав и обязанностей. Четвертое — обеспечение за каждым права на труд и на образование. И наконец, — народ выражает свою волю, утверждая законы, предлагаемые ему Национальным собранием.

Разница между этими двумя программами столь значительна, что не нуждается в каких-нибудь существенных комментариях. В одном проекте радикальное изменение общественного устройства; в другом — ряд мер достаточно радикального характера, но, в сущности говоря, не претендующих на уничтожение базиса капиталистической эксплоатации: здесь ничего не сказано об уничтожении частной собственности. Речь идет об уничтожении аристократии и привилегий, к этому, в сущности говоря, сводилась программа Бланки в ту пору, когда он был вождем «Общества времени года».

У нас есть еще один документ, но опять-таки косвенного характера для характеристики воззрений Бланки в эту эпоху. Я говорю о книжке Барбеса, в ту пору его единомышленника и соучастника во всех заговорах. Это произведение называется «Несколько слов к имущим в пользу безработных пролетариев». Написано оно в 1837 г., т. е. как раз тогда, когда общество создавалось, и эта книжка была издана для того, чтобы вовлечь в состав общества новых членов. Там сказано:

«Бог, этот вечный источник всякого правосудия, всякой доброты, не мог приказать человеку быть безжалостным эгоистом. Низкие люди заставили его говорить своим языком... Но горе им, потому что бог не является соучастником злых людей и тиранов, он будет их суровым и непоколебимым судьей» и т. п.

Конечно Бланки не несет ответственности за эти пустяки, которые написал Барбес. Все-таки, несмотря на их близость в 1837—1839 гг., между ними лежала пропасть, которая окончательно обнаружилась в 1842 г. Но тем не менее по этой цитате Барбеса можно судить, какими идеями характеризуется общий социально-политический уровень «Общества времен года», хотя в этом обществе не было общеобязательной программы.

Вот примерно, товарищи, таковы те данные, которыми мы располагаем для характеристики воззрений Бланки этого периода. Я все-таки хочу отметить, что «Общество времен года» было обществом рабочим по своему составу, этого не следует забывать. В противовес «Обществу семей, которое существовало ранее, это общество не принимало в свой состав ни учащихся, ни военных, между тем как в «Обществе семей», были и те и другие. «Общество времен года» наполняют исключительно рабочие и так называемые профессиональные революционеры, к числу которых следует отнести и Бланки с Барбесом. У нас имеются списки членов этого общества, привлекавшихся к суду по восстанию 12 мая 1839 г.: из 18 человек только два — Барбес и Бланки — не могут быть отнесены к числу лиц физического труда, все прочие относятся к «людям труда», т. е. к наемным рабочим. Поэтому я считаю, что невозможно относить умеренность программы Бланки за счет состава этого общества, который якобы вынуждал необходимость согласования программы с умеренными социальными слоями, представленными в обществе: это было рабочее общество.

В 1840 г. Бланки был заключен в тюрьму, и к политической деятельности он возвращается только в революцию 1848 г. Здесь уже нам придется иметь дело с Бланки, социалистические убеждения которого полностью созрели и который безгранично превосходит того Бланки, которого мы имели в эпоху тайных обществ. Но прежде еще несколько слов о тактических воззрениях Бланки. Обычно тактическим воззрениям Бланки дается характеристика по его деятельности в 30 гг.; основанием для этого является его участие в восстании 12 мая 1839 г. Я буду здесь чрезвычайно краток, но хочу указать, что это недостаточное основание: не надо думать, что восстания и заговоры, в которых принимал участие Бланки, в 1830 гг., пользуются тактикой, только ему свойственной или им выработанной. Надо со всей решительностью сказать, что Бланки брал оружие, которое было изобретено задолго до него, он просто-напросто пользовался существовавшими традициями революционной борьбы, теми методами, к кото-

рым прибегали решительно все революционные элементы, в частности либеральная буржуазия эпохи реставрации. Помимо Бланки, вне всякого влияния Бланки, иногда вопреки Бланки возникал целый ряд обществ, которые в области организационной делали решительно то же, что делал и Бланки. Это характерно вообще для революционного движения Франции в 30 гг., и конечно Бланки за это никакой исторической ответственности нести не должен.

Теперь я перехожу к революции 1848 г. Прежде всего необходимо упомянуть, что о 40 гг. мы почти ничего не можем сказать, потому что все бумаги Бланки за этот период были сожжены, и поэтому неизвестно, каким изменениям, каким влияниям и давлениям каких обстоятельств подвергалась эволюция социально-политических воззрений Бланки за это время.

С Бланки мы встречаемся в 1848 г.; уже в первые дни, как вам известно, возникает конфликт по вопросу о том, какое знамя будет знаменем вновь созданной французской республики. Здесь водораздел идет очень резко: с одной стороны, пролетариат, требующий красного знамени, а, с другой стороны, вся масса буржуазии и отчасти и мелкой буржуазии, которая отстаивает трехцветное знамя. Важно отметить, что тут Бланки полностью вместе с пролетариатом; об этом говорит хотя бы тот факт, что воззвание о красном знамени собственно было написано Бланки и его ближайшими учениками.

Мы снова встречаемся с Бланки 7 марта. Тут он организует клуб Центрального республиканского общества, выдвигая программу, заслуживающую упоминания. Ее основные пункты таковы: прежде всего безграничная свобода печати, отмена всех правил и постановлений, стесняющих прессу, во-вторых, отмена ответственности за содержание печатных произведений; в-третьих, отмена каких-либо правил и законов, стесняющих свободу собраний или союзов; в-четвертых, смещение судей всех предшествующих трех режимов. Дальше следует организация платной национальной гвардии из рабочих и наконец последний пункт — отмена всех законов, направленных против рабочих союзов. Как видите, программа очень содержательная и к тому же напоминающая собой примерно тот минимум требований, который предъявляют обычно позже социал-демократические партии в условиях капиталистического общества. Прежде всего необходимо обеспечить рабочий класс так называемыми демократическими свободами. Наряду с этим выдвигается требование об отсрочке выборов в Учредительное собрание.

Я не буду останавливаться на этой истории — она известна и имеет небольшое значение для нас сейчас. Важно то, что Бланки откликается не только на общие вопросы рабочего движения, но в равной степени на очередные политические вопросы, стоящие перед рабочим классом и перед революцией.

Однако этими политическими требованиями не исчерпываются предложения, внесенные Бланки. Он считает необходимым перейти от мер политического порядка к мерам обеспечения за рабочим классом известных социальных позиций. При этом он исходит из общего теоретического положения: республика — это эмансипация рабочих, это конец царства эксплоатации, это наступление нового порядка, который освободит труд от тирании капитала. Вот таково его представление о той республике, которая создается в этот момент во Франции. Вот те требования, которые он к ней предъявляет. На этой платформе он предлагает объединиться всем парижским клубам и приступить к разработке тех мероприятий, которые следует принять для осуществления указанных идей. Это заявление им было опубликовано еще 26 марта.

Значительная часть требований Бланки собственно была осуществлена Временным правительством. Но, как вы знаете, это не могло удовлетворить и не удовлетворило рабочее движение, потому что революция возникла из серьезного промышленного и финансового кризиса, который, потрясши всю Францию, естественно отразился и на положении рабочего класса. Париж и провинция наводнены безработными. Социальный вопрос стоит во всей своей остроте. Необходимо принять ряд мер в направлении обеспечения рабочему классу права на труд.

Известны те социальные мероприятия, которые были предприняты Временным правительством для разрешения тяжелого промышленного кризиса, безработицы и т. д. Все эти меры в сущности говоря были направлены во вред рабочему движению и рабочему классу. Это видит Бланки и против этого он пытается действовать елико возможно.

Я не буду останавливаться, товарищи, на различных этапах борьбы между бланкистским клубом и Временным правительством, не буду говорить об отдельных деталях ее. Я остановлюсь на одном кардинальном вопросе: выдвигает ли уже в 1848 г. Бланки идею диктатуры пролетариата или же ограничивается тем сравнительно небольшим кругом требований, которые я вам сейчас прочитал?

Материал, который имеется в нашем распоряжении, не дает нам оснований для того, чтобы утверждать, что идея диктатуры пролетариата была у Бланки уже готова в 1848 г. Наоборот есть полное основание для того, чтобы опровергнуть это положение.

Для доказательства можем привести ряд мыслей, высказанных самим Бланки уже после революции на процессе в Бурже. Бланки говорит там о своем отношении к Учредительному собранию и ко всеобщему избирательному праву. «Именно потому, что собрание представлялось мне неприкосновенным, я делал отчаянные попытки отсрочить его созыв. Я знал, что, собравшись, оно будет суверенно и

что следовательно ему нужно будет подчиняться без противодействия. Моя упорная борьба за отсрочку выборов доказывает мое уважение к тому решению, которое должно было последовать из избирательных урн». И дальше, об Учредительном собрании, которое уже собралось, он говорит: «Я не любил его, но в то же время не возбуждал против него умов. Я не переставал бороться против всякой мысли о нападении на собрание. Говорить массам, привлекать пропагандой на сторону наших идей — таков был мой план, такова была моя ежедневная тема».

Кроме этих собственных признаний Бланки вы можете в очень интересной работе Сюзанны Вассерман о клубах Бланки и Барбеса в 1848 г. прочесть речь Бланки, которую он произнес в своем клубе в ответ на предложение свергнуть Временное правительство и заменить его правительством коммунистической революционной диктатуры. В этой речи Бланки развивает ту мысль, что итти на немедленное восстание нельзя прежде всего потому, что всякое движение без наличия подготовленных к этому движению масс будет обречено на неудачу. Для того, чтобы реализовать такого рода предприятие, необходимы восставшие предместья, необходимо новое 10 августа (свержение монархии в 1792 г.), необходимы массы, увлеченные социалистическим идеалом. Доколе их нет, итти на восстание нельзя. Наоборот задача революционеров сводится к тому, чтобы распространять свои идеи среди широких масс, завербовывать на свою сторону рабочих в мастерских.

Могут сказать, что здесь нет принципиального отрицания пролетарской диктатуры, что здесь есть указание только на несвоевременность перехода к такого рода революционной власти. Но тем не менее ни в одном из выступлений Бланки в 1848 г. вы не найдете положительного указания на необходимость создать такое правительство, которое лишало бы права на участие в политической жизни аристократию, буржуазию, попов, которое давало бы все выгоды и все преимущества политической жизни и самый аппарат государства в руки рабочего класса. Всего этого в течение 1848 г. вы у Бланки не найдете. Есть правда требование о создании национальной гвардии из рабочих и в связи в руанскими расстрелами есть требование о разоружении буржуазной национальной гвардии; но это требование выдвигается только по отношению к Руану, а не распространяется на буржуазную национальную гвардию вообще.

К идее диктатуры пролетариата, т. е. к тому, что имеется наиболее существенного в мировоззрении Бланки, к идее переходного периода, к характеристике тех мер, которые необходимо принять в течение этого переходного периода, Бланки пришел уже потом на основе опыта революции 1848 г. Он пришел к этому только в результате тех испытаний, которые пришлось пережить пролетариату Франции в

1848 г. на основе опыта применения всеобщего избирательного права в революции 1848 г.

Теперь можно перейти к бланкистским идеям, как они сложились в эпоху Второй империи в борьбе с различными направлениями революционной демократии и в борьбе с так называемой Горой, т. е. с крайним крылом либерально-буржуазной демократии. Я начну собственно с последнего.

В бюллетене, который издает Общество по изучению революции 1848 г., в сентябре 1925 г. были опубликованы Зеваэсом, автором очень скверной монографии о Бланки, несколько ранее неизвестных его воззваний. Здесь содержится изложение событий революционного года, дается характеристика партий, принимавших участие в революции, даже устанавливается то отношение, которое должен занимать настоящий коммунист к различным оттенкам политической мысли.

Виновником поражения революции во Франции Бланки считает в первую голову Временное правительство. Вина его заключается прежде всего в том, что оно созвало слишком поспешно Учредительное собрание, не дав возможности революционным партиям распространить свои идеи в народе, во-вторых, в том, что оно своим налоговым законодательством, в частности введением 45-сантимного налога, поссорило массу крестьянства с республикой и, в-третьих, в том, что оно боролось против справедливых требований рабочих и шло на уступки по всей линии социализма.

Что касается деятелей Временного правительства, то Бланки выносит им самое решительное и жестокое осуждение, которое касается не только представителей буржуазии, но не в меньшей мере и представителей левого крыла мелкобуржуазной революционной демократии. Одно из своих воззваний Бланки так собственно и кончает: «Гора мертва, и коммунисты — единственные наследники революционных традиций».

Вместе с Горой Бланки разоблачает и Луи Блана, который дал в революции 1848 г. первый образец меньшевистской соглашательской тактики. Основоположником современного меньшевизма следует считать Луи Блана, и его тактика в революции 1848 г. является классическим образцом меньшевизма, несмотря на то, что в то время его идеи были чрезвычайно популярны в рабочих массах, значительно более популярны, чем идеи всех других социалистов, в том числе и Бланки. Так его и оценивает Бланки, называя его не вождем рабочей партии, а предателем социализма, давая ему оценку именно в таких примерно выражениях [3].

---

[3] См. печатающееся в этом томе письмо Бланки о Луи Блане, также нигде до сих пор не опубликованное и использованное покойным т. Красным.

Нужно сказать, что выводы, которые делает Бланки из революции 1848 г., сводятся примерно к тем же выводам, которые делал и Маркс из этой революции. Близость между Марксом и Бланки в этом вопросе настолько ощутительна, что, несмотря на значительное различие в их мировоззрениях, Маркс считал возможным заключить союз с представителями бланкистской партии. В «Бюллетене Института Маркса и Энгельса» т. Рязанов опубликовал недавно договор, заключенный Марксом и Энгельсом с бланкистами Адамом и Видилем и с английским революционером Гарни. Этим договором создавалось Всемирное общество коммунистов-революционеров. Первые пункты договора гласили: «Целью общества является низвержение привилегированных классов и подчинение этих классов диктатуре пролетариата путем поддержания перманентной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой организации человеческого рода. Для осуществления этой цели Общество образует узы солидарности между всеми партиями коммунистов и революционеров, уничтожая согласно принципу республиканского братства национальные разделения».

Вот примерно та политическая программа, к которой пришел Бланки после опыта революции 1848 г. и которая роднит его с выводами, сделанными Марксом. В целом ряде мест сочинений Маркса и Энгельса вы найдете такую оценку Бланки: Бланки является идейным представителем французского пролетариата, Бланки представляет самую революционную партию во Франции, — все это на основании тех выводов, которые сделал Бланки из революции 1848 г. Основное в этих выводах, как я уже сказал, идея диктатуры пролетариата, но кроме этой идеи Бланки разрабатывает целый ряд практических вопросов рабочего движения, которые несомненно вошли составной частью в будущие социал-демократические программы. Бланки в этот период приходилось выполнить целый ряд задач. С одной стороны, он пытался воссоздать снова разбитую контрреволюцией пролетарскую партию, а с другой стороны, ему приходилось бороться против того направления в рабочем движении, которое после потерь и разочарований, которые понес в этой революции рабочий класс, получило значительный вес, т. е. против прудонизма.

Прежде всего Бланки приходится встречаться с очень острым вопросом об отрицании политики и политической борьбы, — к этому, по существу говоря, ведь и сводятся идеи Прудона.

Влияние прудонизма на рабочее движение было в это время очень сильно. Это сказывалось даже за пределами Франции, ибо прудонизм в первые годы представлял французское рабочее движение в Интернационале. Маркс, формулируя то или иное положение в печатном уставе или в резолюциях Женевского и Лозаннского конгрессов, вынужден был придумывать такие обороты, которые

удовлетворяли бы прудонистов. Бланки с этим влиянием приходилось тем более считаться. Во главу угла своей программы прудонисты кладут предложение (сделанное ими Лозаннскому конгрессу) объявить полный разрыв государства и труда. Бланки по этому поводу замечает: «это правильно в данный момент по отношению к государству, являющемуся жандармом богатых против бедных, но это будет неверно по отношению к рабочему государству. Вообще же пролетариат должен сам стать государственной властью в интересах социальной реорганизации общества».

Здесь дано совершенно ясное и отчетливое построение. Пролетариат не только не должен отстраняться от политической деятельности, но задача его сводится к захвату государственной власти для социалистической реорганизации общества. Сказано совершенно недвусмысленно и не вызывает никаких сомнений.

Не менее сложный и крайне важный вопрос представляет собою вопрос о кооперации. Кооперация выдвигалась прудонистами как панацея от всех социальных зол. Туда они предлагали рабочему классу устремить все свое внимание. На этот счет у Бланки мы имеем следующее высказывание по части общей характеристики кооперации. Кооперация покоится на тех же основах, что и всякое коммерческое общество. Когда читаешь уставы и манифесты кооперации, везде и повсюду встречаешь рассуждения об интересах и нигде — о принципах.

Вот примерно его общее теоретическое отношение: кооперация как коммерческое предприятие не может служить средством к разрешению социальной проблемы. Тем не менее у Бланки имеется диференцированное отношение к вопросам кооперации. Одно отношение к кооперации потребительской и другое отношение к кооперации кредитной и производственной. В вопросе о потребительской кооперации он высказывается следующим образом: «Эффект потребительской кооперации крайне незначителен, но и вреда особого эта потребительская организация принести рабочему движению не может». Как видите, формулировка не совсем приемлемая для марксизма, но тем не менее достаточно отчетливая. Кредитные общества более опасны для рабочего движения, по мнению Бланки, так как они создают иллюзию возможного обогащения рабочего и вовлекают его в невыгодные, рискованные финансовые махинации. Что же касается производственных товариществ, то он их считает «наиболее опасной для рабочего западней. Абсолютно ясно, что лишь крайне небольшая часть рабочих обладает способностями, необходимыми для подобных предприятий. На этом пути и успех и неудача — одинаковое несчастье. Неудача в разорении и разочаровании, успех — еще хуже. Это означает деление рабочего класса на два класса: с одной стороны, масса голодных и невежественных, а с другой стороны, кучка преуспевающих мелких буржуа».

Нужно сказать, что и марксисты третировали кооперацию в условиях капиталистического общества, хотя они и не отказывались от использования, например, потребительской кооперации для защиты интересов рабочих потребителей. Тем не менее, общее отношение к кооперации в условиях капиталистического общества и у марксистов сводилось к тому, что она не может разрешить социального вопроса, она может внести лишь временное улучшение материального положения тех или других групп рабочего класса. Не совсем такую, но близкую к марксистам позицию в вопросе кооперации занимает, как видите, и Бланки.

Далее перед ним стоит вопрос о профессиональном движении. И здесь Бланки собственно выдвигает по противопоставлению идее кооперации идею профессиональных союзов. Он говорит следующее: «В настоящих политических условиях наиболее близким для рабочего класса учреждением является общество взаимопомощи для защиты прав труда и для противодействия капиталу». Здесь не совсем отчетливо выражена сущность профессиональных организаций, но конечно Бланки здесь имеет в виду именно ту организацию, которая будет защищать права труда и противодействовать капиталу, т. е. вести экономическую борьбу рабочего класса.

Наконец очень важным и значительным вопросом рабочего движения этой эпохи был вопрос о стачках. Прудонисты стачку порицали. Они считали ее вредной для рабочего движения. Они видели в стачке бессмысленное уничтожение производительных сил и взамен этого предлагали иные формы борьбы. Бланки решительно и резко высказывается за стачку, считая ее одним из наиболее целесообразных, одним из наиболее сильных орудий в руках рабочего класса в борьбе против капитализма.

Но наряду с этими требованиями он считает одновременно необходимым указать рабочему классу на необходимость создания политических партий. Он требует от него добиться абсолютной свободы печати и собраний. И наконец настаивает на решительном изменении системы народного образования.

Тут будет чрезвычайно интересно отметить отношение Бланки к церкви. Бланки считает, что программа, которая обычно будет приниматься социал-демократами и которая сводится к отделению церкви от государства, совершенно недостаточна. Он полагает, что при такой политике во Франции неминуема победа католицизма, а следовательно и гибель революции. Он не считает возможным совместить революцию с господством суеверий в умах населения. Поэтому он требует вообще запретить какой бы то ни было культ и изгнать священников всяческих культов из Франции. В этом пункте, говорит он, революционное правительство не может пойти ни на какие уступки.

Может быть резкость и непримиримость Бланки в этом вопросе объяснялись чрезвычайной остротой церковного вопроса во Франции. Всем ясно значение клерикализма во Франции, всем известна сила иезуитских организаций и их влияние на крестьянское население Франции. Поэтому в этом вопросе Бланки и выдвигает программу самого крайнего радикализма.

Теперь, после перечисления этих практических вопросов, которые были разрешены Бланки, я перейду к вопросам, имеющим в системе Бланки решающее значение, а именно к вопросу о диктатуре пролетариата. Этому вопросу конечно логически предшествует вопрос о революции, о мерах к захвату власти, о мерах овладения государственным аппаратом, потому что создать государство диктатуры пролетариата можно лишь при условии овладения пролетариатом политической властью.

Здесь у Бланки мы находим очень ясное и четкое решение, которое нами, коммунистами-марксистами, собственно целиком признано. Бланки не считает возможным захват власти через избирательное право, а считает, что единственным средством для захвата пролетариатом государственной власти является вооруженное восстание.

Так как вопросу о вооруженном восстании Бланки придавал огромное значение, так как он считал, что вопросы вооруженного восстания должны быть революционной партией продуманы целиком и во всех деталях, то он написал даже специальную инструкцию к восстаниям[4]. Эта инструкция, как пишет сам Бланки, посвящена, по существу говоря, вопросам военно-технического порядка, там почти нет ни слова о социально-политической стороне восстания. Бланки в этой инструкции интересуют только вопросы военной организации, вопросы построения баррикад, вопросы умелого подкопа, вопросы маневрирования, т. е. вопросы чисто военные. Тем не менее эта инструкция дает нам необходимые основания для выяснения тактических воззрений Бланки, прежде всего для установления его понимания характера вооруженного восстания.

Известно, как толковал это понимание Энгельс: «Из того, что Бланки революцию представляет себе в виде переворота, совершенного небольшой группой революционеров, у него естественно вытекало признание необходимости диктатуры в случае удачи, диктатуры, разумеется, не всего революционного класса, пролетариата, а небольшой группы революционеров, которые совершили переворот и которые сами заранее уже объединились под диктаторской властью одного или нескольких лиц».

Как видите, Энгельс прямо говорит, что Бланки считает восстание делом небольшой группы заговорщиков. Как ни высок однако авторитет Энгельса, я решительно утверждаю, что он в этом вопросе ошибался, ошибался потому, что не знал произведений самого

[4] Была опубликована т. Красным в «Историке-марксисте», т. III, 1927.

Бланки. Ведь «Социальная критика» вышла только в 1887 г., а инструкция к вооруженному восстанию, нужно думать, лежала все время погребенной в бумагах Бланки, и ее никто из французских социалистов не счел необходимым опубликовать. Однако в этой инструкции Бланки призывает и учит рабочее население Парижа, каким именно образом бороться за свою экономическую и политическую эмансипацию. Бланки считал, что такое большое дело, как вооруженное восстание, ни в коем случае не может быть выполнено силами небольшой кучки людей. Поэтому в инструкции речь идет о подготовке к этому восстанию целых районов, речь идет о массовом восстании, о народной армии по собственному выражению Бланки, о народной армии, которой противостоит армия правительства. И нигде ни из каких обстоятельств решительно не следует, что Бланки представлял себе восстание как акцию небольшой группы заговорщиков.

После того как народная армия победила, по той же инструкции нужно принять следующие меры: «Бонапарт, министры, законодательный корпус и сенат объявляются врагами народа. Все без исключения чиновники отрешаются от их должностей, противящиеся же будут расстреляны». Дальше идет длинный список тех лиц, которые в том случае, если они окажут сопротивление вооруженному восстанию, будут расстреляны. В конце же следует такое заявление: «Унтер-офицеры и солдаты, которые во время борьбы объявят себя вместе со своими отрядами сторонниками республики, получают высокую награду в знак национальной признательности. Унтер-офицеры и солдаты, которые во время борьбы встанут за дело республики, будут иметь право либо на отпуск, либо на высшие чины в национальной армии. Вместе с отпуском каждый солдат получит 300 франков сверх жалованья, каждый унтер-офицер — 500 франков».

После восстания естественно перед восставшим и победившим пролетариатом встает вопрос о том, как организовать власть. Тут я возможно короче изложу те мероприятия, которые предлагает Бланки, потому что они уже имеются даже в хрестоматиях по истории революционного движения пролетариата.

Все эти мероприятия примерно сводятся к следующему. Во-первых, принимаются меры к сохранению на прежнем уровне промышленной деятельности Франции, причем там, где хозяева отказываются выполнять роль чиновников государства, они немедленно устраняются, там же, где они соглашаются временно поддержать свое предприятие на прежнем уровне, они сохраняются на своих местах. Дальше говорится о том, что все враги народа — чиновники, черная армия попов и аристократы — признаются врагами народа, подлежащими выселению.

А уже после этих мер необходимо приступить к организации государственной власти. И здесь Бланки рекомендует следующий по-

рядок: всеобщее вооружение рабочего населения, никакой пощады врагу, никакой свободы буржуазии, самая строжайшая диктатура пролетариата Парижа. Далее идет ряд финансовых мероприятий, которые в известной мере предвосхитили финансовые мероприятия советской власти, в частности например отмена долговых обязательств.

Наибольший интерес в этом плане диктатуры пролетариата представляет вопрос — и для нас тоже немаловажный — об отношении вновь возникшей государственной власти к крестьянскому населению Франции. Вы знаете, что Франция в те времена была, да и сейчас еще остается, страной с преобладанием земледельческого населения. Великая французская революция создала мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства, которые продолжают существовать и теперь, так что в случае революции, коммунистической партии Франции придется иметь дело с многомиллионной крестьянской массой, с миллионами крестьянских хозяйств.

Что же рекомендует на этот счет Бланки в своем предложении о создании диктатуры пролетариата? Он указывает на то обстоятельство, что крестьянин не может быть активным сторонником учреждения коммунистического общества, потому что условия быта и характер орудий, которыми он пользуется, вместе взятые, препятствуют такому свободному переходу к новому коммунистическому обществу.

Естественно, что республика, организованная революционным рабочим классом, столкнется в первый же день с трудностями в этой именно области. И тут он рекомендует необычайную осторожность и целый ряд мероприятий. В частности «следует с полной определенностью объявить, что никто, никогда не будет принужден присоединиться со своим полем к какой-нибудь ассоциации, и если он вступит, то это должно быть дело его свободного желания».

Итак на покушение на крестьянскую собственность пролетарское государство итти не должно. Но оно освобождает крестьянство от тяготеющих на его землях обязанностей и налогов и вместе с тем всякими мерами содействует его дальнейшему развитию и процветанию.

Вот примерно тот план диктатуры пролетариата, который содержится у Бланки. Теперь я хотел бы остановиться только на одном моменте. Многие указывали на то обстоятельство, что Бланки после того, как республика — хотя бы и буржуазная — стала фактом, перестал собственно быть революционером, а сделался просто-напросто республиканцем.

Для того, чтобы показать, что это не так, я приведу только одну небольшую выдержку из газеты, которую издавал Бланки в 1880 г. Газета эта называется «Ни бога, ни хозяина». Правда, я беру выдержку из статьи ближайшего ученика Бланки, а не самого Бланки, но нужно думать, что если бы эти идеи, которые высказал Вальян, не были идеями Бланки, это было бы как-нибудь отмечено в газете. И вот что говорится в этой статье: «Свободные выборы мо-

гут быть лишь в таком обществе, где раволюция, уничтожив все привилегии и классы, создаст равенство всех людей и освободит их сознание, то-есть в обществе без бога и господина. Не всеобщее избирательное право, а революция, освобождая пролетария, освобождая человека, создаст равенство. Для всех коммунистических и революционных республиканцев это — очевидная истина. Нужно, чтобы она стала такой же для всех борцов партии трудящихся».

Вот определение позиции Бланки. Это конечно не похоже на позицию фурьериста. Бланки отнюдь не считал, что не нужно касаться той текущей политической злобы дня, которая естественно интересовала рабочий класс. В частности эта пора совпадает с покушением на президента. Это был момент, когда кончается канитель с Мак-Магоном и когда вопрос об опасности, грозящей республике, стоит в центре политической жизни Франции. В газете, которая издается при ближайшем участии Бланки, вы постоянно увидите статьи, направленные на защиту республики и указывающие на то, что только рабочий класс является искренним и действительным защитником республики, между тем как буржуазия в любой момент согласна заменить республику властью какой-нибудь из соперничающих династий.

Вот примерно этапы идейного развития Бланки. Как видите, я все время говорил относительно тех элементов его мировоззрения, которые подвергались изменениям. Я ничего не говорил о неизменных элементах его системы, а есть несомненно отдельные и подчас крайне важные пункты его мировоззрения, которые не подвергались изменению на всем протяжении его политической карьеры. В частности — его философские воззрения. Он вступает в сознательную жизнь с комплексом тех идей, которые известны под именем материализма XVIII в., и до конца своей жизни обнаруживает абсолютную верность этим основным принципам. Далее в своих философско-исторических воззрениях он тоже остается постоянно верен одним и тем же принципам. Он считает, что основным фактором исторического прогресса является развитие просвещения, т. е. собственно разделяет то же заблуждение, на котором стоят материалисты XVIII в. И об этом он продолжает неизменно говорить на всем протяжении своей политической карьеры.

Еще целый ряд моментов его мировоззрения, как например решительный и последовательный атеизм, был присущ Бланки на всем протяжении его политической карьеры. Поскольку именно эти элементы не составляют чего-то изменчивого у Бланки, я этому посвятил наименьшее внимание, тем более, что этот вопрос в достаточной степени выяснен в имеющейся литературе. Я ставил своей задачей в первую очередь показать эволюцию его политических идей.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ БЛАНКИ

I. ДОКЛАД ОГЮСТА БЛАНКИ, ПРОЧИТАННЫЙ В ОБЩЕСТВЕ ДРУЗЕЙ НАРОДА 2 ФЕВРАЛЯ 1832 г.

Граждане! Ваше Центральное бюро поручило мне представить вам доклад о внутреннем и внешнем положении Франции, начиная с июльской революции. Я далек от мысли охватить в целом и в деталях этот обширный вопрос, который вот уже 18 месяцев заполняет периодическую и непериодическую печать, парламентские дебаты и дипломатию не только Франции, но и всей Европы. Итак, оставляя в стороне все множество событий, которые вы все знаете, оставляя также в стороне мысли, диктуемые и вам, и мне самим ходом событий, я попытаюсь — с целью объяснить положение страны — рельефно выявить различные партии, противоположные интересы которых вызывают ведущуюся с таким ожесточением борьбу, в которой вы принимаете все более и более значительное участие. Все эти партии существовали и до июльской революции; никакая новая партия не появилась из недр революции или как ее последствие. Современное положение есть лишь наивысшее развитие партий, дремавших рядом друг с другом под усыпляющим режимом реставрации, и в которых трехдневное пробуждение зажгло пожирающую лихорадку, непрестанно поддерживаемую и удваиваемую самим ходом болезни, подтачивающей социальный организм.

Не надо скрывать от себя, что между классами, составляющими нацию, существует война насмерть. Установив эту истину, мы должны признать, что партией истинно народной, той, в которой все патриоты должны объединиться, является партия масс. До сих пор мы знали три рода интересов во Франции: интересы так называемого высшего класса, интересы среднего класса или буржуазии, и наконец интересы народа. Народ я ставлю последним, потому что он всегда был последним и потому что я рассчитываю на осуществление в будущем евангельского изречения: «последние да будут первыми».

В 1814 и 1815 гг. буржуазный класс, уставший от Наполеона, — не от его деспотизма (буржуазия мало заботится о свободе, которая в ее глазах не стоит фунта хорошей корицы или векселя с хорошо поставленным бланком), но потому, что война, обескровив народ, начала забирать у буржуазии уже ее собственных детей, и особенно потому, что война посягала на ее спокойствие и мешала процветанию торговли — этот буржуазный класс встретил иностранных солдат как своих избавителей, и Бурбонов, как посланников божьих. Это она, буржуазия, открыла двери Парижа, обошлась с солдатами Ватерлоо, как с разбойниками Луары, и вдохновляла кровавую реакцию 1815 г.

Людовик XVIII вознаградил ее за это хартией. Эта хартия давала высшим классам привилегии аристократии, а буржуазии — палату депутатов, так называемую демократическую палату. Таким образом эмигранты, дворянство и крупные собственники, фанатические приверженцы Бурбонов, и средний класс, принимавший их из корысти, оказались в равной мере хозяевами положения. Народ был отстранен. Лишенный вождей, деморализованный иностранным вторжением, не

веря больше в свободу, он молча покорился игу, собирая силы. Вы знаете, какую постоянную поддержку буржуазный класс оказывал Реставрации до 1825 г. Он приложил свою руку к кровавой резне 1815 и 1816 гг., к эшафотам Бари и Бертау, к войне с Испанией, к пришествию Виллеля, к изменению избирательного закона. До 1827 г. он не переставал делегировать в парламент большинство, преданное власти.

В промежутке между 1825 и 1827 гг. Карл X, видя, что все ему удается, и считая себя достаточно сильным без буржуазии, решил приступить к ее изолированию, как это было сделано по отношению к народу в 1815 г.; он сделал смелый шаг назад к старому режиму и объявил войну среднему классу, провозглашая исключительное господство дворянства и духовенства под знаменем иезуитизма.

Буржуазия по существу антирелигиозна; она ненавидит церкви, она верит только в реестры по системе двойной бухгалтерии. Она согласилась конечно угнетать народ наравне с высшими классами, но, видя, что и ее очередь наступила, она соединилась с той маленькой частью среднего класса, которая с 1815 г. одна сражалась с Бурбонами и интересами которой она до сих пор жертвовала; тогда началась та газетная и избирательная борьба, которая велась с таким постоянством и ожесточением. Но буржуазия боролась во имя хартии. Хартия в самом деле обеспечивала ей ее могущество. Правильно применяемая, она ей давала превосходство в государстве. Придумана была легальность, чтобы представлять эти интересы буржуазии и служить ей флагом. Легальный порядок сделался как бы божеством, которому враждующие конституционные партии ежедневно кадили фимиамом. Эта борьба продолжалась с 1825 по 1830 г., все более благоприятная для буржуа, которые быстро продвигались вперед и, сделавшись хозяевами палаты депутатов, стали угрожать правительству полным его поражением.

Что же делал народ во время этого конфликта? Ничего. Он оставался молчаливым зрителем этих распрей, и все мы знаем, что его интересы не принимались во внимание в спорах, происходивших между его угнетателями. Конечно буржуазия мало заботилась о нем и о его интересах, с которыми уже 15 лет привыкли не считаться. Вы помните, как пресса, преданная конституционалистам, наперерыв повторяла, что народ передал свои интересы в руки избирателей, единственных выразителей интересов Франции. Не только правительство считало, что массы безразлично относятся к происходящей борьбе. Средний класс презирал их быть может еще более, и конечно он рассчитывал один пожать плоды победы. Эта победа не шла далее хартии. Карл X и хартия с всесильной буржуазией — такова была цель конституционалистов. Да, но народ этот вопрос понимал иначе. Народ высмеивал хартию и ненавидел Бурбонов. Пока хозяева ссорились между собой, он молча выжидал удобного момента для того, чтобы броситься на поле битвы и примирить враждующие стороны.

Когда положение вещей дошло до того, что правительство не видело для себя другого исхода кроме переворота, когда эта угроза государственного переворота повисла над головой буржуа, надо было видеть охвативший их страх! Кто не помнит жалоб и ужаса 221 после приказа о роспуске, последовавшего в ответ на их знаменитый адрес! Карл X говорил о своем твердом решении прибегнуть к силе — и буржуазия трепетала. Уже большинство громко выражало свое порицание несчастным 221 депутату, давшим увлечь себя революцион-

ным эксцессам. Наиболее смелые возлагали свои надежды на отказ от уплаты налогов и на поддержку со стороны судов, которые почти все исполняли бы функции уголовных судов. Если роялисты высказывали столько доверия и решимости, если их противники выражали столько боязни и неуверенности, то это потому, что и те и другие считали, что народ устал и стоит в стороне от борьбы, что он как бы подал в отставку. Итак, с одной стороны, правительство, опиравшееся на дворянство, духовенство и крупных собственников, с другой, средний класс, готовый вступить в бой после пятилетней прелюдии в форме литературной и избирательной борьбы, и наконец народ, молчаливый народ, которого за последние 15 лет считали отошедшим от борьбы.

Такова ситуация, в которой завязывается борьба. Подбрасываются приказы—и полиция учиняет разгром печати. Я не буду говорить о нашей радости, о радости граждан, содрогавшихся под игом и дождавшихся наконец пробуждения народного льва, так долго спавшего. День 26 июля был самым прекрасным днем нашей жизни. Но буржуа! Никогда политический кризис не являл зрелища такого страха, такой глубокой растерянности. Бледные, обезумевшие, они услышали первые выстрелы, как первый залп пикета, который должен их всех расстрелять—одного за другим. Всем нам памятно поведение депутатов в понедельник, вторник и среду. Остатки своих способностей и присутствия духа, еще не совсем парализованные страхом, они употребили на то, чтобы предупредить, остановить сражение. Дрожа лишь за свою собственную шкуру, они не хотели видеть народной победы и содрогались под призраком ножа Карла X.

Но в четверг картина изменилась. Народ вышел победителем; тогда иной ужас охватил буржуазию, ужас более глубокий и подавляющий. Прощайте мечты о хартии, легальности, о конституционной монархии! Бессильный призрак Карла X исчез под обломками, пламенем и дымом, народ предстал восставший, восставший как великан с трехцветным знаменем в руках. Буржуазия была ошеломлена. Вот когда она пожалела о том, что 26 июля уже не существовало национальной гвардии, вот когда она стала обвинять в недальновидности и безумии Карла X, который сам разбил якорь своего спасения. Было слишком поздно для сожаления. Вы видите, что в те дни, когда народ был так велик, буржуазия металась в страхе, сначала в страхе перед Карлом X и затем перед рабочими — благородная и славная роль для этих гордых воинов, развевающих так высоко свои султаны на торжественных парадах Марсова поля.

Но, граждане, как могло случиться, что такая внезапная и страшная народная революция осталась бесплодной? По какой фатальности эта революция, сделанная только народом и наметившая конец исключительному господству буржуазии и начало народной власти, эта революция имела результатом лишь установление деспотизма среднего класса, усиление нищеты рабочих и крестьян и погружение Франции в еще большую грязь? Увы! Народ, как тот другой старик, сумел победить, но не сумел воспользоваться победой. В этом не совсем его вина. Битва была такой короткой, что его естественные вожди, которые должны были дать направление его победе, не успели выйти из толпы. Он по необходимости соединился с вождями, которые фигурировали во главе буржуазии в парламентской борьбе с Бурбонами. Впрочем, народ был благодарен средним классам за их маленькую пятилетнюю

борьбу с его врагами. Вы видели, какую доброжелательность — я сказал бы даже, какое чувство почтения — он выказывал людям хорошо одетым, которых он встречал на улице. Чувствовал ли он, как бы инстинктивно, что только что он сыграл неприятную шутку с буржуазией, хотел ли он в своем великодушии победителя быть предупредительным и предложить мир и дружбу своим будущим противникам? Возглас «Да здравствует хартия!», возглас, которым так коварно злоупотребили, был лишь возгласом сближения, чтобы доказать свой союз с этими людьми. Как бы то ни было, массы формально не выразили никакой положительной политической воли. Особенно их волновала и бросала на площади ненависть к Бурбонам, твердая решимость свергнуть их; было нечто и от бонапартизма и от республики в требованиях, выставляемых ими правительству, которое должно было выйти из баррикад.

Вы знаете, как народ в своем доверии к принятым им вождям, — прежняя вражда которых к Карлу X заставляла его считать их такими же непримиримыми, как он сам, врагами Бурбонов,— вы знаете, как этот народ удалился с площади по окончании сражения. Тогда буржуа вышли из своих подвалов и тысячами устремились на улицы, оставшиеся свободными после ухода революционеров. Всем памятно, с какой удивительной быстротой сцена переменилась, как неожиданно, в одно мгновение ока, на улицах Парижа хорошие костюмы заменили собою блузы; все это совершилось как бы по мановению волшебного жезла — исчезли одни и появились другие. Ведь жужжание пуль прекратилось! Речь шла уже не об опасности для жизни, а о том, чтобы собрать добычу. Каждому своя роль. Люди из мастерских удалились. Люди от прилавка появились.

Тогда презренные, победа которых сдана была в архив, сделав попытку восстановить Карла X на троне и чувствуя, что дело шло об их собственной жизни, остановились на измене менее опасной: Бурбон был провозглашен королем. Десять — пятнадцать тысяч буржуа, поселившихся в новом дворце, в течение целого ряда дней приветствовали хозяина своими восторженными криками; все это происходило под руководством агентов, оплачиваемых из королевской казны. Что касается народа, то, не имея ренты и следовательно не имея возможности фланировать под окнами дворцов, он оставался в своих мастерских и не был сообщником той недостойной узурпации, которая не прошла бы безнаказанно, если бы он нашел людей, способных направить удары его гнева и мести.

Преданный своими вождями, покинутый учащимися, он умолк, собираясь с силами, как в 1815 г. Приведу вам один пример. Кучер кабриолета, отвозивший меня в последнюю субботу, рассказал мне об участии, которое он принимал в трехдневном сражении, и прибавил: «Я встретил по дороге к палате процессию депутатов, направлявшихся к городской ратуше. Я следил за ними, желая узнать, что они собираются делать. И вот я увидел рядом с Луи-Филиппом Лафайета, который сказал: «Французы, вот ваш король». Сударь, когда я услышал эти слова, я почувствовал как бы удар кинжалом, у меня потемнело в глазах, я удалился». Этот человек — это народ.

Таково положение партий сейчас же после июльской революции. Высший класс разбит. Средний класс, прятавшийся во время боя и не одобрявший его, проявляет столько же ловкости, сколько он вначале выказал осторожности, и вырывает плоды победы, не им одержанной.

Народ, сделавший все, остается нулем, как и прежде, но ужасный факт совершился. Народ, как громовой удар, появился на политической сцене, которую он взял приступом, и хотя он и был изгнан почти в тот же момент, он тем не менее успел проявить грандиозную мощь; он взял назад свою отставку. С этого времени между народом и средним классом завязывается ожесточенная борьба; это уже не борьба между высшими классами и буржуазией. Последняя даже вынуждена будет призывать на помощь своих прежних врагов для более успешного сопротивления. Буржуазия действительно недолго скрывала свою ненависть к народу. Вначале, когда пушки так сказать гремели еще, она под впечатлением первого ужаса и первого благоговения, внушенного ей героизмом победителей, считает себя обязанной расточать им похвалы, но все это притворно, с недовольной миной и со скрежетом зубовным. Сколько рабочих, участвовавших в боях, было уволено хозяевами не за то, что они боролись, а за то якобы, что они пропустили пять или шесть дней работы в мастерской!

Надо однако отметить следующий факт. Все хором воспевали сдержанность, великодушие, мудрость пролетариев. Но если их хвалили, то это потому, что их еще боялись. Этот хор похвал вскоре затихает и уступает место индиферентности. Становится признаком дурного тона говорить о достопамятных днях и об июльских героях. Затем, так как народ, толкаемый голодом, выносит свое недовольство на улицу, начинают возмущаться нарушителями общественного спокойствия. Слово «сброд», которое казалось было уже изъято из лексикона, снова слышится из всех уст. Так как рабочие в ответ на оскорбления ничем кроме терпения не отвечают, то буржуазия смелеет, повышает тон, угрожает. Обиды, презрение, оскорбления — все сыплется на бедный народ.

Горе тому, кто показал себя достаточно сильным, чтобы победить, но не сумел удержать победу. Ненависть к нему равна внушаемому им страху. Эта ненависть делается неумолимой. В самом деле, от оскорбительных слов и вслух выражаемого презрения буржуазия скоро переходит к насилиям, и мне не надо напоминать вам здесь о всех жестокостях, которые обрушились на голодных и безоружных рабочих со стороны национальной гвардии, сытой и вооруженной с головы до ног. Уже восемнадцать месяцев, вы все это знаете, улицы Парижа находятся во власти военных экзекуций вооруженной буржуазии. Наконец ненависть этого класса к народу возрастает до такой степени, что после восторженных похвал, расточаемых бескорыстию рабочих в июле 1830 г., буржуазия теперь повсюду провозглашает, что лишь недостаток времени, а не добрая воля, помешал народу грабить и что он готов при первом восстании разгромить Париж. В департаментах мы видим те же чувства ненависти, что и в столице.

Если мы рассмотрим поведение правительства, мы увидим в его политике то же направление, те же прогрессирующие ненависть и насилие, что и у буржуазии, интересы и страсти которой оно выражает. Я со своей стороны нахожу, что несправедливо обвинять его в том, что оно неверно своему происхождению. Например мне кажется бессмыслицей и бесстыдной ложью, когда я слышу, что его называют июльским королевством, королевством баррикад. Королевство Луи-Филиппа так же мало может быть названо баррикадным, как и июльским. Это августовское королевство, королевство дворца Бурбонов, но не более, а это — совсем другое дело. Не правда ли,

вы находите удивительной ту законченную точность, с какой глава правительства воплощает в себе, резюмирует характер лавочников, поставивших его там, где он находится? Это — характер, возведенный в тип, это воплощенная лавочка. Остальные члены правительства соответствуют его главе.

В умах людей баррикады долго еще покрывали уличные мостовые; только и было разговоров, что о программе городской ратуши, о республиканских учреждениях. Рукопожатия, народные возгласы, громкие слова о свободе, независимости, о национальной славе расточались повсюду. Затем, когда власть уже имела в своем распоряжении организованную военную силу, ее притязания возросли. Все законы, все приказы Реставрации издавались, применялись. Позднее мы видим гонения на прессу, преследования участников июльского восстания, народ, терроризированный саблями и штыками, возросшие налоги, взимаемые с неслыханной беспощадностью. Вся эта жестокость, весь этот аппарат тирании обнаруживал ненависть и страхи правительства. Но оно чувствовало в то же время, что народ должен был ему отвечать той же ненавистью и, не считая себя достаточно сильным при поддержке одной лишь буржуазии, оно начало привлекать на свою сторону высшие классы, чтобы, утвердившись на этой двойной базе, бороться более успешно с угрожающим наступлением пролетариев.

Вот этими происками правительства, стремившегося помириться с аристократией, объясняется система, развитая им за последние 18 месяцев. Это — ключ к его политике. Но высший класс состоит из роялистов. Чтобы его привлечь, необходимо было возможно ближе подойти к Реставрации, продолжить ее, делать все по-старому (de suivre ses errements). Это и было сделано. Ничего не было изменено кроме имени короля. Народовластие было уничтожено, растоптано. При дворе соблюдались траурные дни по иностранным государям. Скопирована была легитимность во всем и повсюду. Роялисты были оставлены на своих должностях, а все те, которые вынуждены были уйти под первым напором революции, получили посты более прибыльные. Магистратура не была тронута, так что вся администрация находилась в руках людей, преданных старшей ветви. В провинциях, где патриоты и роялисты находятся почти в равном количестве, на юге например, каждый раз, как обе эти партии сталкивались вследствие слабости или предательств правительства, последнее приходило на помощь карлистам и выступало против патриотов. Наконец в настоящий момент оно не старается скрыть свою ненависть к одним и свое предпочтение другим.

Трудно было аристократии устоять против такой нежной предупредительности, так что часть этого класса, часть наиболее прогнившая, та, которая прежде всего жаждет золота и наслаждений, соблаговолила дать свое обещание поддержки общественного порядка. Но другая часть, та, которую я назвал бы наименее развращенной, чтобы не сказать почтенная, та, которая имеет чувство собственного достоинства и веру в собственные убеждения, та, которая поклонялась своему знамени и чтила свои старые традиции, — эта часть аристократии с отвращением оттолкнула заискивания правительства золотой середины. Они имеют за собой большую часть южного и западного населения, всех этих крестьян Вандеи и Бретани, которые, оставаясь чуждыми движению цивилизации, сохраняют пылкую веру в католицизм

и в своей религиозности смешивают католицизм и легитимность, и с большим основанием, так как эти две вещи вместе жили и вместе должны умереть. Вы думаете что эти простые и верующие люди могут поддаться обольщению банкиров? Нет, граждане! Будет ли народ в своем невежестве более склонен зажигаться фанатизмом религии или, более просвещенный, он даст себя увлечь энтузиазмом свободы, — он всегда остается великим и великодушным. Он никогда не повинуется низким денежным интересам, но всегда — самым благородным движениям души, велениям возвышенной морали.

Ну что же, Бретань и Вандея, с какой бы осторожностью и снисходительностью мы к ним ни относились, еще готовы подняться при возгласе «бог и король» и угрожают правительству своими армиями — католической и роялистской, которые при первом же столкновении разбили бы его. Это не все. Партия высших классов, связанная с правительством золотой середины, покинет его в первый удобный момент; единственное, что она обещала — не содействовать его свержению. Что касается верности, то вы знаете, сколько можно ее ждать от людей, режущих купоны. Я пойду еще дальше. Большая часть буржуазии, группирующейся, теснящейся вокруг правительства из ненависти к народу, которого она боится, и из ненависти к войне, которая ее страшит, так как она представляет себе, что война поглотит все ее экю, — эта буржуазия только терпит современный порядок вещей: она чувствует, что он бессилен защищать ее интересы. Пусть придет белое знамя, гарантирующее ей угнетение народа и материальное благополучие, и буржуазия готова пожертвовать своими прежними политическими требованиями. Так как она жестоко раскаивается в том, что из самолюбия она подкопала власть Бурбонов и подготовила их падение, она передаст часть своей власти в руки аристократии, охотно покупая спокойствие рабством.

Правительство Луи-Филиппа нисколько ее не успокаивает. Напрасно оно копирует Реставрацию, преследует патриотов, старается стереть пятно восстания, которым оно себя загрязнило в глазах ревнителей общественного порядка. Воспоминания об этих ужасных трех днях преследуют его, властвуют над ним. Восемнадцать месяцев успешной войны с народом не могут быть противопоставлены одной победе, одержанной этим народом, победе уже старой, повисшей как дамоклов меч над головой правительства. Все следят за тем, не сорвется ли меч.

Граждане! Два принципа оспаривают друг друга во Франции: принцип легитимности и принцип народовластия. Первый — это старая организация прошлого, это рамки, в которых общество жило в течение тысячи четырехсот лет, рамки, которые одни хотят сберечь из инстинкта самосохранения, а другие — из боязни, что эти рамки не смогут быстро замениться другими, и из опасения, как бы не пришла анархия вслед за их распадением. Принцип народовластия объединяет всех людей будущего и массы, уставшие от эксплоатации и стремящиеся разбить эти рамки, в которых они задыхаются. Третьего знамени нет. Золотая середина — нелепость, незаконнорожденное правительство, попытки которого придать себе вид законности не вызывают ничего кроме смеха. Так что роялисты, отлично понимающие это положение, пользуются осторожностью и угодливостью власти, старающейся склонить их на свою сторону, чтобы более активно подготовлять ее гибель. Их многочисленные газеты каждое утро

доказывают, что только легитимность может установить порядок, что золотая середина бессильна управлять страной, что вне легитимности есть только революция и что, покинув первый принцип, мы по необходимости впадем во второй.

Что же случится в дальнейшем? Высшие классы только и ждут момента, когда можно будет водрузить белый флаг. В среднем классе огромное большинство, состоящее из людей, не имеющих другого отечества кроме своего прилавка или своей кассы, из людей, которые охотно сделались бы русскими, пруссаками, англичанами, лишь бы заработать лишних два лиарда на куске полотна или четверть процента больше на учете векселя, — в этом среднем классе огромное большинство неизбежно станет под белое знамя. Уже одно упоминание о войне или народовластии заставляет его содрогаться. Меньшинство этого класса, состоящее из людей интеллигентных профессий и из незначительного количества буржуа, любящих трехцветное знамя, символ свободы и независимости, станет под знамя защитников народовластия.

Итак, до июля власть была сосредоточена в руках высшего класса, занимавшего первое место, и среднего класса, занимавшего второе. Результатом революции было лишь перемещение порядка первенства между обоими этими классами. Буржуазия в настоящее время занимает первое место, высшие классы — только подчиненное место. Народ теперь, как и прежде, — ничто, с ним не считаются. Между тем он не хочет быть ничем, и в своем единодушном ужасе перед этим страшным претендентом оба привилегированных класса, за исключением незначительного меньшинства, отказываются от своей вражды и объединяются под одним знаменем для более успешной борьбы с надвигающейся опасностью. Что касается народа, он смеется как над той, так и над другой аристократией, он сломил могущество высших классов без буржуазии и почти помимо нее. Своей рукой гиганта он одним ударом опрокинет господство и тех, и других. Революция идет, ничто не может ее остановить.

Момент катастрофы быстро приближается. Вы видите, что палата в Париже, магистратура и большинство общественных чиновников открыто замышляют возвращение Генриха V, высмеивая золотую середину. Легитимистские газеты не скрывают уже ни своих надежд, ни своих планов контрреволюции. Роялисты в Париже и в провинциях собирают свои силы, организуют Вандею, Бретань, юг и гордо водружают свое знамя. Они громко говорят о том, что буржуазия за них, и они не ошибаются. Они только ждут сигнала иностранцев, чтобы поднять белый флаг. Ибо без иностранцев они будут раздавлены народом, они это знают, мы же думаем, что они будут раздавлены даже при поддержке их иностранцами.

В этой поддержке, будьте уверены, граждане, им отказано не будет. Теперь своевременно бросить взгляд на наши отношения с европейскими державами. Заметьте, что внешняя ситуация развивалась параллельно ходу внутренней правительственной политики. Позор извне увеличивался пропорционально росту деспотизма буржуазии и нищеты масс внутри. При первом слухе о нашей революции короли потеряли голову; и когда электрическая искра восстания быстро зажгла Бельгию, Польшу, Италию, они вполне искренно думали, что наступил их последний день. Как же можно было себе представить, что революция не будет революцией, что изгнание Бурбонов не бу-

дет изгнанием Бурбунов и что свержение Реставрации не будет новым изданием Реставрации! Это не могло притти в голову самому отчаянному безумцу. Кабинеты в эти три дня увидели и пробуждение французского народа и начало его мести угнетателям наций. Нации рассуждали, как кабинеты. Но для наших друзей, как и для наших врагов, вскоре стало очевидно, что Франция очутилась в руках подлых торгашей, которые ничего другого не желали, как только торговать ее независимостью и продавать ее славу за возможно более высокую цену.

Между тем как короли ожидали от нас объявления войны, они получили умоляющие письма, в которых французское правительство просило прощения своей вины. Новый хозяин извинялся в том, что помимо своей воли он участвовал в мятеже, он уверял в своей невинности и в ненависти к революции, которую он обещал победить, покарать, раздавить, если, со своей стороны, его добрые друзья, короли, захотят ему обещать свою защиту и маленькое место в Священном союзе, покорнейшим слугой которого он обещает быть.

Иностранные кабинеты поняли, что народ не был сообщником этого предательства и что он за него учинит расправу. Их решение было принято. Подавить развившиеся в Европе восстания, и, когда все войдет в свою колею, направить все свои силы против Франции, притти и удушить в самом Париже революцию и революционный дух. Этот план проводился с удивительной настойчивостью и ловкостью. Не следовало слишком спешить, потому что июльский народ, весь переполненный еще своим недавним успехом, принял бы смятение за угрозу слишком прямую и потребовал бы от своего правительства решительных мер; необходимо было предоставить некоторое время золотой середине, чтобы умерить пыл, обескуражить патриотов, бросить в нацию недоверие и раздоры. Не следовало также медлить, так как массы могли устать от рабства и нищеты, давивших их изнутри, и второй раз сломать оковы прежде, чем подоспеет иностранец.

Все подводные камни были обойдены. Австрийцы захватили Италию; управляющие нами буржуа закричали «хорошо!» и склонились перед Австрией. Русские разгромили Польшу. Наше правительство закричало «очень хорошо»! и поверглось ниц перед Россией. Между тем Лондонская конференция забавлялась своими протоколами о независимости Бельгии, потому что реставрация в Бельгии открыла бы глаза Франции, которая была бы в состоянии защищать свое дело. Теперь короли делают шаг вперед. Они уже не хотят независимой Бельгии. Они намереваются навязать ей голландскую реставрацию. Три северных двора снимают маску и отказываются ратифицировать пресловутый договор, стоивший конференции шестнадцати месяцев труда.

Ну что же, ответит ли золотая середина объявлением войны на это наглое наступление? Война?—Боже мой!—Уже это одно слово заставляет бледнеть буржуа. Послушайте их! Война—это банкротство. Война—это республика! Войну можно поддерживать только кровью народа. Буржуазия в войну не вмешивается. Надо было бы таким образом взывать к интересам народа, к его страстям во имя свободы и независимости отечества. Надо было бы вручить народу в руки страну, которую только он один мог бы спасти. Буржуазия скорее согласится сто раз увидеть русских в Париже, чем разнуздать страс-

ти толпы. Русские по крайней мере — друзья порядка. Они восстановили порядок в Варшаве... Вот расчеты и язык правительства золотой середины. Оно не объявило войны, когда Италия и Польша восстали, а между тем лорд Грей признавался перед всем парламентом, что в настоящий момент Европа не в состоянии была бы противостоять Франции.

Оно не объявило войны после вторжения Австрии в Италию. Шансы были уже менее благоприятны. Оно не объявило войны после разгрома Польши. О, это понятно! Силы врага утроились. А что говорит правительство золотой середины, умывающее руки после измены союзникам? Оно говорит, что война подорвет кредит, разорит торговлю, т. е. положит конец биржевому ажиотажу, и что капиталисты потеряют несколько экю. Вот почему мы должны ожидать иностранного вторжения. И оно нам угрожает. Правительство, не прибегнувшее к оружию, когда опасность была велика, не выкажет больше мужества, когда она сделается неминуемой. Напрасно говорят, что оно разовьет чрезвычайную энергию, чтобы защитить Францию от нападения. Нет, тысячу раз нет! Война повлекла бы за собою то же самое зло, что и в прошлом году. Правительство допустит реставрацию в Бельгии и выкажет себя более пресмыкающимся перед более сильным врагом.

Вот мы таким образом находимся в штыковом окружении. Европа на наших границах вооружена. Перейдет ли она их в нынешнем году? Может быть, видя нас предоставленными нашим собственным силам, короли захотят обречь нас на еще большую беспомощность. Им достаточно для этого предоставить время правительству золотой середины, чтобы повергнуть народ в большее уныние, вселить в нем отвращение к революции и сделать его инертным. Роялисты будут держаться наготове, и весною будущего года русские найдут готовые квартиры вплоть до самого Парижа, так как будьте уверены, что даже тогда буржуазный класс не решится на войну. Террор возрастет от страха буржуазии пред лицом разъяренного и готового к мести народа. Вы увидите лавочников, нацепляющих белую кокарду и встречающих неприятеля как своего освободителя. Казаки им менее страшны, чем канальи в блузе. А кроме того разве не честь — якшаться с пруссаками, и разве наши добрые друзья-неприятели не будут содействовать процветанию торговли! Может быть эти несчастные буржуа увидят своих дочерей изнасилованными на пороге своих лавочек; но что за беда изнасилованная дочь — лишь бы касса была полна!

Такова та участь, которая нас ждет, если народ не найдет в себе достаточно энергии, чтобы покарать предателей. Но народ не делает революции без глубоких внутренних причин. Нужен могучий рычаг, чтобы его поднять. Он прибегает к восстанию лишь в последний момент, когда опасность стучится в дверь. И я говорю это с болью. Бельгия будет реставрирована раньше, чем массы зашевелятся. Но — я в этом твердо убежден — если иностранные государства перейдут наши границы, то народ не протянет руку неволе, и горе нашим врагам! Если бы это было не так, то раньше, чем русские и прусские орды перешагнули бы через стены Парижа, мы все погибли бы, граждане, все! Но мы умерли бы не как наши июльские братья с победой, унося с собой в могилу утешенье, что страна, оставляемая ими, стала свободной. Мы умерли бы с отчаянием по-

ражения, мы умерли бы с мыслью, что Франции больше нет и что мы видели ее последний день! Недостаточно, стало быть, отдать свою кровь отечеству. Печальная жертва, если она бесполезна для его спасения! Надо сделать лучше, надо его спасти, и мы это сможем, если захотим.

Могут ли действительно быть лучшие шансы на успех! Могут ли быть более благоприятные условия для победы! Италия, Швейцария, Германия, Польша готовы встать все вместе и принять нас как своих избавителей. Есть правда Испания, роялистская, фанатическая, но бедная, обезлюдевшая, бессильная против нас благодаря многочисленным конституционалистам, которые придали бы делу другой оборот. Пруссия разделена на две партии, из которых одна, совсем либеральная, была бы нашей союзницей, и только другая бы сражалась вместе с нашими врагами; Австрия, которой венгры покою не дают, Россия безденежная, лишенная энтузиазма, вынужденная путем больших денежных затрат и огромной потери времени собирать своих солдат, разбросанных по ее безграничным степям; наконец Англия, где раздаются глухие раскаты самой потрясающей революционной бури, которая должна послужить уроком сильным мира сего, так как народ гораздо более несчастен по ту сторону пролива, чем в нашей Франции. Там нередко можно встретить людей, падающих мертвыми от голода на углах улиц или дорогах. Вот почему англичане приветствовали нашу революцию восторженным «ура»!

У них, как и здесь, средний класс, опираясь на массы, боролся с аристократией, и, видя, что июльские дни привели к власти буржуазию, он задумал эту революцию скопировать. Но восстание рабочих в Бристоле и Ноттингеме, волнение в Париже и движение в Лионе показали ему, что народ не хочет больше быть обманутым и что он хочет работать для себя. Этот средний класс увидел, что такое революция, и, не особенно стремясь испробовать ее у себя, он в своем страхе соединился с аристократией, чтобы обуздать массы.

Таково положение Англии. Реформа служит народу как бы предлогом для того, чтобы сломить тиранию аристократии, духовенства и высшей буржуазии. Средние классы, видя в свою очередь, что реформа является лишь предлогом для рабочих, хотят его у них отнять и соединяются с аристократией. В настоящий момент говорят, что билль о реформе отменен. Если эта новость верна, то это почти объявление войны Франции, так как это — возвращение Веллингтона в министерство, а Священный союз только и ждет этой перемены, для которой он работает уже пятнадцать месяцев, чтобы наброситься на наши границы. Но отмена билля есть также объявление войны английским пролетариям. Остается узнать, удастся ли аристократии отвести гнев рабочих, возбуждая в них старую национальную ненависть к Франции, или же народ, сознавая свои интересы, подымется, чтобы покарать своих врагов... и тогда да сжалится господь бог над аристократией Англии! Впрочем с нами или против нас — что нам англичане? Они уже поняли, что нас мало смущает еще одно знамя в рядах наших врагов. Франция еще в состоянии бросить четырнадцать армий на Европу королей, а Европа народов — на нашей стороне.

II. ЗАМЕТКИ О ЛУИ БЛАНЕ

Дулланс, июль 1850 г.

28 февраля во время демонстрации механиков, 17 марта, 16 апреля Луи Блан имел постоянно только одну мысль, преследовал только одну цель: создать для себя министерство прогресса. Это была его мономания, его придурь. Все, что могло удалить события от этой его idée fixe, или все, что могло перейти за пределы этой идеи в интересах спасения революции, что имело более широкие цели, разоблачалось им как препятствия, конкуренция, враждебность, все это им предавалось подозрительности и негодованию масс. В марте 1848 г. де-Флотт конфиденциально передал мне взгляды Луи Блана. Он рассчитывал на разорение всех предпринимателей, чтобы таким образом привести их к безвозмездной уступке их предприятий. «Нам остается только сложить руки и ждать,— говорил он,— в некоторое определенное время они сами явятся умолять государство взять за безделицу в свое ведение их фабрики». Это возмутительный расчет, который спекулировал на всеобщей безработице и на нищете миллионов рабочих, обреченных на все ужасы голодовки вплоть до завершения этого заранее рассчитанного разорения. Я с живостью описал де-Флотту опасности столь варварской тактики, могущей легко направить против республики отчаяние стольких трудящихся, которым пришлось бы извинить их желания, сделать ответственным государство за их несчастья. И едва ли нашлось бы достаточно государственных людей, чтобы восхищаться глубиной такой комбинации. Вот значит о чем думали в Люксембурге! Какое безумие! И этой прелестной развязки ожидали во дворце, получая по 100 франков жалованья в день!

Переговоры Луи Блана с Дероном и Кейлем по поводу уступки фабрик. Безумие этого человека, члена правительства страны с 36 миллионами душ, который замыкал свою мысль в пределы 4 или 5 крупных фабрик и в видах этой незаметной мелочи направлял общее движение и общие усилия, результат которых вследствие преобладания Парижа определял собою судьбы всей нации. Париж потерял честь в глазах всей Франции вследствие узкого и эгоистического занятия только своими интересами; перевес влияния Парижа, эта единственная надежда на спасение, расхищен и скомпрометирован тем жалким применением, которое ему дано безумными людьми к гибели страны в то время как этот перевес должен был служить только для торжества общего дела.

Такое же бессмыслие свойственно другим управителям, виды которых не распространялись дальше парижских застав. Эти правители погружены в склоки, в соперничество, в беспорядки большого города. Они, подобно лидерам фракций маленьких греческих городков, забывают весь остальной мир, занятые в своей игре Францией почти столько же, сколько Китаем. Они узнают о событиях в Аменье, в Труа, в Руане, в Периго, в Бордо, узнают о насильственном изгнании их чиновников, как будто бы они читали в газетах происшествия в Хунани и в Гуанси. Граждане за свой страх и риск предпринимали путешествия в 200 лье, чтобы поставить в известность министра об опасностях, грозящих республике, об угрожающем настроении населения, в котором вызывают волнения одновременно как глупости власти, так и спущенные с цепи роялисты. Разбитые усталостью и упадком духа, они тщетно стучались целыми неделями в двери Люксембург-

ского дворца в то время, как скрытый от глаз сатрап спокойно растянулся на газоне рядом с романтической музой, считая себя повидимому Периклом, беседующим с Аспазией в садах Академии.

Рабочие, эти невинные орудия узкого честолюбия, позволили соблазнить себя лестью, которая для их совращения силилась воплотить в вопросе о рабочем дне дело демократии и революции. Их преданность не была разрушена, но была извращена посредством абсурдного расчета личных выгод. Они постоянно оказывались чистыми и решительными всякий раз, когда во имя общей опасности обращались с призывом к их сознательности и к их патриотизму.

По вопросу об отсрочке выборов, по вопросу об интригах реакционеров они сразу воспламенялись и проявляли больше страсти, больше жара, чем в своих личных ссорах с патронами. К несчастью упрямая рука постоянно была на месте, чтобы беспрестанно отвращать их энтузиазм от общественного дела и концентрировать его в хозяйственных делах, искусно возведенных на степень принципа. Гибельное честолюбие, которое спекулировало на естественном стремлении рабочих к улучшению своего состояния и под прикрытием вопроса об улучшении их положения превращало их в помощников в погоне за портфелем. Заработная плата была предлогом, министерство прогресса было целью. Бедные слепцы, верящие, что их будущее, их спасение связано с этим фантастическим министерством, отдавались этому движению с фанатизмом. Они нимало не подозревают, что посредством этого миража заработной платы, превращенной в общественную службу, их ведут в пропасть и что они бегут за губительными блуждающими огнями, чтобы низвергнуться в июньские дни, эту могилу народа и всех его надежд.

III. К РАЗРУШЕНИЮ ПОСТОЯННЫХ АРМИЙ

Донжон де-Венсан, 9 сентября 1848 г.

Европейские армии кровью народов подписали себе смертный приговор. Париж, Вена, Милан, ваши три имени звучат, как «мене, текел, фарес» для этого отвратительного праздника человеческого мяса, последней оргии, которою солдатчина только что ужаснула мир. Еще 40 месяцев — и постоянные армии будут разрушены!

В наше время имеются только два враждебных лагеря: в одном — все народы, в другом — армии.

Народы, эти братья по страданиям и по труду, в рыданьях тайком обнимают друг друга, в то время как подкупленные орды, объединенные радостью убийств и грабежа, пьяные от вина, от золота и от человеческих слез, пляшут фарандолу на груде трупов. Предоставьте им пить на этом валтасаровом пиру кровь из черепов их жертв. Буря гнева нации обрушится на этих разбойников и развеет их прах по всем концам света.

Еще 40 месяцев — и постоянные армии будут разрушены!

Два первых воинственных народа в мире — греки и римляне — не знали этой чумы, вышедшей из грязного лона императорского Рима: до тех пор не была известна эта проститутка цезарей.

После того как исчезли последние обломки этих бичей человечества, постоянные армии остались на нынешний день, как живой образ жестокости средних веков. Постоянные армии — это достойные дети разбойников и бродяг с большой дороги, которые породили их

в грабеже, в пожарах и в разрушениях. Постоянные армии умрут так же, как они и родились, среди проклятий и отчаяния, которые они причинили.

Еще 40 месяцев — и постоянные армии будут разрушены!

Граждане, довольно иллюзий, довольно лести, расточаемой убийцам из страха перед их кинжалами! Тигров нельзя смягчить, они безжалостно растерзывают умоляющую слабость. Не льстите им, не умоляйте их, пусть трепещут они сами перед веревкой-мстительницей.

Никогда не будет существовать свобода, никогда не будет существовать безопасность, пока будет существовать целое население палачей, не имеющих другого занятия, другого долга, как они говорят, как убивать по знаку тирана. Покой, благоденствие будут наградой за уничтожение этого позорного ремесла. Пусть с одного конца Европы до другого раздастся единодушный мощный крик:

«Довольно сведенных в полки убийц!»

Еще 40 месяцев — и постоянные армии будут разрушены!

В. Хвостов

ПРОБЛЕМЫ ЗАХВАТА БОСФОРА В 90-х ГОДАХ XIX ВЕКА[1]

В статье, посвященной 16-й годовщине мировой войны[2], т. Радек справедливо указал на недостаточность изучения одних только непосредственно экономических причин мировой войны. «Экономические источники войны выясняются в нашей литературе и нашей пропаганде, но дело не только в них. Мы должны дать передовику-рабочему конкретное знакомство с конкретной историей возникновения мировой войны». Действительно, политическая надстройка, надстройка дипломатическо-военных отношений, вырастающая на международных экономических противоречиях, изучается у нас гораздо меньше, чем эти последние. А между тем лишь изучение этой надстройки позволит «взять примеры теперешних конфликтов, хотя бы и самых ничтожных, и разъяснить на их примере, как война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой-нибудь детали договора с Турцией или между Америкой и Японией из-за пустяковинного разногласия по любому тихоокеанскому вопросу» (Ленин). Историки-марксисты могут и должны внести свою долю в то, чтобы «объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается» (Ленин). Ибо, конечно, материал для этого может дать и прошлое империалистической эпохи. В этом смысле проект захвата Босфора царской Россией в 1896 г., которому посвящена эта статья, несомненно заслуживает внимания, являясь притом одной из самых темных страниц в истории внешней политики эпохи империализма.

Бесполезно гадать относительно того, была ли бы война абсолютно неизбежной в том случае, если бы нелидовский проект захвата Босфора, о котором широкая читающая публика знает из мемуаров Витте, претворился в жизнь. Всякого рода подобные предположения — не дело историка. Совершенно достаточно знать, что он мог к ней повести: захват Босфора в 1986 г. представлял бы шаг, несомненно связанный с огромной опасностью войны. Проект этот остался клочком бумаги отнюдь не по недостатку у русского прави-

[1] Настоящая статья представляет непосредственное продолжение статьи «Ближневосточный кризис 1895 — 1897 гг.», помещенной в № 13 «Историка-марксиста».

[2] «Правда», 1 августа 1930.

тельства доброй воли к подобного рода авантюрам: проект был принят в совещании министров и апробирован Николаем II. Царское правительство отказалось от проведения нелидовского проекта в жизнь под давлением ряда могущественных внешних обстоятельств.

Пока эти объективные препятствия не вырисовывались перед ним во всем своем объеме, оно готово было толкнуть страну на авантюру.

Однако нелидовский проект захвата Босфора интересен не только потому, что это предприятие, способное завоевать пальму первенства среди подобных ему антреприз империалистической эпохи по своей из ряду вон выходящей авантюрности, могло с совершенно непостижимым легкомыслием бросить страну в пламя европейской войны. Проект Нелидова интересен еще и потому, что изучение его поможет вскрыть некоторые международные противоречия и притом такие, которые замазывались особенно тщательно: я говорю о противоречиях внутри франко-русского союза, о противоречиях между обеими союзницами в ближневосточном вопросе.

БЛИЖНИЙ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ПОЛИТИКЕ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 90-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Маркс заметил когда-то, что буржуазия знает лишь два способа «решения» восточного вопроса — или раздел Турции, или поддержание status quo. 90-е годы, являясь эпохой, когда завершается раздел мира, были и периодом неоднократных покушений на целость Оттоманской империи — и со стороны английского империализма и (однажды) со стороны царской России.

Англия неоднократно пыталась организовать раздел Турции — то совместно с Германией, то совместно с Россией. Но в политике последней, в целом, преобладала линия на поддержание status quo. Так как эту линию разделяли в те годы также и Германия, Австро-Венгрия и Франция, то она и восторжествовала в течение турецкого кризиса 90-х годов. Эту политическую линию царской России мы старались представить в нашей предыдущей статье[3].

Но в 1896 г. был момент, когда царское правительство едва не свернуло на другой из двух путей, отмеченных Марксом.

Прежде чем перейти к рассмотрению этого неудавшегося поворота к политике раздела, поворота, глубоко вскрывающего весь механизм империалистических противоречий эпохи, напомним коротко, как возникла преобладавшая тогда линия внешней политики царской России на Ближнем Востоке — политика «подмораживания» турецкого вопроса.

Чтобы понять это, надо иметь в виду преимущественно два ряда фактов. Во-первых, наступление царской России на проливы потерпело крах после войны 1877—1878 гг. Оно потерпело вторично крах в 80-х гг., когда царскую Россию заставили убраться из Болгарии — с возможного плацдарма для нового наступления на Константинополь. Итак, на пути к Константинополю вырисовывались непреодолимые физические препятствия: английский флот и австрийская, а быть может и германская армия. Пробить эту преграду с фронта оказалось невозможным, и вот тут начинается то, что М. Н. Покровский удачно назвал обходным движением на Константинополь.

Главным врагом на пути к проливам была Англия, сокрушить надо было прежде всего именно ее, а для этого надо было нанести ей удар в самое чувствительное место — в Индию. Отсюда завоевания в Средней Азии в 80-х гг. и идея укрепить свои позиции на Тихом океане. Оттуда можно было грозить и положению Англии в Китае, в ту пору почти монопольному. И вот Особое совещание 25 августа 1881 г., которое занималось вопросами о восстановлении русского военного флота и которое постановило «иметь на первом месте заботу о восстановлении морских сил России на Черном море», — это же самое Особое совещание постановило также «для ограждения общих интересов России располагать в водах Тихого океана достаточным количеством крейсеров, способных серьезно угрожать неприятельской торговле, коммерческим судам, складам и колониям»[4]. Связь между политической активностью на Тихом окене и «общими интересами России» подчеркнута в этой выдержке достаточно выпукло. В чем конкретнее заключались эти «общие интересы» — это явствует из того, что для защиты их в первую очередь требовался флот на Черном море. Тихим океаном заинтересовались впервые в связи с борьбой против Англии, которая объективно была прежде всего борьбой за проливы.

В 1885 г. — в год англо-русского конфликта из-за Афганистана — русское правительство попыталось захватить для этой тихоокеанской крейсерской эскадры базу, более удобную, нежели Владивосток. Понятно, что эта попытка, попытка захватить порт Лазарева в Корее, «наткнулась на угрожающее сопротивление Англии»[5].

В свою очередь, столкновение из-за порта Лазарева имело своим следствием то обстоятельство, что оно обнаружило военную слабость и беспомощность царской России на Тихом океане. Именно оно и было тем толчком, который впервые заставил поставить вопрос о сооружении Сибирской железной дороги на действительно деловую почву[6].

---

[4] Ламздорф, Дневник за 1905 год, тетрадь IV, с. 26.

[5] Романов, Россия в Манчжурии, с. 8.

[6] Покровский, Русско-японская война («1905 год», с. 519). Ср. Романов, Россия в Манчжурии, с. 52.

Эта связь между борьбой за проливы и поворотом русской политики на Дальний Восток была впервые установлена М. Н. Покровским [7].

Вполне правильно оценивает значение проливов для царской России в годы ее «ухода» на Дальний Восток Фэй, который в том, что касается внешней политики России, часто находится под влиянием концепции Покровского. «Было бы ошибкой,— говорит Фэй,— предположить вслед за большинством писавших об этом предмете, что Россия хотя бы временно отбросила мысли относительно своих притязаний на Ближнем Востоке в то время, как она развивала свою империалистическую политику на Дальнем Востоке. В действительности же, хотя царь и его министры разговаривали о Порт-Артуре, они в это самое время думали о Константинополе» [8].

Усиление позиции царской России на Дальнем Востоке должно было усилить ее позиции в борьбе за проливы. Совершенно понятно, что до тех пор, пока эта новая позиция на Тихом океане не будет окончательно закреплена, т. е. пока не будет достроена Сибирская дорога, новую борьбу за проливы начинать не стоило. Отсюда политика «подмораживания» балканского вопроса. Очень верно охарактеризовал положение один австрийский дипломат: «Россия хочет отсрочить решение ближневосточного и связанного с ним египетского вопросов только до того момента, когда будет окончена Сибирская железная дорога. Как только это совершится, так Россия тотчас же снова поставит восточный вопрос во всей его широте, и для Турции настанет, наконец, время, чтобы «как спелый плод» упасть в руки России» [9].

Таков один ряд фактов, определивших ближневосточную политику самодержавия в 90-х гг.

Диверсия в Китай и те крупные успехи, которых в 1895—1896 гг. добилась там царская дипломатия, казалось, не обманули связанных с нею надежд. Они действительно облегчили борьбу за проливы. В указанной выше статье автор этих строк постарался показать, что в 1896 г. консервативный кабинет не был столь непреклонным в вопросе о предоставлении проливов России, как в былые годы. Правда, эта уступчивость объясняется не одними только успехами царской России в Китае, а также и тем, что, во-первых, Египет, важнейшая позиция на пути в Индию, в отличие от 1878 г. был теперь в английских руках, тем, что, во-вторых, в эти годы, когда в спешном порядке завершался раздел мира, Англия оказалась из-за этого раздела в конфликте бук-

---

7 «Внешняя политика в России в XX в.», М. 1926.

8 Fay, The origines of the World War, v. I, p. 365.

9 «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette», Bd. XII, № 2 925; донесение Ейленбурга от 14 сентября 1896 г.; ср. там же № 3 067, донесение Лихновского от 24 октября 1896 г. (в дальнейшем для этого издания принято сокращенное обозначение: XII, 2 925, Ейленбург, 14 сент. 1896)

вально со всеми великими державами за исключением одной лишь Италии и должна была (в частности и для укрепления своего положения в Египте) стремиться выйти из своего «одиночества», становившегося все менее и менее «блестящим», ценой соглашения с кем-либо из своих врагов — с тем из них, конечно, кто в свою очередь мог ей что-либо предложить. Но ведь именно успехи в Китае и сделали царскую Россию в этом последнем отношении особенно интересной. Английская дипломатия несомненно намечает уже к 1896 г. следующую схему англо-русской антанты: свобода рук для английского империализма в Египте и, повидимому на Персидском заливе за свободу рук для царской России в проливах[10].

Однако попытки английской дипломатии позондировать почву относительно подобного соглашения не встретили никакого отклика со стороны царской дипломатии: она сочла для себя невыгодным платить за проливы Суэцким каналом, заявив, что «наши интересы требуют абсолютной свободы навигации по Суэцкому каналу и Красному морю. Если Сибирская железная дорога должна, между прочим, облегчить транспорт наших сухопутных сил, то она не может повлиять на морские сообщения, которых отныне требует прогрессирующее развитие наших отношений с Дальним Востоком»[11].

Получается как будто противоречие. Мы ведь только что установили, что на берега Тихого океана российская дипломатия отправилась добывать Константинополь; теперь мы видим, что путешествие увенчалось как будто бы успехом — во всяком случае с ней готовы были серьезно разговаривать об уступке ей предмета ее вековых вожделений. И вдруг она отказывается от этого предмета ради своих интересов на Дальнем Востоке, которые, казалось бы, были только средством, а вовсе не самоцелью.

Дело в том, что вскоре — особенно после голода 1891 г. — с сооружением Сибирской дороги связалась еще одна задача: открытие сибирского, а в более отдаленной перспективе, быть может, и китайского сырья для русского торгового капитала, для русского экспорта и тем самым для укрепления всей экономической и финансовой базы крепостнического государства Романовых[12]. «Политика опять подходила к экономике»[13]. Несомненно также, что Витте связал с Сибирской и Восточно-китайской дорогой и вообще со всей развертывавшейся дальневосточной политикой России целый ряд планов овладения китайским рынком, которые должны были бы заинтересовать промышленный и быть может еще более иностранный (французский)

---

[10] «Историк-марксист» № 13, с. 33.

[11] Там же, с. 35.

[12] Ср. Ванаг, К методологии изучения финансового капитализма в России, «Историк-марксист» № 12, с. 21.

[13] Покровский. Русско-японская война («1905 год», с. 521).

финансовый капитал в прочности дальневосточных позиций царской России, а тем самым — и в прочности ее могущества вообще. Таким сбразом перед дальневосточной политикой самодержавия, рядом с диверсией на Дальний Восток ради борьбы за проливы выросли добавочные задачи. Эти новые задачи делали успехи в Китае не только средством, но и самоцелью. В особенности это относится к манчжурским предприятиям Витте, которые должны были обеспечить сращивание архаичного крепостнического российского государства с современным финансовым капиталом, прежде всего — с французским, и этим самым расширить социальную базу самодержавия, сделав его необходимым для французского капитала в борьбе за раздел китайского рынка. Для Витте конечные задачи дальневосточной политики не исчерпывались незамерзающим портом и железной дорогой к нему: «Весь Китай,— выразился он однажды,— все его богатства расположены на юге... из-за Манчжурии не стоило и огород городить»[14]. Очень хорошо выразил эту мысль немецкий посол в Лондоне Гатцфельд, полагавший что для России интерес заключался не в Порт-Артуре, а в том, чтобы «наложить руку на весьма значительную часть Китайской империи и выключить ее из мирового торгового оборота»[15]. Вот — другой ряд фактов, определивших внешнюю политику России в 90-х гг. Раз на Дальнем Востоке ставили задачу подобного рода, то, понятно, могло казаться, что Суэц и египетский вопрос представляют интерес для России — хотя бы сам Витте этого и не понимал. Царская дипломатия попала в заколдованный круг: царская Россия забрела в далекий Китай в поисках того «ключа от своего дома», который хранился в Константинополе под английским замком. Но попав в Китай, она увидела перед собой столь жирное блюдо, что уходить отсюда ей не захотелось. Сложная задача поглощения этого жирного куска требовала обеспечения свободы морского пути на Дальний Восток — так казалось и, конечно, не без известного основания, Лобанову-Ростовскому — руководителю внешней политики царской России в 1895—1896 гг., в годы первых головокружительных успехов на Дальнем Востоке. Желание обеспечить морской путь на Дальний Восток не позволяло отдать англичанам Египет. А это в свою очередь приводило к невозможности получить проливы — то самое, из-за чего весь сыр-бор и загорелся. Конечный эффект всей истории был, как известно, тот, что Египет, который теоретически быть может и был царской России «интересен», но отстаивать который у нее не было никакой возможности, англичане после Фашоды могли считать своим и без всяких компенсаций для царской России. Защита своих позиций в Китае заставила англичан пойти на серьезные компенсации, но их оказалось удобнее

[14] Цит. по Романову, Россия в Манчжурии, с. 200, прим. 3.
[15] Там же, с. 80.

предложить американцам и японцам. Английская дипломатия добивалась соглашения с Россией в 1896 г. и — особенно — в 1897—1898 гг., когда в этом направлении ею были сделаны весьма решительные шаги, когда ею был предложен грандиозный раздел сфер влияния в Китае и на Ближнем Востоке. Но после Фашоды (1898 г.) и заключения англо-японского союза (1902 г.), в основном, собственно говоря, даже после того как царскую Россию вынудили пойти на железнодорожное соглашение 1899 г., загнав ее на север от Китайской стены, после этих событий соглашение с Россией стало для Англии ненужным. Вернее, оно стало бы для нее ненужным, если бы вскоре ей не понадобился союзник против Германии...

Но возвратимся к русской политике 90-х гг. Хотя политика поддержания status quo в Турции и носила вполне сознательно временный характер, но тем не менее пока она велась, она создавала базу для последнего воскрешения старого австро-русско-германского союза. Она сделала возможным заключение австро-русского соглашения 1897 г. благодаря отказу русского правительства от методов своей балканской политики 80-х гг., от методов слишком прямого вмешательства во внутреннюю политику балканских государств[16].

Такова была основная политическая линия самодержавия в эти годы. На всем протяжении их не раз делались попытки эту линию изменить. Осенью 1896 г. это едва-едва не удалось.

Если бы захват Верхнего Босфора, проектировавшийся Нелидовым осенью 1896 г., был проведен в жизнь, то это означало бы полное отступление от изложенной выше линии внешней политики царской России. И не только потому, что это означало бы конец политики поддержания status quo в Турции. Это означало бы изменение не только ближневосточной, но и всей только что описанной внешней политики царского правительства. Ибо захват проливов был мыслим лишь при двух условиях: или из-за них надо было, как и прежде, воевать, или же за них надо было заплатить отступное. И тот и другой выход означали крах дальневосточной политики, ибо пока Сибирская дорога была не готова, война была бы верной гибелью всех предприятий 1895—1896 гг. в Манчжурии, и в Корее. Другой же выход, т. е. отступное, означал бы, что англичанам надо отдать, во-первых, Египет и «свободу морского пути на Дальний Восток», а во-вторых, опять-таки отказаться от всяких проектов на Дальнем Востоке, ибо одновременно переваривать и Константинополь, и Корею с Манчжурией было немыслимо: ведь и одна Манчжурия стоила колоссального бюджетного напряжения. Понятно, что в Витте, вдохновитель всей дальневосточной политики, и Лобанов, довольно быстро вошедший во вкус ее и обогатив-

16 Rosen, Forty years of diplomacy, v. I, p, 106. 108-109; ср. «Инструкцию посланнику в Белграде барону Розену», утвержденную 28 мая 1895 г., особая папка в архиве б. Министерства ин. дел.

ший ее от себя ценным привеском в виде «собственных интересов России в Египте», должны были выступать и действительно энергично выступали против немедленного захвата проливов. Ввиду того, что в последние годы в литературе по внешней политике была сделана попытка показать, что проливы вовсе не были основным предметом внимания царской дипломатии, спешим напомнить, что только что обрисованная политика Витте — Лобанова вовсе не свидетельствует о том, что проливы потеряли свое значение, хотя бы лично Витте (к Лобанову и Муравьеву это ни в какой мере не относится) и относился к значению их очень скептически. Витте все-таки всегда был до некоторой степени белой вороной в царском правительстве. Значение проливов — и именно в середине 90-х гг. — мы обрисовали в нашей предыдущей статье[17]. Здесь же мы ограничимся указанием, что отказ от немедленного захвата проливов свидетельствует вовсе не о том, что проливами стали меньше интересоваться, а лишь о том заколдованном круге, в который попала политика царской России и о котором мы говорили выше, о том параличе, которым объективно эта политика была поражена — и благодаря своим неудачам на Ближнем Востоке и, в неменьшей мере, благодаря своим «успехам» в Китае — поскольку эти успехи русская дипломатия желала сохранить и «углублять» и тем самым создавала себе новое уязвимое место и новое обременение для бюджета вместо того, чтобы создать боевую позицию против Англии, как это предполагалось первоначально.

ПРОЕКТ НЕЛИДОВА

Идея захватить проливы немедля, пользуясь текущим кризисом Турции, в промежуток времени с 1892 до 1897 г., всплывала не раз — и не у одного только Нелидова.

Этот последний поднял вопрос о захвате Босфора в 1896 г. не впервые. Он поставил его уже в 1892 г., т. е. тотчас же как только начались армянские волнения в Турции. Нелидов мотивировал при этом необходимость захвата проливов «опасностью деятельного вмешательства чужеземных сил во внутренние судьбы Турецкой империи». «Есть полное основание думать», что англичане только и ждут случая, чтобы с той же «беззастенчивостью», с которой они действовали в Египте, «неожиданно вторгнуться в Дарданеллы, появиться перед Константинополем» и этим «окончательно запереть нас в Черном море и таким образом подготовить разрешение восточного вопроса в западном, несогласном с нашими выгодами смысле. Подобный исход вековой борьбы нашей с Турцией был бы самым печальным». Во избежание подобной неприятности Нелидов предлагал, чтобы русская эскадра предупредила это воображаемое появление англичан, войдя

[17] «Историк-марксист» № 13, с. 37.

в Босфор, а «по возможности» и в Дарданеллы, как только вспыхнут серьезные волнения в Константинополе. После этого надлежит объявить протекторат над Турцией. При наличии опасности со стороны англичан, «при известных условиях мы могли бы», оказывается, «явиться в глазах турок как бы их покровителями и защитниками их независимости, с тем чтобы покровительство это сделать потом постоянным, придав ему тот или иной вид».

Нашлись ли бы среди турок дефективные головы, которые бы поверили, что русские пришли их от кого-то защищать — этим вопросом Нелидов не задавался. Для приведения в исполнение своих планов Нелидов считал необходимым постоянно иметь в Севастополе «сильную эскадру с приличным дессантом». «Более подробное развитие этих мыслей,— писал он,— я позволю себе представить, если бы сущность их удостоилась снисходительного внимания и одобрения».

На сей раз Нелидову не пришлось трудиться: Алексадр III написал на его депеше, что «эти меры столь серьезны, что без личного свидания с Н. К. Гирсом я ответить не могу». Гирс же[18] взглянул на проект Нелидова резко отрицательно. Письмо его[19] так хорошо рисует суть дела, что мы приведем из него довольно большой отрывок. «После десятилетнего пребывания во главе столь важного для нас посольства Нелидов мог бы быть спокойнее. Да на чем же основаны его опасения? На одних предположениях, что султан может с ума сойти, может умереть, что его могут убить. Таких предположений можно делать сколько угодно». Гирс, таким образом, ни мало не верит в оборонительный характер предложенных Нелидовым мер, прекрасно понимая, что никто — кроме самого Нелидова — Константинополь завоевывать не собирается «И что же он нам предлагает? — продолжал Гирс. — Принять меры агрессивного свойства в вопросе, где не только враги все наши сплотятся, но и Франция за нами не последует»[20]. Это последнее указание Гирса полностью подтвердилось тогда, когда четырьмя годами позже Нелидов чуть-чуть не сумел протащить свой проект. Но Гирс далек от того, чтобы умалять значение проливов. Нелидов «теряет из виду, что наше морское и военное ведомство направляют все усилия, чтобы создать сильный флот на Черном море и достичь возможной быстроты в мобилизации войск. Зачем же бить в набат и требовать немедленного принятия мер, могущих только подхлестнуть события. Я очень рад, что государь отнесся к делу спокойно»[21].

---

[18] Гирс был министром иностранных дел до своей смерти в самом конце 1894 г. Его сменил Лобанов-Ростовский.

[19] В момент получения депеши Нелидова Гирс был за границей.

[20] Разрядка моя — *В. Х.*

[21] Все это — на основании хранящегося в Центрархиве «Дневника» Ламздорфа за 1895 год, тетрадь III и «Вложения в дневник», с. 38 и 35.

Но идея немедленного захвата проливов, пользуясь текущим кризисом в Турции, была в 90-х гг. вовсе не индивидуальной idée fixe Нелидова. У нее были и другие влиятельные сторонники в русских правительственных кругах.

Так, через три года после этого выступления Нелидова 6 июля[22] 1895 г. состоялось Особое совещание, на котором присутствовали, главным образом, высшие военные чины — министра иностранных дел не было. Совещание это занималось подведением итогов выполнения морской программы 1891 г. Оно констатировало полную военно-морскую готовность России к захвату Константинополя. Действительности это не соответствовало, но сейчас нам важно знать, что высшим военным кругам хотелось так думать. Далее совещание указало, что «взятие Константинополя нам ни за чем не нужно» — пристрастием к «кресту на святой Софии» члены совещания видимо не страдали. «Нам нужен Босфор и вход в Черное море. Остальное, т. е. свободный проход через Дарданеллы, должен быть получен позднее дипломатическим путем», как именно, этого господа военные не нашли нужным пояснить — ведь это относилось не к их ведомству. Зато они не забыли закончить протокол своего «совещания» лирикой: взяв Босфор, «Россия выполнит одну из основных своих исторических задач, станет хозяином Балканского полуострова, будет держать под постоянным ударом Англию, и ей нечего будет бояться со стороны Черного моря». Все свои военные силы она сможет тогда сосредоточить на западной границе и на Дальнем Востоке, «чтобы утвердить свое господство на Тихом океане». К сожалению в протоколе не поясняется, как это можно было бы сделать и кто бы в этом случае стал защищать Босфор, да еще держать из него «под постоянным ударом Англию», хотя эти вопросы уже прямо относились к сфере компетенции военного и морского ведомств. «Все это прекрасно,— замечает по поводу заключений этого «совещания» Ламздорф в своем дневнике, — но с тем оттенком поэтических иллюзий, от которых не свободны все проекты генерала Обручева»[23]. Следует заметить, что совещание состоялось летом 1895 г., и тогда же протокол его был утвержден Николаем; никакой угрозы проливам со стороны английского флота тогда не было: английский флот был стянут к проливам только осенью.

Через несколько месяцев после описанного совещания, в сентябре 1895 г., в дни крупного армянского движения в Константинополе, к проекту захвата Босфора возвратился Нелидов[24]. Однако и на этот

[22] Стиль везде новый.

[23] Ламздорф, Дневник за 1895 год, тетрадь IV, с. 5. Ср. Витте, Воспоминания, т. I, где он рассказывает, что Ламздерф говорил ему, что у Обручева существует прект перевозки в Константинополь дессанта на плотах...

[24] Ламздорф, Дневник за 1895 год, тетрадь III, с. 37.

раз министерство дало ему отпор — Лобанов не принадлежал к энтузиастам немедленного захвата Босфора.

Гораздо более благоприятный момент настал для его планов осенью следующего — 1896 г. После покушения на Оттоманский банк и последовавшей резни атмосфера в Константинополе сгустилась до высшего предела, больше чем когда-либо за все время турецкого кризиса 90-х гг. Каждую минуту можно было ждать новых революционных выступлений в турецкой столице и новой резни в ответ. Сильная английская эскадра крейсировала у входа в Дарданеллы. В то же время в Петербурге в министерстве не оказалось человека, который смог бы дать отпор Нелидову и его сторонникам. После скоропостижной смерти Лобанова там царил полнейший хаос. Во главе министерства, в качестве временноуправляющего, оказался товарищ министра, Шишкин, которого иностранные дипломаты не даром считали круглым ослом[25]. Никаким авторитетом он не обладал. Для послов и начальников департаментов явилась психологически удобная минута, чтобы протаскивать свои собственные политические проекты[26]. Этой минутой и воспользовались сторонники немедленного захвата проливов в царском правительстве.

Нелидов употребил тот же самый агитационный прием в пользу осуществления своего плана, что и раньше. На другой же день после резни, в телеграмме от 26 августа 1896 г. он пугает «огромной опасностью» «иностранной интервенции на Босфоре, которая заперла бы нас навсегда в Черном море»[27]. Дальше на протяжении всего сентября, октября и ноября этот мотив повторяется едва ли не в каждой его телеграмме и депеше. В первой же своей депеше, посланной после резни, он указывает как на единственное средство предотвратить эту опасность — «предупредить» ее «собственным единоличным вмешательством в дела Оттоманской империи и ее столицы на основании исключительных интересов, связывающих нас с судьбами турецкого государства»[28]. В ноябре Нелидов получил текст соглашения, которое Николай заключил с французским правительством во время своей поездки в Париж и о котором у нас речь будет ниже. Если бы это соглашение было осуществлено, то захват Босфора стал бы совершенно невозможным. Эта опасность заставила Нелидова действовать решительнее, и он выпрашивает разрешения приехать лично в Петербург. Разрешили ему это очень неохотно: на первой его телеграмме с изложением этой просьбы Николай написал: «Невозможно». Но Нелидов не угомонился и наконец получил резолюцию:

---

[25] Ср. отзыв Витте, Воспоминания, т. I.

[26] Ср. XII, 3080.

[27] Архив Министерства ин. дел, папка «Константинополь, 1896 г., II» (в дальнейшем сокращенно обозначаем: АМИД, Конст., 1896, II).

[28] Депеша Нелидова 28 августа, № 124. АМИД, Конст., 1896, I.

«Пусть приедет на самое короткое время»[29]. Около 15 ноября Нелидов приехал в Петербург и пробыл там почти месяц.

Содержание его проекта было впервые рассказано Диллоном[30], но он пользовался при этом «Воспоминаниями» Витте, которые и являлись тут основным источником[31]. Довольно верно излагая ход прений в Особом совещании и техническую сторону нелидовского проекта, Витте почти ничего не говорит о международно-политической стороне дела. Ее мы можем теперь восстановить по письмам и запискам Нелидова и протоколу того совещания, в котором обсуждался проект Нелидова и о котором рассказывает Витте. Формально у Нелидова в его записке и письмах все строится на том, чтобы опередить появление английского флота или совместную интервенцию держав. Для этого он и предлагал в «подходящий» «психологический момент», т. е. при возобновлении беспорядков, двинуть эскадру и высадить дессант на обоих побережьях Верхнего Босфора, заняв их «примерно до линии Иеникей — Чибукли». Ясно, что делать это надо было возможно более быстро. Отсюда мысль, повидимому чрезвычайно интересовавшая Нелидова, о том, чтобы приказ Черноморскому флоту был дан прямо им из Константинополя. «Со стороны Турции в настоящую минуту положительно никакого сопротивления ожидать нельзя». Вооружение босфорских фортов никуда не годится, а деморализация турецких войск такова, что «внезапное появление иностранного флота так озадачило бы гарнизон турецких батарей, что едва ли решился бы кто открыть огонь по входящим судам»[32].

Однако у устья Дарданелл плавает английский флот. Если англичане и не думали оккупировать проливы по собственной инициативе[33] (как этим пугал Нелидов), то не требовалось особой проницательности, чтобы понять, что в тот самый миг, в который русский флот войдет в Босфор, гораздо более сильный английский войдет в Дарданеллы. Нелидову было ясно, что «единоличное наше вмешательство в турецкие дела стало более чем затруднительным». Поэтому Нелидов и «отдавал предпочтение своевременному соглашению по вопросу о проливах с наиболее заинтересованными в нем держа-

[29] Телеграммы Нелидова от 2 и 4 ноября (с резолюцией Николая II).

[30] Dillon, The Eclipse of Russia, p. 235.

[31] Rosen, Forty years of diplomacy, I, p. 128—не добавляет ничего нового. Совершенно фантастические вещи относительно «подготовки обширной экспедиции в проливы» по инициативе Лобанова в 1895 г. можно прочесть у Michon, L'Alliance Franco-Russe, p. 75.

[32] Нелидов определял количество турецких войск в Константинополе в 17 000 пехоты и 1 400 кавалерии. Флот не имел боевых запасов и угля и не мог выйти из Золотого Рога (Ламздорф, Дневник за 1896 год, тетрадь II, «Вложения»).

[33] «Историк-марксист» № 13, с. 28 и след.

вами»[34]. Удобным поводом для начала этих переговоров было бы выступление какой-либо из держав с предложением обсудить вопрос об интервенции в Турции, — такое предложение, кстати сказать, последовало 20 октября со стороны Английского кабинета, когда Солсбери выступил с проектом конференции послов по вопросу о реформах в Турции и способе давления на султана. Нелидов и предлагал ответить на английскую ноту согласием[35], бросив принцип поддержания status quo и охраны «авторитета султана». Но «предварительно согласия на вступление в Дарданеллы иностранных военных судов» «мы должны сами войти в Босфор и тогда пригласить к совместному с нами действию против Порты другие правительства»[36]. Особое совещание 5 декабря 1896 г. в соответствии с этим и постановило поручить Нелидову вместе с другими послами заняться обсуждением «реформ» для Турции и «выяснить» «путем доверительных разговоров с представителями других держав, ... к какому именно способу принуждения их правительства предполагают прибегнуть. Таким способом по всей вероятности окажется морская демонстрация в Мраморном море». «В этом случае мы не могли бы согласиться на вступление значительного числа иностранных судов в Дарданеллы, не заняв одновременно Верхнего Босфора для обеспечения условленного трактатами прохода в Черное море».

Таким образом предполагалось, в сущности, спровоцировать международную интервенцию с тем, чтобы воспользоваться ей для захвата Верхнего Босфора. Приказ Черноморскому флоту должен был быть дан заранее — с расчетом на то, «что с момента единогласного решения всех правительств прибегнуть к морской демонстрации судам их потребуется меньше времени для вторжения в Дарданеллы, нежели нашим судам для перехода из Севастополя и Одессы к Босфору». «В случае же какой-либо «внезапной развязки» в Константинополе «вследствие происков армянских комитетов, новых избиений или общего восстания против султана» появление иностранных судов может ведь — полагало совещание — совершиться и «неожи-

[34] Письмо Нелидова от 18 сентября 1896 г.

[35] Сначала русское правительство, следуя политике «поддержания status quo и авторитета султанов, ответило на ноту Солсбери отказом обсуждать применение «мер принуждения» (Ламздорф, Дневник за 1896 год, тетрадь II, с. 10, запись от 17 ноября; ср. XII, 3 069, 3 070 (донесение Радолина от 29 октября и Бюлова от 2 ноября) и 3 072 (Радолин, 20 ноября); но с приездом Нелидова позиция русского правительства вскоре (уже 24 ноября; заметим, что проект Нелидова Николаем был одобрен уже 17) меняется, и оно дает согласие на предложения Солсбери (телеграмма Шишкина Стаалю от 24 ноября 1896; ср. личное письмо Стааля от 25 ноября и его же телеграмма от 28 ноября, АМИД, Лонд., 1896); забегая вперед, заметим, что, когда от осуществления нелидовского проекта в Петербурге отказались, последовал и новый отказ от предложения Солсбери; депеша Стааля от 23 декабря 1896 г., № 80 (АМИД, Лонд., 1896).

[36] Записка Нелидова, составленная в Петербурге 30 ноября 1896 г.

данно, без предварительного соглашения послов». Ввиду этого «в крайнем случае» Нелидов уполномочивался вызвать эскадру самолично, прямой телеграммой командующему флотом [37].

С чисто дипломатической точки зрения, а отчасти и с военной, задача захвата Босфора для России чрезвычайно облегчилась бы, если бы удалось устроить так дело, что султан «обратился бы» к России за «помощью» против революции [38]. Однако, «зная характер Абдул-Гамида, его осторожность и двуличность, можно быть уверенным, что он ни в какие сделки ни с каким государством не войдет без непосредственной крайней нужды» [39]. Согласие российского правительства на предложение Англии от 20 октября относительно «мер принуждения» могло быть использовано и с этой точки зрения: запугать султана и поставить его в положение «непосредственной и крайней нужды». В составленный Нелидовым проект письма царя, извещавшего султана о решении русского правительства применить по отношению к нему вместе с другими державами «меры принуждения» (от чего до сих пор Россия упорно отказывалась), Нелидовым была вставлена фраза с советом султану «броситься в объятия России» [40]. Но надежды на подобный шаг Абдул-Гамида было все-таки мало. 5 декабря было во всяком случае решено, чтобы при приближении русского флота к Босфору Нелидов известил об этом султана и предложил ему «ручательство России за личную его безопасность, если он согласится содействовать или, по крайней мере, ничем не препятствовать входу русских судов в Босфор». Этот последний акт, таким образом, мог бы и не нарушить установившегося союза царской России с турецкой реакцией [41].

Легко видеть, что неизбежным следствием захвата Босфора была бы оккупация Дарданелл английской или международной эскадрой, причем никто не мог ей помешать войти и в Босфор и встать рядом с русскими судами. Было ясно, что «взять и Дарданеллы нам никогда не позволят» и что, однажды войдя в Дарданеллы, англичане оттуда даром не уйдут, пока русские не уберутся из Босфора [42]. Встает

---

[37] «Заключение совещания, состоявшегося под высочайшим председательством в Царском селе в субботу 5 декабря (23 ноября) 1896 г.» Витте об этом не говорит, рассказывает лишь о проекте условной телеграммы Нелидова в Петербург.

[38] Телеграмма Нелидова от 3 сентября, особенно депеша от 4 сентября (АМИД, Конст., 1896, I).

[39] Как писал Нелидов еще в январе 1896 г. (Депеша № 21; АМИД, Конст., 1896, I).

[40] Фраза эта была однако вычеркнута по настоянию Ламздорфа (Докладная записка Ламздорфа Николаю II и приложенный к ней проект письма Николая султану, составленный Нелидовым).

[41] О последнем — «Историк-марксист» № 13, с. 23.

[42] Цит. записка от 30 ноября и письмо от 18 сентября.

вопрос, какой же смысл было тогда занимать Босфор? Положение царской России стало бы от этого только хуже, ибо вместо слабой Турции она получила бы в Дарданеллах Англию или «интернациональный» режим. Предприятие принимало как будто бы сугубо нелепый характер.

Ясное дело, что Нелидов не стремился к тому, чтобы отдать Дарданеллы Англии или интернационализировать их. Его цель заключалась на первое время в «нейтрализации»[43]. Дарданелл, в том, «чтобы там были срыты укрепления и Мраморное море открыто для судов всех государств»[44]. При этом он предполагал установить в проливах режим свободной торговли[45]. «Владея Верхним Босфором, мы будем обеспечены в Черном море, приобретем решающее влияние в Константинополе и сохраним за собой возможность при благоприятных условиях в будущем, сухим путем или с моря, овладеть Дарданеллами»[46]. Но как этого достигнуть, как заставить Англию и Австрию пойти на такое решение, как заставить их убраться из Дарданелл? Это должны были дать дипломатические переговоры, которые надлежало начать тотчас же по оккупации Босфора. Все свои надежды Нелидов возлагал тут на помощь Франции и Германии, с которыми и надо было достигнуть соответствующего соглашения, чтобы затем с их помощью «провести наши требования перед Англией». Словом, заручившись поддержкой Франции и Германии, надо было достигнуть сделки с Англией. В чем эта сделка должна была заключаться, догадаться не трудно: в переговорах «должны быть затронуты и некоторые задачи будущего, так как судьбы Турции тесно связаны с судьбами ее столицы»[47]. «Можно с уверенностью сказать, что ни одна из великих держав не решится тотчас же силою оспаривать у нас обладание Верхним Босфором или материально препятствовать нашему там утверждению». «Мы сможем сделать из него нечто вроде Гибралтара, что позволит нам с большим весом и спокойным сердцем участвовать в разрешении дальнейших судеб земель, входящих ныне в состав распадающейся Турецкой империи»[48]. Как видим, нелидовский проект по существу дела вовсе не был только проектом захвата Верхнего Босфора. Это был проект, шедший гораздо дальше подобных «скромных» задач, это был проект раздела Оттоманской империи.

---

[43] Письмо от 18 сентября.

[44] Там же.

[45] Это видно из более поздней нелидовской записки «О задачах внешней политики России» (от 1900 г., личный архив Нелидова).

[46] Письмо от 18 сентября.

[47] Цит. письмо от 18 сентября.

[48] Записка Нелидова от 30 ноября (разрядка везде наша — *В. Х.*).

Без этого проект одного только захвата Верхнего Босфора был бы совершенно немыслим, ибо при очевидной физической невозможности помешать англичанам в свою очередь устроить в Дарданеллах «нечто вроде» нового Гибралтара одновременно с тем, как «мы» воздвигли бы его на Босфоре,— при такой ситуации было ясно, что англичанам, чтобы заставить их пойти на нейтрализацию Дарданелл, надо было заплатить. А заплатить им можно было только кусками Турции. Витте обо всем этом молчит, молчит потому, что на совещании 5 декабря и вообще во время приезда Нелидова дебатировались не эти «вопросы будущего», а ближайшие задачи — посылка флота в Босфор, обсуждались предлоги для этого, техника вызова флота и т. д.

Сделка с английским империализмом на основе соглашения о разделе Турции была вполне возможна. Мы постарались показать в предыдущей статье [49], что кабинет Солсбери был весьма склонен к подобному соглашению с Россией. Это обстоятельство, известное в министерстве в Петербурге, Нелидову также было хорошо известно. Керри [50], писал он однажды, старается «подготовить почву для более широкого обмена мнений с Россией относительно будущности Оттоманской империи и прежде всего турецкой столицы». «В этом смысле... существует весьма сильное течение в английском общественном мнении» [51].

Несомненно, что Солсбери что-то знал о планах Нелидова. Еще когда Нелидов был в Петербурге, Солсбери говорил немецкому послу, Гатцфельду, относительно карты с наметкой раздела Турции, которую Нелидов будто бы привез в Петербург [52]. Несомненно, что Солсбери был рад нелидовским затеям. Очень любопытный разговор он имел с Гатцфельдом 21 декабря. Премьер был в прекрасном расположении духа, что случалось с ним весьма редко, и особенное удовольствие доставляла ему позиция России в восточных делах. Со скептическим замечанием Гатцфельда, что пройдет немало времени, пока послы договорятся о реформах в Турции, Солсбери согласился, но тут же добавил, что как знать — быть может Нелидов привезет из Петербурга в кармане готовый проект. Затем Солсбери снова возвратился к привезенной Нелидовым карте. Гатцфельд, шутя, ответил на это премьеру, что «он вероятно хотел бы убедиться, приняты ли в Петербурге во внимание его пожелания относительно Ефрата и т. д.». В ответ на это Солсбери утвердительно закивал головой и «проникновенно» посмотрел на Гатцфельда — «nickte lebhaft zustimmend, indem er mich verständnissinnig ansah».

[49] С. 30 и след.
[50] Английский посол в Турции.
[51] Цит. письмо от 18 сентября.
[52] Донесение Гатцфельда от 8 декабря (XII, с. 239, прим.).

Затем он перевел разговор. Гатцфельд, хорошо изучивший премьера и вообще умный человек; придал этому разговору серьезное значение, заключив, что Солсбери не прочь договориться с Россией о разделе Турции [53].

Все это, повторяем, несомненно. Но несомненно также и то, что никакой определенной предварительной договоренности с английской дипломатией не было. Весь проект Нелидова основывался на том, что «первым и непременным условием всех соглашений относительно судеб находящихся ныне под игом султана земель должно быть обеспечение связанных с вопросом о проливах интересов России». Обсуждением турецкого вопроса «без материального обеспечения наших интересов может быть положено начало разрешению восточного вопроса в самом невыгодном для нас смысле» [54]. Словом — сначала захват, а потом уже переговоры.

Однако в одном документе гораздо более позднего времени, в докладе Сазонова от 23 ноября 1913 г. говорится, что захват Босфора должен был произойти в 1895 г. [55] «с ведома и согласия Англии» [56]. Это верно в том смысле, что царская дипломатия при обсуждении проекта Нелидова очень хорошо знала, что английское правительство при условии компенсации не будет возражать против захвата проливов. Но настоящего соглашения, повторяем, заключено не было. Это не исключает конечно возможности, что между Нелидовым (но отнюдь не официальным главой русской внешней политики) и кем-либо из английских дипломатов, например Керри, не было какой-либо устной неофициальной договоренности, о которой впрочем нам ничего точного неизвестно.

В сущности говоря, Нелидов в более разработанной форме выдвинул тот же проект, что и военные на упомянутом выше июльском совещании 1895 г.: сначала военный захват Босфора, а затем — дипломатические переговоры относительно Дарданелл. Нелидов, видимо, боялся, что если Босфор не захватить заранее так сказать физически, то в переговорах русскую дипломатию обязательно надуют. Тут не знаешь, чему в проекте Нелидова надо больше дивиться: наглости или наивности и глупости. На самом деле, именно предварительный захват Босфора Россией и давал бы английской дипломатии возможность совершенно безгранично шантажировать царскую дипломатию; заняв также «предварительно», до начала переговоров, Дарданеллы, английское правительство могло вымогать от царской России всяческие уступки. Все это дало бы Англии такой козырь при

[53] Донесение Гатцфельда от 22 декабря 1896, XII, 3 086.

[54] Депеша Нелидова № 164 от 29 октября 1896 г.

[55] Это явная ошибка: в 1896 г.

[56] Сборник «Константинополь и проливы», I, 72—73: докладная записка Сазонова от 23 ноября (старого стиля) 1913 г.

переговорах, которого бы она не имела, если бы переговоры происходили до захвата Босфора. Легко видеть, какая грозная опасность создалась бы для царской России, если бы англичане в процессе переговоров вдруг заупрямились и пригрозили бы остаться в Дарданеллах. Царская Россия на Босфоре, британский империализм в Дарданеллах — это была бы перманентная страшная угроза войны.

Мы видели, что главные надежды в переговорах с английским правительством Нелидов возлагал на поддержку Франции и Германии. Но тут заключался второй просчет, тот просчет, который, как только он обнаружился, всего более и способствовал отказу от принятого было проекта. Витте действительно энергично возражал Нелидову в совещании 5 декабря[57], в то время как военные, Обручев и Ванновский, его столь же энергично поддерживали. Однако возражения Витте не возымели силы, он не сумел отстоять свою внешнюю политику от Нелидова, как это сумел сделать Лобанов за год до того. Не Витте и, повидимому, не мобилизованный им Победоносцев[58] провалили проект Нелидова.

Действительно, если бы Франция и Германия оказались во время торга с английским империализмом на стороне русского правительства, то последнее могло бы себя чувствовать довольно уверенно в защите своих претензий. На ее стороне был бы европейский концерт, составился бы континентальный блок, и Англия была бы почти изолирована — вдвоем разве лишь с Италией. Иное дело, если бы Германия и Франция пошли вместе с Англией против России. В этом случае Англия могла бы не столько вести с последней переговоры, к которым она пока что так стремилась, сколько просто, оккупировав Дарданеллы, диктовать России свою волю. Крылатое слово Бисмарка о «мышеловке» получило бы самое наглядное подтверждение. Даже «осел» Шишкин понял (быть может, правда, в этом ему помог Ламздорф, великий враг нелидовской затеи), что грозило царской России. Когда Николай II во время доклада Шишкина 17 ноября заметил по поводу проекта Нелидова: «ну что же, это я ему могу разрешить, я его выслушаю» — Шишкин возразил, что осуществление нелидовского проекта грозит России возрождением комбинации 1854 г. Но у Николая был простой ответ: «никогда не посмеют; мы с ними справимся». По существу же Шишкин (или Ламздорф) был совершенно прав. Захватив Босфор, царская Россия оттолкнула бы от себя своих союзников.

Но эта опасность грозила не со стороны «дружественной» Германии. Германское правительство против захвата проливов Россией

[57] См. его особое мнение в «Заключении» совещания. «Воспоминания» верно передают суть его возражений.

[58] Что последний был заодно с Витте, слышал и германский посол Радолин (XII, 2 930).

в эти годы еще не возражало[59]. Сам Вильгельм, ища в эти годы сближения с Россией, на прощальной аудиенции предлагает Шувалову, который покидал пост посла в Берлине, возобновить разорванный в 1890 г. русско-германский договор «перестраховки» и даже — союз трех императоров. Шувалов ответил, что само германское правительство отказалось в 1890 г. от возобновления договора, сделав это «dans une forme peu courtoise». Вильгельм ответил, что виноват в этом Каприви, который был честным человеком, но которому «не хватало ума» (при этом император поднес руку ко лбу — «что должно было указать, поясняет Шувалов, на пустоту в голове Каприви»)[60].

Лобанову Вильгельм прямо предлагал взять проливы[61]. «Не правда ли,— заметил по этому поводу Лобанов Ламздорфу,— это любопытно». Император Вильгельм «нам предлагает Константинополь и все, что мы только хотим, чтобы оторвать нас от Франции...» «Чтобы мы дали ему раздавить Францию, после чего он сможет всецело подчинить нас своему руководству»,— ответил Ламздорф. «Как это было и раньше»,— согласился с ним его шеф[62].

Эксцентричность проявлений «дружбы» Вильгельма не мало раздражала русских дипломатов. «Эта скотина, германский император, завел привычку адресовать нашему государю телеграммы политического содержания. Император не знает, что на них отвечать и передает их мне». «Император сам направляет свою внешнюю политику. Но это же фикция. Он ничего не может без своего министра»,— либеральничал Лобанов. Недавно, продолжал он, Вильгельм прислал телеграмму, где спрашивал, что будет Россия делать в случае катастрофы в Константинополе.

— И это в телеграмме клером? — спросил Ламздорф.

— Да, можно ли так вести дела? Дурак! — заключил министр.

Как бы то ни было, но в проливах мешала не Германия. Официально немцам о проекте Нелидова ничего не было известно. Кое-какие слухи до них стороной дошли[63]. По пометкам Вильгельма на донесениях Радолина видно, что он относился к проекту Нелидова с полным сочувствием и не одобрял возражений Витте.

При такой позиции Германии, Австрия тоже была не опасна. Измена шла не со стороны правительства Вильгельма II. Поперек дороги к Константинополю перед царизмом стала его союзница — Франция. Источники вполне подтверждают предположение, сделанное по этому поводу М. Н. Покровским[64].

[59] «Историк-марксист» № 13, с. 44 и след.

[60] Ламздорф, Дневник за 1895 год, I, копия письма Шувалова от 17 января 1895 г.

[61] «Историк-марксист» № 13, с. 48.

[62] Ламздорф, Дневник за 1895, III, с. 24 (запись от 21 октября).

[63] Донесение Радолина 27 и 28 декабря 1896, XII, 2 930 и 3 090.

[64] Предисловие к «Воспоминаниям» Витте.

ФРАНКО-РУССКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

«Нам нужна сильная Франция»,— записал Ламздорф в своем дневнике, но нам отнюдь не следует слепо поддерживать ее во всех ее интересах. «Россия должна сохранить положение разборчивой невесты и никогда не должна усваивать приемов кокетки» [65]. Другой чиновник министерства иностранных дел сравнивал Францию с мышьяком: в малых дозах она оказывает целебное действие, но малейший излишек в порции французской дружбы ведет к отравлению [66].

Кроме «монархических чувств» эти настроения в немалой мере питались противоречиями, которые существовали между Третьей республикой и царской Россией на Ближнем Востоке.

Интересы обоих союзников в Турции были в достаточной степени противоположными. Царская Россия, сколько бы она ни подмораживала восточный вопрос, в конечном итоге все же стремилась к захвату проливов. В случае если бы общий кризис в Турции начался — даже если бы он начался и помимо ее воли,— несомненно Россия должна была в той или иной форме захватить проливы, т. е. взять курс на расчленение Турции. Наоборот, интересы французского империализма требовали прямо противоположного; раздел Турции был для него в ту эпоху совершенно нежелателен. Правительство Третьей республики, поскольку оно не могло мечтать о захвате всей Турции, должно было стремиться к длительной стабилизации и — по возможности — интернационализации империи султана. Всего ближе оно, в сущности говоря, сходилось на этой платформе с Австро-Венгрией. Отсюда, между прочим, та идея австро-французского сближения, которая то и дело — правда лишь как недосягаемая [67] мечта — всплывает в умах австрийских дипломатов. Пока царская Россия вела политику «подмораживания», французский империализм еще мог уживаться с ней на ближнем Востоке. Россия причиняла своей союзнице лишь ряд отдельных неприятностей. Но если бы Россия решила перейти к политике немедленного захвата проливов, то это стало бы для Франции уже несносным. «Вопрос о проливах нас слишком близко затрагивает, говорил Ганото, и я надеюсь, что Россия не станет его касаться, car celà pourrait devenir trop gro pour nous!» [68].

Эта политика Третьей республики диктовалась интересами того слоя французской буржуази, который являлся правящим слоем Франция «parexcellence», до того самого момента, когда уже в XX веке ему пришлось потесниться перед влиянием магнатов тяжелой инду-

---

[65] Ламздорф, Дневник за 1895 год, III, с. 16.
[66] Там же, с. 24.
[67] Недосягаемая — вследствие франко-германских отношений.
[68] Донесение Мюнстера 25 апреля 1896 г., XII, 2916.

стрии, которая тут начинает бурно расти. Этим слоем был банковый капитал. Ближний Восток представлял для французских банков один из важнейших рынков для экспорта капитала. В одной только Турции было вложено 2½[69] млрд. франков[70]. Чтобы оценить эту цифру, надо заметить, что общий размер инвестированного за границей французского капитала исчислялся в то время приблизительно в 27 млрд. франков. Таким образом только одна Турция поглощала около 9% всего капитала, экспортированного Францией. К этому еще надо добавить французские капиталы, вложенные в Сербии, Греции, Болгарии и Румынии, которые к 1902 г. достигли почти миллиарда франков. Вслед за Россией, Ближний Восток занимал одно из первых мест в качестве сферы вложения капиталов для французских банков.

Во французских руках находилось 60% облигаций оттоманского государственного долга — всего приблизительно на 1½ млрд. франков[71]; 366 млн. франков было вложено в турецкие железные дороги; около 160 млрд. франков было вложено в промышленные и торговые предприятия в Турции; 176 млрд. франков французских денег было помещено в ближневосточные отделения французских банков[72]. Фактически, однако, французские банки распоряжались гораздо большими суммами. «Управление оттоманского долга» было всецело в их руках; в Оттоманском государственном банке преобладающее влияние принадлежало отчасти Banque de Paris et des Pays Bas, а затем группе банкирских домов, главы коих руководили и банком Union Parisienne. В середине 90-х г. французский капитал бесспорно господствовал в Турции: экономическое проникновение Германии до 1898 г. едва-едва чувствовалось, «британский» же «капитал был всецело поглощен уже в те годы огромными задачами внутри самой Британской империи и высказывал мало склонности к усилению своей деятельности в Турции» и «явно (sichtlich) уступал почву французскому капиталу»[73]. Франция рассматривала в эти годы Турцию в экономическом и финансовом отношении, как свой домен[74]. Иным было положение внешней торговли: тут Англия довольно прочно удерживала первое место и, завоевав Турцию как рынок для капита-

---

[69] Или даже три.

[70] Цифра 1903 г.; с 1896 г. эта цифра не могла значительно измениться.

[71] Для сравнения заметим, что в русские государственные бумаги в 1896 г. было вложено несколько менее 5½ млрд. франков французских капиталов.

[72] Earle, Turkey, the great Powers and the Bagdad Railway, p., 154—155. Дипломатическая переписка того времени приводит еще более высокие цифры, чем Earle, определяя общий размер французских инвестиций не в 2½ млрд.; а в 3 млрд. франков и долю Франции в турецких государственных ценностях не в 60%, а в $^2/_3$ (донесение Нелидова от 28 января 1896 г. за № 17 и от 14 января за № 2), (АМИД, Конст., 1896. I).

[73] Helfferich, Der Weltkrieg, S. 71.

[74] Там же.

ла, французский империализм не завоевал в ней соответствующего места на товарном рынке, как это, впрочем, случалось с ним сплошь и рядом,— так было ведь, например, и в России.

«Россия и Франция обе в очень высокой степени заинтересованы в восточном вопросе, хотя и в различных сферах. Россия, как ближайшая соседка, заинтересована более на политической, территориальной и военно-морской почве. Вопрос о проливах для нее первой важности. Франция, напротив, имеет материальные интересы; более 3 млрд. французских денег помещено в турецкие займы и предприятия. Без предварительной договоренности союзницы легко могут столкнуться, защищая свои интересы»,— заключал французский посол в Константинополе [75]. И они сталкивались неоднократно.

Что сталось бы с французскими деньгами, вложенными в обветшалое государство султана, если бы оно рассыпалось, было бы разделено или, наконец, в силу крайней денежной нужды, прибегло бы к государственному банкротству? Крах и раздел Турции грозил целости французских капиталов; банкам нужны были гарантии целости их денег. Наилучшей гарантией являлось бы прежде всего максимальное расширение и укрепление международного контроля над турецкими финансами путем расширения компетенции администрации оттоманского долга. По соглашению, заключенному в 1881 г. между Портой и ее кредиторами, Совет оттоманского долга ведал лишь доходами, забронированными в качестве обеспечения платежей по долговым обязательствам Турции. Теперь он мог бы заняться «оздоровлением» турецких финансов вообще, его компетенция могла бы быть распространена уже на все государственные доходы; наконец, Совет оттоманского долга мог бы получить контроль и над расходами оттоманского правительства, взять в свои руки оплату чиновничества и армии и этим de facto подчинить себе всю администрацию Оттоманской империи [76]. Международный финансовый контроль означал шаг на пути интернационализации Турции, и для российского правительства он был совершенно неприемлем: «Переход в европейские руки экономических средств Турции был бы равносилен нейтрализации Оттоманской империи и замене слабого, но все-таки еще независимого ее правительства сильным, но неприязненным нам международным устройством» [77]. Это противоречило бы постоянной задаче русской дипломатии: до поры до времени консервировать Турцию в целости и сохранности и вместе с тем сохранить ее достаточно слабой [78].

---

[75] Донесение Нелидова 28 января 1896 г., № 17 (АМИД, Конст., 1896, I).

[76] Донесение Капниста 23 ноября 1896 г., № 90 (АМИД, Вена, 1896) и проект инструкций Нелидову (АМИД, Конст., 1896. III, Expedition).

[77] Донесение Нелидова 14 января 1896 г., № 2 (АМИД, Конст., 1896, I).

[78] См. «Историк-марксист» № 13, с. 25—26; ср. XII, с. 224—225.

Относясь отрицательно к идее морской демонстрации против султана, которая могла бы еще более пошатнуть авторитет государственной власти в Турции, французское правительство однако, так же как и австрийское, было очень не прочь сосредоточить у входа в проливы «международную эскадру», чтобы в случае кризиса в турецкой столице помешать занятию этой последней судами какой-либо одной державы — т. е. Англии или России. И Ганото, и Камбон, посол в Турции, неоднократно пытались склонить русских дипломатов согласиться на посылку каждой из «великих держав» по два военных судна к проливам. Легко себе представить, какой энергичный отпор получали французы от дипломатии своей союзницы[79].

Общей задачей французской политики было, повидимому, соглашение с Англией на базе уступок в Египте и взаимных компенсации в других частях Африки[80], поддержания status quo в Турции и «оздоровления» турецких финансов.

Французский империализм получил бы компенсации в Африке и обеспеченность своих капиталов в Турции; британский — обеспечивал бы за собой Египет без необходимости уступать за него Константинополь царской России. Конечно, интересам этой последней все это весьма мало отвечало; мы видели, что если бы Россия и могла заключить соглашение с Англией, то лишь на базе раздела Турции, на базе обмена — Египет за проливы. Попытки втянуть русское правительство в фарватер своей политики делались французской дипломатией неоднократно, но безуспешно. В общем во время кризиса 1895—1897 г. скорее Франция шла на буксире у России, а не наоборот. Однако осенью 1896 г. Ганото, воспользовавшись безначалием, царившим в это время в русском министерстве иностранных дел, чуть-чуть не удалось заставить царское правительство отказаться от всех основ своей ближневосточной политики.

Случилось это во время пребывания Николая II в Париже[81]. С внешней стороны прием был обставлен колоссальной помпой, в нем были черточки подобострастия и заискивания перед русским императором. Но за кулисами Ганото удалось буквально надуть Николая и сопровождавшего его Шишкина, заставив их расписаться в полном отказе от своей «исторической миссии». Ганото уговорил Николая утвердить инструкции послам России и Франции в Константинополе,

---

[79] Письмо Моренгейма 29 октября 1896 г. (АМИД, Париж, 1896); телеграмма Нелидова 2 октября 1896 (АМИД, Конст., 1896); телеграмма Шишкина 4 ноября (там же).

[80] Экспедиция Маршана к верховьям Нила, организованная как раз в это время и приведшая в 1898 г. к фашодскому кризису, была предпринята в ответ на начавшееся завоевание Судана именно с целью заставить Англию пойти на большую уступчивость в этом намечавшемся соглашении.

[81] 6—8 октября, т. е. приблизительно за пять недель до приезда в Петербург Нелидова.

которые содержали в себе как раз все те пожелания, на которые до сих пор царская Россия так категорически отказывалась дать свое согласие [82]. Эти инструкции предполагали, во-первых, сближение с Англией и именно в той форме, которая по существу отвечала интересам одной лишь Франции. Предполагалось достигнуть соглашения с Англией по египетскому вопросу — «но при условии взаимных удовлетворений как в том, что касается будущего авторитета управления египетского долга», права коего нарушены англичанами ради финансирования экспедиции в Судан, так и в том, «что касается необходимых гарантий нейтрализации Суэцкого канала». Об эвакуации Египта в инструкциях не упоминается и только глухо говорится о необходимости «установления в Египте порядка, более согласного с принципом целости Оттоманской империи». Очевидно, Ганото предполагал санкционировать оккупацию Египта, обеспечив существовавшие там экономические интересы Франции и выторговав кое-что относительно «свободы Суэца». Как известно, — в инструкции послам в Турции об этом, конечно, не было нужды говорить — Франция предполагала выговорить себе еще компенсации в других африканских колониях. Россия отдавала таким образом Англии Египет, ровно ничего не выторговав для себя в обмен, теряла возможность использовать англо-французский конфликт из-за Египта как средство давления и на Англию, и на Францию, и тем самым ослабляла зависимость своей союзницы от себя.

Инструкции предполагали, далее, уже очерченное нами выше расширение компетенции Управления оттоманского долга, причем русское правительство соглашалось послать своего делегата в названное учреждение, которое оно до сих пор всячески игнорировало. Царское правительство соглашалось таким образом отдать Турцию и ее столицу под международный контроль, отдать «Европе» «ключ от своего дома».

И Николай, и Шишкин, очарованные оказанным им приемом, вернулись чрезвычайно довольными «парижскими соглашениями». Шишкин был «в восторге» от составленных в Париже инструкций обоим послам. «Император много беседовал с Ганото в Версале, — рассказывал он Ламздорфу, — он целиком одобряет расширение компетенции Управления оттоманского долга с введением туда русского представителя». «Мы сделали в Париже большое дело», — заключил Шишкин [83].

Однако в Петербурге в министерстве привезенные из Парижа инструкции встретили совсем иначе, а наиболее влиятельные послы подняли форменную бурю. Сидевший в Вене Капнист ограничился иро-

[82] «Секретные инструкции Нелидову» (составленные в Париже и утвержденные Николаем 19 октября 1896 г.), (АМИД, Конст., 1896, III Expedition).

[83] Ламздорф. Дневник за 1896 год, III, с. 4 и «Вложения», лист 18.

ническими письмами, в которых издевался над Шишкиным; в Вене, — язвительно писал он Шишкину, — в парижском соглашении видят результат «личного влияния господина Ганото» [84]. «Какие странные понятия,— писал он позже,— господин Ганото имеет о нашей дипломатии, раз он в момент посещения Парижа русским императором предлагает подобную линию поведения, столь мало согласную со всей внешней политикой России и ее интересами»[85]. Что же касается Нелидова, то он прежде всего воспользовался парижскими инструкциями, чтобы добиться разрешения для своего приезда в Петербург. Прибыв туда, он заявил, что скорее уйдет в отставку, чем согласится следовать парижским инструкциям [86]. Тотчас по приезде он представил Николаю записку по этому вопросу и нашел тут себе поддержку со стороны Ламздорфа и, что было гораздо важнее — Витте. К сожалению, мы ничего не знаем относительно мотивов, которые руководили Витте, но во всяком случае, будучи против захвата проливов, Витте тоже восстал против того, чтобы подарить их «Европе» [87].

Николай, еще за день заверявший французского посла, что он попрежнему сочувствует парижскому соглашению и «надеется» переубедить Витте и Нелидова [88], прочитав записку последнего, сразу переубедился сам. «Чем больше я думаю об этом деле, — писал он, — тем сильнее мне кажется, что мы сделали крупный промах», и «от этих мыслей Ганото нам надо отказаться».

«В добрый час, — заметил по этому поводу Ламздорф, — но зачем же тогда было давать себя связать в Париже формальными обязательствами, зачем писать «вполне согласен» на проекте инструкций и зачем обещать Монтебелло позавчера, в четверг, на аудиенции постараться убедить Нелидова и Витте. Молодой государь меняет свои точки зрения с ужасающей быстротой» [89]. Капнист испытал при известии об отказе от парижских соглашений «истинное облегчение», ибо расширение прав Управления оттоманского долга «должно было привести к господству над Турцией вшестером». «К счастью, привезенная вами в Петербург комбинация г. Ганото не могла выдержать серьезного рассмотрения» и теперь оставлена [90].

Так начинал Николай свою дипломатическую карьеру, впервые применив тут свой излюбленный дипломатический прием, наиболее блистательно развернутый им в Бьерке: отказываться от только что данных обязательств.

В результате было решено отказаться от той линии, которая была зафиксирована в парижских инструкциях. Чтобы несколько

[84] Донесение Капниста 12 ноября 1896, № 62 (АМИД, Вена, 1896, I).
[85] Там же, 23 ноября, № 72 (там же).
[86] Ламздорф, Дневник за 1896 год, III, с. 8 (запись от 15 ноября).
[87] Там же, с. 7 (запись от 14 ноября).
[88] Там же.
[89] Ламздорф, Дневник за 1896 год, III, с. 8 (запись от 12 ноября).
[90] Донесение Капниста 23 декабря, № 72 (АМИД, Вена, 1896, I).

успокоить французов, новая инструкция Нелидову (кажется фактически он ее написал себе сам) предлагала ему заявить султану, что в случае если он посягнет на доходы, закрепленные за Управлением оттоманского долга, то державы установят над Турцией еще более стеснительный финансовый контроль [91]. Ганото, тем не менее, был «крайне удручен» и «недоволен» провалом своей комбинации, и «его положение» было «поколеблено этой неудачей» [92]. В палате он ждал атаки со стороны оппозиции, со стороны радикалов, особенно Думерга, «который в качестве министра финансов в кабинете Буржуа является рупором всех наших держателей турецких фондов, крупных и мелких». «Вы ослабили нашу партию»,— жаловался Ганото [93].

Через несколько дней, после того как царское правительство подвело свою союзницу, этой последней пришлось в свою очередь взять реванш и приложить свою руку к расстройству кое-каких затей русского правительства. Я говорю о проекте захвата Босфора, борьбу за осуществление которого Нелидов начал одновременно с тем, как ему удалось провалить «парижские инструкции».

До французского правительства неофициально уже дошли кое-какие сведения относительно нелидовской затеи. После всего сказанного о политике французского империализма в Турции ясно, что в Париже могли к ним отнестись только с крайней враждебностью. Ганото этого не скрывал. Он выразил свои чувства тем более резко, что беседа на эту тему явилась прямым продолжением сообщения русского посла об отказе от парижского соглашения. Ганото, «на основании сведений, очевидно очень детальных и чрезвычайно алармистского свойства», квалифицировал этот акт (т. е. этот отказ) как «переворот» в русской политике. «Ваша новая политика, — заявил Ганото,— стремится обеспечить за Россией монопольное влияние в Турции. Добиваются ли у вас протектората, подобного тому, что существует в Египте или даже Тунисе? И взвесили ли вы все трудности? Если бы дело шло только о нас, только о Франции, я бы еще понял это и, может быть не стал бы этому чинить слишком много затруднений. Но не забывайте, что мы не одни, не забывайте, что вы имеете дело со слишком сильной партией. Будьте совершенно уверены, если вас даже и пустят в Константинополь, то это будет сделано лишь для того, чтобы вам не дать оттуда выйти, ибо в тот же самый день англичане с помощью итальянцев создадут в Дарданеллах Гибралтар, который запрет для вас всякий выход». Возможность захвата Босфора Россией, продолжал он, всеми давно предусматривается, и итальянцы —

---

[91] Инструкция Нелидову, утвержд. 9 ноября 1896 г. (АМИД, Конст., 1896, III) и письмо Нелидова французскому послу в Петербурге, графу Монтебелло, от 20 ноября (там же).

[92] Письмо Моренгейма от 26 ноября и 10 декабря (АМИД, Париж, 1896).

[93] Там же.

Ганото умолчал тут почему-то об англичанах — воспользуются им и разногласиями между Россией и Францией для захвата Албании, Триполи и даже Сирии, к берегам которой они уже стянули две дивизии своего флота. Ганото закончил эту часть беседы выражением надежды, что ничего этого не случится, ибо в России не будет недостатка в «благоразумных влияниях»[94].

Но Ганото не ограничился разговорами, которые, кстати сказать, и не возымели никакого действия на царское правительство, хотя только что цитированное донесение Моренгейма было получено в Петербурге раньше совещания 5 декабря. Он не ограничился и тем, что показал русскому послу статью Тардье в «Matin», которая пропагандировала идею союза Франции с Англией в дополнение к франко-русскому союзу, указывая на то, что растущие англо-германские противоречия создают для Англии и Франции общего врага, и что вопросы, «омрачавшие» до сих пор отношения между Францией и Англией, вполне разрешимы — и египетский и суданский вопросы можно легко уладить. Характерно, между прочим, что в этот день, когда стал известен отказ русского правительства от участия в Совете оттоманского долга, русский посол получил эту статью по почте сразу с четырех сторон.

Ганото предпринял и более радикальные меры. 5 декабря были приняты решения относительно захвата Босфора. 1 декабря Нелидов уехал, имея в кармане соответствующие инструкции. И тотчас же вслед за этим Ганото предпринял следующий ход. Он выступил перед державами с предложением положить в основу своей политики и работы конференции послов в Константинополе следующие три пункта: поддержание целости Оттоманской империи; отказ от сепаратных выступлений; отказ от попыток установления «кондоминиума» шести держав над Турцией — последний пункт, повидимому, должен был позолотить пилюлю для царского правительства. Легко себе представить, в какое щекотливое положение поставил Ганото своего союзника этим выступлением. В самом деле, если бы последний согласился на его «три пункта»[95], то этим самым он расписался бы в отказе от только что принятого проекта «сепаратного выступления». Но если бы царское правительство отказалось от них, то оно бы не толь-

[94] Письмо Моренгейма от 26 ноября 1896 г. (АМИД, Париж, 1896); ср. Michon, op. cit., p. 76. Автор утверждает, что Ганото заявил Моренгейму, что Франция «не примет активного участия в конфликте из-за проливов». Позднее (в январе 1896 г.) Муравьеву обещали на этот случай лишь нейтралитет, заявляя, что Франция с беспокойством наблюдает тенденцию русского правительства воспользоваться подходящим случаем для захвата проливов. Источника Мишон — автор не слишком надежный — при этом не называет.

[95] Самый факт этого предложения Ганото давно известен. См. например Debidour, Histoire diplomatique de l'Europe depuis le Congrés de Berlin, I, p. 231, однако смысл его уясняют лишь русские документы.

ко еще более разоблачило свои планы, что было особенно нежелательно ввиду подозрений и без того вызванных приездом Нелидова, но более того, поскольку предложение Ганото было сделано всем державам, царское правительство своим отказом публично продемонстрировало бы глубокую трещину во франко-русском союзе и этим самым— продемонстрировало бы свою изоляцию накануне столь рискованного шага, как морская экспедиция в проливы.

На «три пункта» согласились. После этого вдогонку за Нелидовым и были ему посланы те новые инструкции в отмену выработанных 5 декабря, о которых говорит Витте[96].

18 декабря Нелидов телеграфировал, что «три пункта» Ганото «могут чрезвычайно стеснить нас в исполнении решений секретного заседания 5 декабря»[97]. В ответ на это и последовало извещение о новой перемене курса. 20 декабря Нелидову телеграфировали, что «император нашел три пункта Ганото согласными со своими видами». «Невозможно, в самом деле, договариваться с державами об общих действиях[98], оставляя у них по отношению к России подозрения относительно задних мыслей о сепаратном выступлении. Этим мы рискуем развязать им руки и создать для других предлог для таких же самостоятельных выступлений». Дальше «решения 5 декабря» объявлялись неимеющими «никакого отношения к текущей фазе наших переговоров». Они могут вступить в силу лишь «как следствие неожиданных событий», которые не следует искусственно приближать[99].

Таким образом, выступление французского правительства было ближайшим, и, вероятно, вместе с тем самым сильным толчком, побудившим отказаться от планов Нелидова. Только в связи с позицией Франции становится окончательно понятной и причина противодействия Витте, которое было другим фактором, свалившим нелидовский проект. Причиной этой был вовсе не пацифизм Витте, как он хочет это изобразить в своих мемуарах. Витте являлся в русском правительстве до известной степени представителем интересов промышленного капитализма. Последний нуждался в притоке французских капиталов и прежде всего — в переходе к золотой валюте, чего тоже нельзя было сделать без помощи парижской биржи. Русские авантюры на Ближнем Востоке грозили самым неблагоприятным образом подействовать на настроение этого учреждения, и Витте это знал. Интересно, что еще в 1895 г., когда в прессе появились алармистские статьи об агрессивной позиции России в восточном вопросе, Витте, указывая на сильное понижение курса русских бумаг в Париже, просил Ло-

[96] Витте, Воспоминания, т. I, с. 92.

[97] Телеграмма Нелидова 18 декабря (АМИД, Конст., 1896, III).

[98] Имеется в виду конференция послов по вопросу о реформах.

[99] Телеграмма Шишкина Нелидову, утвержденная Николаем и отправленная 20 декабря (АМИД, Конст., 1896, III); ср. его же письмо от 29 декабря (отправлено 30/XII; черновик рукой Ламздорфа; там же).

банова выступить с официальным опровержением газетных слухов[100].

Летом 1896 г. «барон Ротшильд,— писал русский посол в Париже Моренгейм, — явился в посольство, чтобы привлечь мое внимание к книжке, которая царит на бирже по случаю событий в Македонии и на Крите». «Турецкие ценности сильно упали». «Рикошетом» это отзывается и на других иностранных фондах. Правда, русский заем был блестяще размещен до последних событий на Востоке, но «во всяком случае было бы крайне желательно, чтобы императорское правительство, дабы избежать потрясения русского кредита, выступило бы с опровержением крайне тревожных слухов, которые царят на бирже относительно недостаточно мирных намерений России»[101].

При таком положении вещей понятно, что Витте должен был выступать против проекта — столь нежелательного в Париже и поэтому столь опасного для интересов русского промышленного капитализма. Позиция Франции по существу дела объясняет и ту роль, которую в провале нелидовского проекта сыграла военно-морская неподготовленность России[102]. В заключении совещания 5 декабря, в котором весь успех предприятия поставлен в зависимость от быстроты действий русской эскадры, фигурирует рядом с Витте и особое мнение управляющего морским министерством, который настаивал, что Нелидов может дать телеграмму не о вызове эскадры, а лишь с предупреждением о вызове — ибо отправка дессанта ввиду отсутствия транспортов потребует значительного времени. Тем не менее, проект Нелидова был принят: действительно, если бы Франция и ее флот были на стороне своей союзницы, военно-морская слабость России не имела бы решающего значения. Другое дело, когда позиция Франции выяснилась и когда стало ясно, что как и за 40 лет перед тем в проливах царская Россия снова может встретиться с коалицией «морских держав»... Царское правительство отступило от раз принятых решений не потому, что проект Нелидова был авантюрой, грозившей войной, — оно отступило потому, что выяснилось, что эта авантюра не имела даже и слабых шансов на успех, потому что оно оказалось бы в этой авантюре перед лицом объединившейся «Европы».

---

[100] Ламздроф, Дневник за 1896 г., IV, с. 15.

[101] Письмо Гирса (поверенный в делах в Париже) от 30 июля 1896 (АМИД, Париж, 1896, I).

[102] Об ее роли говорит Сазонов в уже цитированной докладной записке от 23 ноября 1913 г.

О самом факте военно-морской неподготовленности России см. «Красный архив», т. XVIII, с. 19, письмо управляющего Морским министерством от 27 (14) февраля 1900 г. и «Красный архив» т. I, с. 167, письмо Ванновского Муравьеву от 2 мая—20 апреля 1897 г., и другие.

С провалом нелидовского проекта царская Россия вернулась к политике «подмораживания», нашедшей свое выражение в австро-русском соглашении 1897 г. Эта политика продолжалась вплоть до конца Русско-японской войны и ликвидации революции 1905 г. Но уже до этого нового поворота к активной политике на Ближнем Востоке, приведшей было сначала к соглашению Извольского с Эренталем, а затем к жестокому обострению австро-русских и русско-германских отношений, — уже до этого в ближневосточной ситуации происходит ряд сдвигов, которые постепенно расшатывают здание австро-русского и русско-германского сближения и в то же время постепенно передвигают фигуры на шахматной доске международной дипломатии в направлении к англо-франко-русской антанте. Я говорю о тех сдвигах, которые были вызваны, с одной стороны, начавшимся проникновением германского империализма на Ближний Восток и едва ли не самым грандиозным колониальным предприятием Германии — Багдадской железной дорогой — и, с другой стороны, тем внутренним кризисом, который все больше нарастал в Австро-Венгрии; назревание этого последнего кризиса подстегивалось извне ростом сербского национализма, и он чем дальше, тем больше грозил поставить во всю ширь рядом с турецкой и австрийскую проблему, — проблему целости или распада Австро-Венгрии.

Но эти оба момента заслуживают особого рассмотрения.

Т Р И Б У Н А

С настоящего номера «Историка-марксиста» редакция вводит в журнале новый отдел — «Трибуна». В этот отдел редакция предполагает помещать дискуссионные статьи по вопросам, требующим широкого обсуждения исторической общественности.

Мы печатаем в данном номере статью т. Зеленского, которая, трактуя актуальную проблему о формациях, в значительной своей части полемизирует со ст. А. Малышева, помещенной в №№ 15 и 16 «Историка-марксиста». Ст. Малышева по характеру своего содержания должна была бы пойти также в дискуссионном порядке в отделе «Трибуна», поскольку в ней наряду с безусловно верными положениями и критическими замечаниями о концепции Дубровского имеются и явно неверные положения, требующие соответствующей критики.

Не исчерпывает вопроса о формациях и ст. т. Зеленского. В следующих номерах редакция предполагает дать еще ряд статей на эту тему.

В этом же отделе редакция предполагает в ближайшее время печатать статьи по вопросам империализма и международного рабочего движения. Редакция обращается ко всем историкам-марксистам с предложением писать в отдел «Трибуна».

В дальнейшем редакция не будет специально оговаривать дискуссионность статей, помещаемых в отделе «Трибуна».

РЕДАКЦИЯ

М. Зеленский

О ДВУХ «НОВЫХ» ТЕОРИЯХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СУЩНОСТИ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ

В последнее время в русской исторической литературе снова поднят вопрос о происхождении и сущности крепостного хозяйства в России. Некоторые видят в развернувшейся дискуссии своего рода «реакцию» и уход от разработки проблем новейшей истории. Ошибочность такого воззрения вытекает из того, что рассуждающие о «реакции» не подумали над тем, не связана ли данная дискуссия о происхождении и сущности крепостного хозяйства в России с изменениями в аграрном строе нашей страны, происходящими в последние два года, и не является ли данная дискуссия выкорчевыванием буржуазных и мелкобуржуазных воззрений на крепостничество в связи с выкорчевыванием корней капитализма в сельском хозяйстве.

Вопрос о крепостничестве в русской истории стоял дважды и именно тогда, когда происходили изменения в аграрном строе России: в период реформы 1861 г. и в период перед 1905 г.; то было время, когда происходила ломка крепостничества и вырастал капитализм. И он стал вновь перед историками теперь, когда происходит выкорчевывание корней капитализма и когда крестьянство повернуло в сторону социализма. Вопрос о происхождении и сущности крепостного хозяйства стал неслучайно и потому, что среди некоторых звеньев историков-марксистов, не говоря уже о тех, кто «тянется» к историкам-марксистам[1], господствуют, оказывается, на эти вопросы

[1] См. напр. статью Грекова, Происхождение крепостного права в России, в сб. ленинградского Института истории «Крепостная Россия», Гиз, 1930.

взгляды буржуазных и мелкобуржуазных историков. Разбить буржуазные и мелкобуржуазные взгляды на аграрный строй России в прошлом и дать марксистско-ленинскую оценку историческому прошлому России — такова одна из задач развернувшейся дискуссии. В ходе обсуждения вопросов о феодализме и крепостничестве, поставленных Дубровским, ясно обнаружилось, что по вопросу о происхождении и сущности крепостного хозяйства нет единого мнения. Это видно хотя бы из той дискуссии, теперь уже опубликованной [2], которая велась в Институте красной профессуры вокруг книги т. Дубровского «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала». Выступление в «Историке-марксисте» Малышева со статьями «О феодализме и крепостничестве», заострившего вопрос о сущности крепостного хозяйства, еще больше подтверждает необходимость продолжения обсуждения поставленных вопросов.

На двух «новых» теориях о происхождении и сущности крепостного хозяйства в России я и хочу остановиться в данной статье.

ТЕОРИЯ ДУБРОВСКОГО О ПРОИСХОЖДЕНИИ КРЕПОСТНИЧЕСТВА КАК ОТРЫЖКА ВЗГЛЯДОВ КЛЮЧЕВСКОГО

Дворянский историк XVIII в., Татищев, разбираясь в бумагах Государственного архива, случайно натолкнулся на указ 1597 г. о пятилетней давности сыска беглых крестьян. Тогда же Татищев высказал догадку о том, что очевидно в 1592 г. появился царский указ о прикреплении крестьян. Таким образом возникновение крепостничества в России было помечено точной датой и главное объяснялось произволом государственной власти — самодержавия. Нет сомнения в том, что Татищев в то время еще не знал гегелевского «демиурга истории», а вместе с тем выставляя самодержавие как творца крепостничества, он предвосхитил гегелевское обоснование «всесилия» прусского абсолютизма XIX в.

Высказанное Татищевым не оказалось заброшенным и забытым, а заняло в русской исторической литературе основное и решающее место. Оно вместе с тем явилось пробным камнем для каждого вступающего в «мир» историка. В XIX в. в связи с крестьянской реформой вопрос о возникновении крепостничества впервые подвергся широкому обсуждению. Погодин попытался было дать отвод самодержавию как «сочинителю» крепостничества. Свою статью, написанную в 1855 г., Погодин кончал следующим выводом: «Ничто у нас не сочинялось, а только развивалось и видоизменялось из первоначальных отношений, до переворотов петрова времени» [3]. Такое заключение не импонировало большинству историков. Против Погодина выступили Костомаров, Беляев и др. В результате и на сей раз татищевская догадка была утверждена и притом обложенная грудой фактического материала. Крестьяне на Руси были закрепощены самодержавием, оно же их может и раскрепостить — такова немудрая мысль, обосновываемая тогда Беляевым и др.

В 1885 г. на страницах «Русской мысли» выступил со статьей Ключевский, заострив критику против немецкого историка Энгельмана, написавшего в своей работе «История крепостного права в Рос-

[2] «Против механистических тенденций в исторической науке», Гиз, 1930
[3] «Журнал МНП», 1855, декабрь.

сии», что «прикрепление к земле произошло вдруг, без всякой предварительной подготовки; оно явилось косвенным следствием одного правительственного распоряжения»[4]. Привлекши новый архивный материал, Ключевский подверг критике как тезис о прикреплении к земле, выдвинув прикрепление к личности землевладельца, так и тезис о том, что прикрепление крестьян «произошло вдруг» в силу «одного правительственного распоряжения». Критикуя Энгельмана, Ключевский выдвинул теорию неоплатной задолженности крестьян, благодаря коей и произошло по его мнению закрепощение крестьян. Внешне материалистическая постановка вопроса Ключевского, отражающая идеологию промышленного капитала XIX—XX вв., оказалась не менее живучей, чем татищевская догадка[5]. Вслед за Ключевским теорию задолженности крестьян как главной причины закрепощения крестьян развивал Рожков, а самое последнее время она оказалась приемлемой уже для историка-марксиста Дубровского и притом для обоснования крепостничества как особой общественно-экономической формации с особым, только ему присущим, способом производства и производственными отношениями.

Что Дубровский в конце концов скатился к Ключевскому, показывает заключение, сделанное им по вопросу о причинах закрепощения крестьян. На с. 118 своей книги Дубровский пишет: «Разоряемый торговлей и ростовщическим капиталом крестьянин должен был закабаляться за помещиками, брать у них в ссуду скот, инвентарь или непосредственно в натуре, или брать деньги на приобретение. Именно эти ростовщические сделки закабаляли крестьян, постепенно превращая их в крепостых»[6].

Если для примера возьмем Россию, то не может быть спора о том, что помещики, и особенно монастыри, кабалили крестьян. Это было в XIV—XVI вв. и позже, вплоть до второй половины XIX в. Но считать, что ссуда, а по терминологии псковской судной грамоты 1397 г.— «покрута», в виде скота, инвентаря, «семенами-еменами» или деньгами, была решающим и основным в закрепощении крестьян, это значит не придерживаться учения Маркса, Энгельса и Ленина, а оказаться в «плену» у Ключевского, Рожкова. В самом деле, как ставили вопрос о закрепощениии крестьян «фактически, а не на основании закона» Маркс, Энгельс и Ленин? Для всякого понятно, что неразумно говорить о закрепощении крестьян тогда, когда существовал патриархально-родовой строй. Подневольное положение указывает на существование классов, на то, что в обществе появился класс эксплоататоров, живущий за счет другого, эксплоатируемого класса. Класс эксплоататоров для господства должен иметь такую основу, на которой и явилась возможность подчинить себе эксплоатируемый класс.

---

[4] «История крепостного права в России», с. 45.

[5] В последнее время «татищевская догадка» в своеобразной форме нашла отражение в работах Грекова по вопросу о происхождении крепостного права в России. Как эклектик Греков, с одной стороны, пытается объяснить факт происхождения крепостного права материалистически, а с другой стороны, упорно проводит мысль, что «закон о заповедных годах (1581 г. —*М. З.*) перерезал историю русского крестьянина довольно решительно на две части...» (см. «Известия Академии наук СССР» № 1—2, 1926, с. 84). По Грекову «две части» означают, что до закона 1581 г. крестьяне имели «в Юрьев день свободный выход и принадлежали, кому захотят», а закон 1581 г. запретил крестьянский переход и тем самым «перерезал историю русского крестьянина» с его свободой.

[6] Дубровский, к вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма и т. д. М. 1929, с. 118 (разрядка моя —*М. З.*)

Этой основой господства как в эпоху феодализма, так и в эпоху крепостничества является владение землей. «В феодальную эпоху,— читаем у Маркса,— высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»[7]. Феодал стал господином и подчинил себе крестьян тогда, когда он стал действительным владельцем земли, собственником условий производства». Крепостник-помещик стал господином положения тогда, когда «вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной (его, крепостника-помещика — *М. З.*) вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую», причем последняя являлась наделом крестьянину или, как выражался Ленин, «натуральной заработной платой». Не подлежит сомнению, что Маркс и Ленин основой господства феодалов, крепостников-помещиков считали в первую очередь не то, что они могут производить и производят ростовщические сделки, тем самым закабаляя крестьян, а владение землей; при этом, как указывал Маркс, «безразлично, будет ли земельным собственником частное лицо или государство». Если бы Дубровский «непосредственные отношения господства и подчинения» при феодализме и крепостничестве выдержанно рассматривал, исходя из факта владения землей, принадлежащей частным ли земельным собственникам или государству, он безусловно, во-первых, не рассматривал бы феодализм и крепостничество как особые общественные формации и, во-вторых, не попал бы «в плен» к Ключевскому. Достаточно напр. сопоставить вывод Дубровского и Ключевского о том, что «ростовщические сделки закабаляли крестьян, превращая их в крепостных», со следующим положением Маркса о возникновении крепостничества: «Труд свободных земледельцев на их собственной земле, находившейся у них в общинном владении, превратился в барщинный труд на людей, отнявших их общую собственность. Вместе с тем развились немедленно и крепостные отношения, существовавшие однако лишь фактически, а не на основании закона»[8],—как отчетливо вырисовывается отличие постановки Дубровского от постановки Маркса.

Именно в факте разграбления общинных земель, присвоения этой земли феодалами, дворянами, духовенством, видели Маркс и Энгельс основу феодальной и крепостной эксплоатации крестьян, бывших «свободных земледельцев на их собственной земле».

«Марка,—писал Энгельс,—погибла от разграбления почти всей крестьянской земли как поделенной, так и неделенной, от разграбления, произведенного дворянством и духовенством при благосклонном содействии владетельных особ». Однако, производя разграбление общинных земель, грабители отбирают у свободных земледельцев «их общую собственность», не уничтожая общину (марку) как форму производства в земледелии. Землевладельцы и государство докапиталистического общества используют общину как аппарат для выколачивания прибавочного продукта и налога в пользу государственной власти.

Как происходит процесс разграбления общинных земель и какие при этом складываются отношения между землевладельцами и свободными земледельцами, ответ на это дает Энгельс в той же статье «О немецкой марке». «С одной стороны,— пишет он,— бедствия от

[7] Маркс, «Капитал» т. I, изд. Гиз. 1923, с. 310.
[8] Там же, с. 189.

набегов норманнов, вечные войны королей и междоусобица великих мира сего вынуждали свободных крестьян одного за другим искать себе высокого покровителя, с другой стороны, алчность этих самых великих мира сего, жадность церкви ускорили этот процесс: хитростью, обещаниями, угрозами, силой они подчинили своей власти еще больше крестьян и крестьянские земли. В том и в другом случае крестьянская земля превращалась в господскую и самое большее передавалась крестьянам в пользование за оброк и барщину[9].

Итак, устанавливая, что фактом разграбления общинных земель феодалы подчиняли себе свободных земледельцев, передавая им в пользование бывшую их собственность, землю, Маркс и Энгельс при этом указывали, что за пользование этой землей крестьяне должны были нести оброк или барщину.

Нам кажется, что после прямых указаний Маркса и Энгельса о том, что крестьяне становились крепостными тогда, когда земля, ранее бывшая их общей собственностью, стала противостоять им как условие производства, принадлежащее землевладельцу, вряд ли нужно доказывать, что теория Дубровского о закрепощении крестьянства как результате развития ростовщического капитала ничего общего не имеет с марксистско-ленинским учением. Эта теория — дань буржуазной историографии. Умерла старая царская Россия. Умер и Ключевский, один из ее идеологов. Но оказывается, не умерла еще его «теория», хотя и была разгромлена. Вслед за Рожковым она воскрешается теперь Дубровским.

Неслучайно у Дубровского и то, что крестьянин феодальной общественной формации выглядит свободным, а крестьянин «крепостнической общественной формации» несвободным, закрепощенным. По его мнению крестьянин эпохи феодализма отличается от крестьянина эпохи крепостничества не меньше, чем этот последний от крестьянина эпохи капитализма. Корни этой «философии» тоже исходят от Ключевского. Только Дубровский пытался обосновать это, исходя из различия форм эксплоатации крестьян в докапиталистический период. Можно смело сказать, что именно на основе различных форм ренты, на основе продуктовой и отработочной ренты и построил он особые общественно-экономические формации — феодализм и крепостничество.

Что это так, показывает нижеследующее определение Дубровского: «Если преобладает, — пишет он, — рента продуктами в сочетании с тем способом производства, о котором говорилось выше, значит в данной стране преобладает феодализм, если преобладает рента отработочная, барщинная система, — значит в данной стране господствует крепостничество»[10].

Итак, о наличии феодальной или крепостнической формации мы должны судить по тому, преобладает ли продуктовая или отработочная рента. При этом основным содержанием феодальной общественной формации по Дубровскому служит продуктовая рента, а крепостнической общественной формации — отработочная рента. Дубровский считает, что его учение о двух указанных формациях

---

[9] Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, ст. о «Марке», с. 90.

[10] Дубровский, с. 103, см. также с. 50.

докапиталистического общества основано «целиком на учении Маркса, Энгельса и Ленина». Это он пытается подтвердить между прочим, беря учение Маркса о различных формах ренты, изложенное во 2-й части III тома «Капитала». Но должно заметить, что приводя цитаты из этой главы «Капитала», Дубровский упустил из виду одно, что Маркс и Энгельс считали и продуктовую и отработочную ренту выражением феодальной общественной формации. Маркс указал, что «превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты». Даже при денежной ренте «базис этого рода ренты, хотя она приближается к своему разложению, все еще остается тот же, как при ренте продуктами»[11].

Маркс не считал возможным на основе различия между продуктовой и отработочной рентой строить особые общественно-экономические формации, потому что он, как и Энгельс, считал, что при наличии собственности на землю, принадлежащую классу землевладельцев и являющуюся основой его господства, крестьяне будут обязаны за пользование землей платить землевладельцам ренту, при этом безразлично, будет ли это продуктовая или отработочная или даже денежная рента.

У Дубровского же иная постановка, логически вытекающая из его посылки закрепощения крестьян. Если у Маркса в теоретическом анализе отработочная рента стоит на первом месте, то по Дубровскому она должна обязательно быть на втором месте, потому что ее появление, ее происхождение он мыслит только на основании развития торгово-ростовщического капитала. Поэтому-то у него и получается коренное отличие ренты продуктами от ренты отработочной, чего мы не находим ни у Маркса, ни у Энгельса.

Оброку и барщине Маркс и Энгельс не придавали решающего значения, а судили о наличии продуктовой или отработочной ренты, исходя из того факта, что в феодальную эпоху земля противостоит крестьянину как условие производства, а собственником ее является феодал, крепостник-помещик. Это видно из возражения Энгельса, сделанного Генри Джорджу в 1887 г.

«В средние века не освобождение народа от земли, а напротив прикрепление его к земле было источником феодальной зависимости. Крестьянин сохранял свою землю, но был привязан к ней в качестве крепостного и был обязан платить землевладельцу трудом или продуктом».

Достаточно сопоставить это указание Энгельса, что крестьянин в средние века «был обязан платить землевладельцу трудом или продуктом» с его же указанием, что после отобрания у крестьян их общей собственности на землю, эта земля «передавалась крестьянам в пользование за оброк и барщину», как становится ясным для каждого, что как продуктовая, так и отработочная рента являются выражением одной феодальной общественной формации, а не двух формаций: феодализма и крепостничества, как это представляет Дубровский.

[11] Маркс, Капитал, Гиз, 1928, т. III, ч. 2, с. 269, 272.

ТЕОРИЯ ДУБРОВСКОГО В СВЕТЕ ФАКТОВ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В XIV—XVIII вв.

После разбора «общетеоретических выводов» Дубровского о происхождении крепостничества обратимся к рассмотрению фактов конкретной русской истории, относящихся к докапиталистическому ее периоду, который по мнению Дубровского и служит блестящим обоснованием его «теории».

Нам уже известно, что Дубровский выводит существование той или иной формации из преобладания одной из форм ренты. По этому признаку он и разделяет историю России на периоды. Так как «в XIV—XVI вв. как преобладающая форма была рента продуктами и лишь частично денежная и в незначительной дозе отработочная», то следовательно, по Дубровскому мы имеем дело с феодальной общественно-экономической формацией. С конца XVI в. «развилась отработочная рента, как преобладающая и наиболее типичная для данной эпохи форма; феодальная общественная формация уступила место крепостничеству, как общественной формации». «В XIX в. с распадом крепостничества отработочная рента начинает уступать место ренте продуктами, денежной ренте и, наконец, ренте капиталистической», и на смену крепостничеству пришел капитализм, как общественно-экономическая формация [12].

В двух первых случаях прилагательное «преобладающая» очевидно понадобилось Дубровскому для того, чтобы предупредить критиков с фактами о наличии отработочной ренты в XIV—XVI вв., которое признается самим Дубровским «в незначительной дозе». Это же словечко «преобладающая» нужно понимать как выражение, подчеркивающее, что господство продуктивной ренты в XIV—XVI вв., исключало отработочную ренту как систему.

Можно смело утверждать, что только благодаря незнанию фактов конкретной русской истории XIV—XVI вв. можно говорить об единичных фактах или незначительной доле отработочной ренты. В указанный период русский феодальный строй характеризуется не только преобладанием ренты продуктами, но и наличием отработочной системы, а в XVI в. развитием денежной ренты, стремящейся «преобладать» над обеими, ранее развившимися рентами.

Чтобы в этом убедиться, надо обратиться к рассмотрению действительного положения дела в XIV—XVI вв. на Руси.

Для этого возьмем русскую боярщину как ячейку феодального общества. Нам нет надобности брать целый удел или какое-либо княжество, ибо давно уже было установлено буржуазными историками, как напр. Павловым-Сильванским, что не только по своему социально-экономическому содержанию, но нередко и по территории удельное княжество не отличается от боярской вотчины. Последние были нередко такими же обособленными и независимыми владениями, как и мелкие уделы князей Андомских или Вадбольских. «Богатый боярин-вотчинник почти не отличался по существу владельческих прав от мелкого владетельного князя...» [13].

Мы не будем также останавливаться на характеристике процесса складывания боярщины, так как вряд ли это будет представлять интерес, потому что на Руси процесс разграбления общинных земель поч-

---

[12] Дубровский, с. 50, примечание, с. 60, 97.

[13] «Государевы служилые люди», СПБ 1898, с. 18.

ти ничем не отличается от Запада, как это отчетливо сформулировано у Энгельса в его статье о «немецкой марке». Мы постараемся остановиться на том, что же собой представляла боярщина в XIV—XVI вв. Ответ на этот вопрос дают писцовые книги по Великому Новгороду, по Тверскому и Московскому уездам и монографии, основанные на разработке материалов писцовых книг.

Как правило, боярская вотчина включала в себя ряд сел и деревень, которые составляли одну или несколько волостей. В одном из сел находился боярский двор, во дворе дом, в котором живет сам владелец-вотчинник. Тут же около боярского двора ютятся дворы слуг владельца вотчины и его холопов. «Слуги вольные», к числу которых относились: псари, ловчие, конюха и т. д., владели землей и составляли нечто похожее на «молодую дружину» Киевской Руси. Холопы были различных категорий: полные, кабальные, докладные и т. д. В исторической литературе холопам уделено очень много внимания. Большинство историков считает холопов рабами. Однако при внимательном рассмотрении холопства, оно не может быть отнесено к рабству.

Вот например, категория холопов докладных. К их числу относятся: ключники, тиуны, приказчики, посельские, которые собирали с крестьян оброк и назначали крестьян на барщину. Но эти холопы-«рабы», оказывается, не только собирали с крестьян оброк в пользу князя и назначали крестьян на барщину, но и сами владели участками земли и имели «дворы своих людей», которые были им обязаны оброком.

В Новгородской области «ключники обыкновенно вели сравнительно большое хозяйство». О ключниках и тиунах известно со времен «Русской Правды», что они не только вели хозяйство бояр, но и судили крестьян. Ключник Анбал во время княжения в Ростово-Суздальской земле Андрея Боголюбского, по словам летописца, «ключ держал у своего дома и во всем ему князь волю давал». Каждый тиун, холоп по докладу, «был синонимом грабителя населения, человека алчного, у которого нет правосудия». Спрашивается, разве раб мог бы владеть землей и крестьянами и являться грабителем населения, творящим суд. Нет, когда речь идет о докладных холопах, это значит, что мы имеем дело с общественной категорией лиц, находящейся на лестнице класса эксплоататоров.

Возьмем другую категорию холопства, так называемых деловых людей. О некоторых из них мы узнаем по грамоте княгини Оксинии Федоровой, жены Плещеева, данной в 1514 г. ее зятю, князю Ив. Вас. Оболенскому, которому она передает «в приданое за своею дочерью, за Настасьей»... «деловых людей: хамовник... да конюх... скатерницу... да тонкопрядицу... да убрусную девку»[14]. Это показывает, что деловые холопы представляли дворовых людей по ремеслу. Однако будучи ремесленниками, деловые люди имели надел земли, которую сами обрабатывали, а также и брали ссуду у землевладельцев «животиной». «А у которых моих (людей), и у конюхов, и деловых людей коровы и всякая животина, и в то у них не вступаются ни во чтож» — читаем в духовной книге князя Дм. Ив. Плещеева[15].

Так что и эту категорию холопов считать рабами невозможно. Это одна из групп людей, которая должна быть отнесена к классу

[14] Дьяконов, Акты тяглого населения... в. II, № 2, с. 2.
[15] «Акты Фед. Чеховского» № 94, с. 276.

крестьянства. В этом мы еще больше убеждаемся, если возьмем холопов страдных, которые «получают от землевладельца известный участок земли». С надела страдник должен давать господину свой земледельческий сбор, но часть участка служит средством его собственного содержания. Холоп-страдник — это только юридическое название, а в действительности — это крестьянин.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс, характеризуя классы средних веков, отмечал, что «в каждом из этих классов (феодального общества — *М. З.*) существуют еще особые подразделения». Ленин в «Развитии капитализма в России» указывал на существование в России как пережитка феодализма различных категорий крестьянства.

Холопы на Руси XIV—XVI вв., отнесенные буржуазными историками к рабам, на самом деле являлись лишь различными категориями разных классов русского официального общества того времени.

После этих необходимых замечаний о холопстве в древней Руси, продолжим характеристику боярщины.

Вокруг села, являющегося центром боярской вотчины, были разбросаны села и деревни, в которых жили крестьяне, занимающиеся земледелием, соединенным с домашней промышленностью, и входящие в ту или иную волость. В волость они тянули разметы и разрубы, вотчиннику были обязаны продуктом или трудом, ключникам, приказчикам и др. давали ключничьи, посельничьи и др. пошлины.

Буржуазные историки типа Ключевского считали, что отношения крестьян к землевладельцам вытекали не из факта наделения землей крестьян, а из их долгового обязательства, поэтому «крепостной, — делал вывод Ключевский, — был крепок землевладельцу не потому, что был прикреплен к его земле, он всегда мог быть оторван от земли, а именно потому, что был крепок только землевладельцу»[16].

Не так давно Веселовский, исходя из личного закрепощения, а не из прикрепления крестьян к земле, обосновывал происхождение иммунитета на Руси. «В древнейшее время, — пишет он, — различные формы д о л г о в о й и служебной зависимости, сопровождаемые подсудностью зависимых людей господину, послужили почвой для возникновения и развития иммунитета». «Самые глубокие корни иммунитета имели не з е м е л ь н ы й, а личный характер, вытекали из личных отношений сильных к слабым»[17].

Эта «теория» буржуазных историков не имеет ничего общего с марксизмом. Выше мы приводили точку зрения Маркса, говорящую о том, что «в средние века высшая власть в военном деле и суде была атрибутом земельной собственности». Именно владение землей является основой господства землевладельцев. Отобрав от общины право собственности на землю, феодал предоставлял крестьянам их же землю, за пользование которой они были обязаны трудом или продуктом, оброком или барщиной, или тем и другим в одно и то же время.

Московская Русь подтверждает эти выводы Маркса и Энгельса.

---

[16] К л ю ч е в с к и й, Опыты и исследования, ст. «Происхождение крепостного права в России», с. 191-192.

[17] В е с е л о в с к и й, К вопросу о происхождении вотчинного режима, изд. «Ранион», с. 20, 23 (разрядка моя —*М. З.*).

Из порядных, кои сохранились от XIV—XVI вв., нередко встречаются такие, в которых крестьянин рядился «на старую свою деревню», за что обязывался давать оброк продуктами, деньгами и отбывать барщину. Вот например порядная крестьянина Федора Кононова от 1556 г., порядившегося в Вежитцкий монастырь «на старую свою деревню, на обжу земли с четвертью, а давати ему (монастырю — *М. З.*) с той деревни, о б р о к у... хлеба, ржи и овса 5 коробов в новую меру с года на год и из леса пятый сноп, а д е н е ж н а я д а н ь по книгам давати, а тиунские и ключничьи пошлины и посельничьи давать по старине, как иные крестьяне дают, и иные разметы всякие давати по грамоте по волостной, а н а д е л о м о н а с т ы р с к о е х о д и т и, как и прочие крестьяне ходят»[18].

Тут перечислены и оброк натурой, и оброк деньгами, и барщина и все это за пользование «своей старой деревней», где «обжа з е м л и с четвертью».

Однако было бы неверно, если бы мы источник обязанностей крестьян по отношению к землевладельцам свели исключительно на пользование землей и не придали значения другим средствам производства, которыми землевладелец наделял крестьян, тем самым закабаляя их.

Ленин писал, что землевладельцы со времен «Русской Правды» кабалили смердов. Что это так, показывает тот пункт «Русской Правды», из которого видно, что ролейный закуп брал у землевладельца лошадь и борону, как подмогу. Из Псковской судной грамоты 1397 г. известно о существовании в то время в Псковской земле так называемой «покруты», за пользование коей от землевладельца крестьяне обязаны были «обрабатывать землю последнего и отправлять другие работы на господина, какие он найдет нужным по хозяйству». А из 103 крестьянских договоров, записанных в Новгородских крепостных книгах, 86 заключены с получением «ссуды» от хозяев[19].

О существовании ссуды в Московской Руси XIV—XVI вв. имеется немалое количество сведений. Например в 70-х годах XVI столетия 70% крестьян Кирилло-белозерского монастыря брали ссуду у монастыря «семенами-еменами» для посева[20].

И князь Дмитровского удела Юрий Васильевич, умирая, в своей духовной от 1472 г. пишет: «А что моего хлеба заемного в людях, а тот хлеб тем и есть, за тем, что будет того хлеба»[21]. В духовной же великого князя Михаила Андреевича Верейского от 1486 г. уже речь идет не о хлебе, а о животине, «что у страдных у моих людей»[22]. Встречаются факты, когда землевладелец продоставляет крестьянину «хором... пол-избы, да пол-прируба, да половинна сенника и подклеть, да пол-мякинницы...»[23].

Наряду с «подмогой» средствами производства землевладельцы, особенно монастыри, ссужали крестьян деньгами. «А что о моих деньгах во всех моих селах за крестьяны» писали завещатели, поручая

---

[18] АЮ № 177, с. 195-196.

[19] «Энц. словарь Брокгауз и Эфрон» п/т. 32, ст. Милюкова «Крестьяне», с. 679.

[20] К л ю ч е в с к и й, Опыты и исследования, с. 228.

[21] «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей», под ред. Кизеветтера, с. 72.

[22] Там же, с. 79.

[23] АЮ № 187, с. 200, 1596 г.

или собрать их все, или половину отдать крестьянам, или оплатить долги.

Громадное количество фактов о «ссуде», «подмоге», относящихся к XIV—XVI вв., как будто должно служить подтверждением теории Ключевского и Дубровского о закрепощении крестьян. Однако не нужно забывать, что речь идет о «подмоге», о «ссуде», как об элементах, способствующих, а не о решающих. Решающим же оставалось пользование той «мягкой» обработанной землей, право собственности на которую имел землевладелец.

Позиции Дубровского действительно могли бы быть сильными и крепкими, если бы «подмога» и «ссуда» были распространены только в XIV—XVI вв.

Но дело в том, что факты «ссуды» крестьян скотом, «семенами-еменами» и др. средствами производства относятся не только к периоду «времен Русской Правды» до XVI в., но и к XVII—XVIII вв., т. е. к «крепостнической общественно-экономической формации», когда крестьяне вместе с наделом землей получали «сверх того и другие средства производства — напр., лес, иногда скот и т. п.» (Ленин). Поэтому считать, что крепостничество в России явилось постепенно в процессе закабаления крестьян помещиком благодаря ссуде скотом, инвентарем или непосредственно в натуре, или деньгами, как это представляет Дубровский, можно только будучи «в плену» взглядов Ключевского, изложенных им в его статье «Происхождение крепостного права в России».

Крестьянин становился обязанным по отношению к землевладельцу продуктовой, отработочной или денежной рентой главным образом потому, что он добывал средства к жизни на земле, данной ему землевладельцем, а не потому, что он получал «ссуду».

Установив, что на Руси, как и на Западе, основой господства феодалов являлось владение землей, а крестьянин за пользование землей, ранеее принадлежавшей общине, обязан был оброком и барщиной, обратимся к разбору тезиса Дубровского, на основе которого построены им феодальная и крепостническая формации. Как известно, этот тезис утверждает, что в Московской Руси в XIV—XVI вв. было господство ренты продуктами (при наличии некоторой доли отработочной и денежной ренты), а с конца XVI в. — господство отработочной ренты при наличии одновременно некоторой доли ренты продуктами и денежной. Спору нет, что, начиная с XVII в., в России господствовала отработочная рента, но это отнюдь не означает, что до XVI в. мы имели «долей», «частично» отработочную ренту. Нам представляется, что Дубровский для подтверждения господства продуктовой ренты в России взял неудачно XIV—XVI вв., так как эти века характеризуют собой наибольший п е р е п л е т форм рент: продуктовой, отработочной и денежной.

Беря конец XVI в. как время оформления крепостничества в качестве особой общественно-экономической формации, Дубровский тем самым показал себя жертвой буржуазной концепции русского исторического процесса, все еще сильно довлеющей в головах историков, даже считающих себя марксистами.

Для буржуазных историков нужно было поддерживать положение о происхождении крепостничества в XVI в., так как этим самым иллюстрировался внеклассовый характер русского самодержавия, будто бы закрепостившего в к о н ц е XVI в. крестьян. В угоду схе-

ме попирались факты, хорошо известные некоторым из них и даже в иных случаях используемые. С некоторыми буржуазными историками случался и такой конфуз, что, приведя факты существования отработочной системы, они тем не менее твердили, что крепостничество в России возникло в конце XVI в. — по велению государева указа. Сошлемся хотя бы на Беляева, выпустившего в момент реформы 1861 г. работу «Крестьяне на Руси». Основное, что хотел доказать Беляев; — это свободное состояние крестьян до XVI в. и крепостное состояние, начиная с конца XVI в.[24]. А между тем в той же работе в ряде мест он вынужден был делать выводы о том, что крестьяне до XVI в., начиная со времени Киевской Руси, должны были за пользование землей и ссуду не только «платить господину условленную часть плодов, но и отправлять другие работы на господина, какие он найдет нужным по хозяйству».

И действительно, если по-настоящему рассмотреть обязанности крестьян по отношению к феодалам, начиная со времени «Русской Правды», то даже и на основании тех фактов, которыми мы в настоящее время располагаем как «наследством» от буржуазных историков, можно будет сделать вывод, что и до XVI в. крестьяне были обязаны не только рентой продуктами, но и барщиной, что не только «господствовала» рента продуктами, но существовала и отработочная рента как система.

Проследим факты, указывающие на существование отработочной ренты как системы.

В Киевской Руси «ролейные закупы садились на чужой земле, обрабатывали ее частью на себя, частью на господина и несли некоторые другие обязанности, как напр., должны были загонять скот на господский двор, принадлежащий землевладельцу»[25].

Из Псковской судной грамоты 1397 г. также знаем, что «серебренники» (крестьяне) обязаны были не только обрабатывать землю землевладельцев, но и отправлять другие работы. В Новгородской земле крестьяне привлекались к «обработке монастырских лугов и пожен» и косили сено на лугах феодалов в их пользу[26].

О существовании отработочной системы в Московской Руси XIV—XVI вв. свидетельствует ряд фактов. Обычно для иллюстрации существования барщины в XIV в. приводятся факты из уставной грамоты Константиновского монастыря. В грамоте этой, написанной в 1391 г., говорится, что крестьяне обязаны «церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставити, игуменов жеребий весь роли изгоном вспахать, засеять, сжать и свести, сено косить десятинами и на двор привезти; ез (рыбу в загонах) бити и вешний и зимний сады оплетать и неводом ходить, пруды прудить, бобров осенью ловить, на Великий день и на Петров приходить к игумену с подарками; к монастырскому празднику привозить яловицу; рожь молотить, хлеб

[24] «Он писал свою книгу «Крестьяне на Руси», когда решалась великая реформа освобождения крестьян, и ему надо было доказать, что крестьяне в древности долгое время были свободны. Он говорил это тенденциозно, по политическим соображениям». Таков отзыв о книге Беляева кадета-историка Павлова-Сильванского (Феодализм в древней Руси, с. 200). Да, Беляев действительно писал «тенденциозно, по политическим соображениям», исходя из своих классовых интересов. Но зачем это теперь понадобилось т. Дубровскому повторять «зады» Беляева?

[25] «Энц. словарь Брокгауз и Эфрон», т. V ст. «Барщина», с. 132.

[26] Никитский, Очерки экономического быта Великого Новгорода, с. 63.

печь, солод молоть, пиво варить, рожь на семена молотить, лен прясть, невода снаряжать, а если игумен приедет в село на братщину (на храмовой праздник), то сынцы дают игуменовым коням по зобне овса» [27].

В приведенной грамоте подробно перечислены крестьянские повинности по отношению к монастырям, подробно перечислены различного рода барщинные работы, которые в порядных и грамотах других монастырей обычно указаны в лаконической форме, «на дело монастырское ходити, как и иные крестьяне ходят» или «монастырское сделье всякое делати и страда монастырская всякая со крестьяны страдати».

Но не только барщинные работы несли крестьяне, жившие на монастырских землях. Барщинным трудом были обязаны также и крестьяне, жившие на землях князей и бояр. Из различного рода документов, относящихся к периоду 1361—1578 гг., т. е. к тем XIV—XVI вв., о которых речь идет у Дубровского, нам известны факты барщинных работ, которыми были обязаны крестьяне не только духовных, но и светских феодалов; работы эти следующего рода: постройка княжеского двора, наместникова двора, волостелева двора, пахота в княжеских селах, косьба княжеского сена, молотьба его хлеба, копание прудов для князя, колка и возка льда, возка камня, дров, лесу, забивание еза, ловля бобров и др., т. е. примерно то же самое, что имеется в грамоте Константиновского монастыря от 1391 г. [28].

Особенно необходимо обратить внимание на жалованные грамоты князей этого периода. Как правило, князь, давая жалованную грамоту, перечислял на ряду с селами, деревнями, пашнями, пустошами и те обязанности крестьян, которые ему «не надобе».

Почти во всех грамотах встречается указание, что «не надобе... ни подводы... ни сена моего не косят...»; часто упоминается освобождение от «городового дела».

Достаточно напр. перелистать недавно вышедший сборник «Памятники социально-экономической истории Московского государства», где собраны жалованные грамоты князей великих и удельных, данных Троицко-сергиеву монастырю за время XIV—XVI вв., и мы убеждаемся, что там, где речь идет в жалованных грамотах о праве монастыря владеть селами, деревнями, пустошами (т. е. землей), обязательно встречается указание на «ненадобе князю» с крестьян или подвод, или городового дела, или «сен моих не косят».

Вот тарханно-несудимая грамота великого князя Василия Дмитриевича от 1392 г. за № 2 на пустоши Мясищевские в Переяславском уезде. Великий князь разрешает монастырю сзывать на те пустоши крестьян «и тем людям пришлым, на десять лет, не надобе моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни иная никоторая пошлина». А в грамоте за № 6 от 1425—1427 г. великий князь Василий Васильевич пишет о крестьянах, что им «сен моих не косити, ни городное дело делати».

---

[27] ААЭ I, № 11.

[28] ААЭ I, № 5, 9, 56, 136, 158, 261; АИ, т. I, № 200; „Акты до юр. быта, I, № 31, XII; Доп, к АИ, I, № 17, 193; Калачев, Писцовые книги, II, 415; «Акты тяглого населения» II, № 8, 16.

О тех же барщинных повинностях, от которых освобождал князь крестьян, сидевших на земле монастыря, имеется указание в грамотах за №—13, 16, 19, 22 и т. д.

Заметим, что когда речь идет о подводах, нельзя понимать это только как поставку лошадей для перевозки хлеба, сена и т. д., в понятие подвода входило в то время и перевозка «в пользу князя» по рекам и озерам: на лодках, ботах. Но это разъяснение не изменяет основной сути, заключающейся в том, что крестьянин был обязан барщиной на князя. Выражение «сен моих не косят», почти всюду упоминаемое, станет нам понятным, если мы вспомним, что каждый князь имел табуны лошадей, на кормление которых зимой требовалось такое количество копен сена, которые могли на лугах князя поставить крестьяне в порядке барщинных работ[29].

Если бы буржуазные историки действительно объективно подходили к опубликованию фактов, «относящихся до юридического быта Древней Руси», а не в угоду своей традиционной схеме, как это они делали, то их схема, согласно которой об отработочной системе нужно говорить лишь с конца XVI в., давно была бы опровергнута.

Но и тех фактов, которыми мы располагаем в настоящее время, достаточно для того, чтобы говорить о существовании в древней Руси наряду с «преобладающей» продуктовой рентой и отработочной ренты.

Ленин был вполне прав, когда в полемике с народниками писал, что «отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времени Русской Правды и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем; необходимым спутником ее была забитость и одичалость земледельца, приниженного, если не крепостным, то «полусвободным» характером труда (как-то: принадлежность к низшему сословию, телесное наказание, отдача на общественные работы; прикрепление к наделу и т. д.), без чего отработочная система была бы немыслима» (т. III, с. 252). А в примечании на той же странице Ленин объясняет Н—ону, который писал, что «ни удельные князья, ни татарщина не касались форм нашей хозяйственной жизни», только капитализм, вставляет Ленин, обнаружил «пренебрежительное отношение к собственному историческому прошлому». «Святая истина! — продолжает Ленин, — именно потому прогрессивен капитализм в русском земледелии, что он обнаружил «пренебрежительное отношение» к «исконным», «освященным веками» формам отработки и кабалы, которых действительно не могли сломить никакие политические бури, до «удельных безурядиц» и «татарщины» включительно».

Как будто бы к этому тексту не требуется комментариев. Не случайно, что Дубровский проглотил эти места из Ленина, ведь эти строчки из III тома Ленина в корне разрушают и «снимают» как схему буржуазных историков, так и схему Дубровского о происхождении крепостничества в конце XVI в., да к тому же еще, по Дубровскому, как особой общественной формации.

Об этом указании Ленина забыл и Малышев. Приведя факты о наличии барщины до XVI в., он однако делает тот вывод, что к

[29] «А что моих стад коневых и жеребцов и кобылиц, а то сыну моему князю Дмитрию и князю Ивану, то им на полы». Из духовной великого князя Иоанна Иоанновича от 1356 г. СГГД, I, № 26, с. 41—43; см. также № 24, 30.

XVI в. «только намечается процесс вовлечения русского крестьянина в барщинные отношения и сближение его там на барщине с холопами»[30]. Если под холопами иметь в виду рабов, то тогда конечно еще можно спорить, что крестьянин до XVI в. не был обязан барщиной. Но если холопы не рабы, а те же крестьяне, как это было в действительности, тогда оказывается, что крестьянин и до XVI в. был «вовлечен» в барщинные отношения. Конечно нельзя представлять все крестьянство до XVI в. как крепостных, обязанных барщиной, но нельзя и повторять за Дубровским, что исключительно господствовала рента продуктами. Отрицание Малышевым отработочной ренты как системы до XVI в. неизбежно привело его, во-первых, к солидарности с Дубровским по вопросу о времени происхождения крепостничества в России и, во-вторых, к неправильному пониманию развития крепостного хозяйства в XVI — XVII вв. и его сущности. Этого последнего мы коснемся ниже.

О ПРИЧИНАХ, ОПРЕДЕЛИВШИХ ГОСПОДСТВО КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА В XVI—XVIII вв. И О СУЩНОСТИ ЕГО ПО МАЛЫШЕВУ И ПО ЛЕНИНУ

Иные могут подумать, что, снимая проблему происхождения крепостничества в России в XVI в., мы тем самым отрицаем и не замечаем то новое, что произошло в историческом развитии России в XVI в. Такое представление о наших взглядах было бы абсолютно неверным. Никто из добросовестно изучающих историю России не может отрицать, что в XVI в. налицо были такие процессы, которые меняли облик российской действительности. Но мало констатировать нечто «новое» в историческом развитии той или иной страны, надо понять и объяснить эти процессы. Вот тут-то и начинается построение схем и концепций, причем оказывается, что буржуазная историография, давшая свое объяснение политико-экономическим явлениям того периода, настолько укоренилась, что преодолеть и разбить ее не всякий, даже историк-марксист, бывает в состоянии.

Чем например отличается Дубровский, когда он выдвигает положение о том, что в XVI в. мы имели переворот в способе производства и производственных отношениях, от буржуазных историков, которые считали, что, начиная с XVI в., в истории России наступила полоса, в корне отличающаяся от предыдущего развития Московской Руси. Нам могут указать, что ведь Дубровский материалистически объясняет эти явления, так как ставит во главу угла экономические процессы. Но, признавая это, не следует забывать и того, что ведь и Ключевский пытался объяснить происхождение крепостничества в России экономическими причинами. Теория задолженности для неискушенного так и «прет» материализмом. А на самом деле под этой внешне материалистической теорией скрывалась буржуазная сущность. Заодно вспомним Рожкова и Струве, которые тоже претендовали на материалистическое объяснение крепостного хозяйства. Таким образом ссылка на материализм не страхует от влияния буржуазной историографии. Известно, что и теперь «экономический материализм» в нашей марксистской исторической литературе занимает не последнее место. Повинен в этом и Дубровский.

В самом деле, Дубровский считает себя пионером-борцом, выступившим на борьбу против тех, кто пытается представить и уло-

[30] «Историк-марксист» № 16, с. 77, ст. Малышева, О феодализме и крепостничестве.

жить историческое развитие России в XVI—XVIII вв. в рамки торгового капитализма как общественно-экономической формации, а диктатуру крепостников превратить в диктатуру торгового капитала. Благодарная задача, — восстановить ленинское понимание этой эпохи как эпохи крепостного хозяйства с политической надстройкой диктатуры крепостников-помещиков! Но беда в том, что сам-то Дубровский скатился на апологию торгового и ростовщического капитала и попал в объятия рожковской схемы истории. Тот факт, что процесс закрепощения крестьян выводится им из задолженности крестьян землевладельцам, т. е. из развития ростовщического капитала, одно уже это говорит за то, что Дубровский находится в тисках «экономического материализма».

Конечно не может быть спора о том, что развитие крепостничества в той форме, какую оно получило в России, начиная с XVI в. нельзя объяснить без привлечения роли торгового и ростовщического капитала. Это с достаточной убедительностью обосновано М. Н. Покровским в его «четырехтомнике». Но ведь все дело в том, как понимать роль торгового и ростовщического капитала в докапиталистический период.

Дубровский, претендуя на ортодоксию, на свою марксистско-ленинскую последовательность в этом вопросе, привел только цитаты из Маркса о том, что как торговый, так и ростовщический капиталы в докапиталистический период, эксплоатируя старый способ производства, не создают нового способа производства; как тот, так и другой разлагают данный способ производства, ускоряя тем самым наступление капиталистического способа производства, или консервируют старые производственные отношения, задерживая тем самым развитие общества.

Но, приведя цитаты из Маркса, Дубровский не сумел применить правильные мысли Маркса к характеристике экономических отношений в Московской Руси.

Вместо того чтобы показать, как с конца XV в. развитие торгового капитала на базе развития общественного разделения труда и товарно-денежных отношений начинает разлагать феодальный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, Дубровский доказывает, что в XVI в. в России «уничтожается феодальный способ производства» и начинает господствовать крепостнический способ производства, крепостническая общественно-экономическая формация. А так как Дубровский считает, что понять переход от феодализма к крепостничеству, т. е. от одной общественной формации к другой, можно «только на основе развития торгового и ростовщического капитала», то невольно напрашивается и вывод, что новый «крепостнический способ производства» создается развитием торгового и ростовщического капитала.

Этот вывод подкрепляется тем, что Дубровский в понимании роли торгово-ростовщического капитала в докапиталистический период расходится с Марксом. Его учение о том, что торговый капитал играл громадную роль «в качестве цемента различных докапиталистических формаций», а не как разлагающий и консервирующий фактор, о чем писали Маркс и Ленин, понадобилось ему для оправдания своей «теории», что крепостничество является особой общественно-экономической формацией. Выставляя роль тор-

гового и ростовщического капитала «в качестве цемента докапиталистических общественных формаций», Дубровский несомненно делает шаг назад по сравнению с тем, что сделано Покровским в характеристике роли торгового капитала в разложении русского феодализма и его связи с крепостничеством.

Тов. Малышев в своей статье «О феодализме и крепостничестве», отмечая эту заслугу Покровского, правильно заострил внимание историков-марксистов на том, что «в настоящее время недостаточно доказательства того, что крепостничество связано с торговым капиталом; необходимо показать, почему развитие торгово-денежных отношений привело в России не к разложению феодализма, а к его консервации».

Разговорами о цементирующей роли торгового капитала конечно не выяснишь, почему же, несмотря на наметившийся процесс разложения русского феодализма в XV—XVI вв., мы имеем с конца XVI в. возврат к натуральным отношениям. Очевидно надо изучать и анализировать те молекулярные процессы в экономике Московской Руси, которые и дали такую систему хозяйства, как крепостничество. Малышев в указанной выше статье попытался частично выполнить эту работу и «теоретически осмыслить накопившийся и уже изученный фактический материал о характерных чертах русского крепостного (барщинного) хозяйства» и о его происхождении. Но его решение поставленной проблемы не может быть полностью принято, так как вместе с рядом безусловно правильных моментов, на основании коих он разбивает «теории» Дубровского, он сам делает такие теоретические обобщения, которые не только не совпадают с ленинской характеристикой феодализма-крепостничества, но являются не чем иным, как ревизией ленинизма.

Безусловно правильным нужно считать то положение, что разложение русского феодализма, наметившееся с конца XV в., явилось результатом роста общественного разделения труда, появления товарного хозяйства, зачаточных форм товарного производства и денежных отношений.

Еще буржуазные историки, как Соловьев и Ключевский, отмечали, что в XV—XVI вв. произошел «перелом» в народном хозяйстве. Соловьев в своем курсе русской истории обратил внимание на то, что в конце XV в. заметно увеличилось товарное обращение [31], а историк Пригара в своей статье «О городских обывателях Российской империи» констатировал факт роста городов с конца XV в. на базе общественного разделения труда [32].

Несомненно, что, начиная с конца XV в., из патриархального земледелия, соединенного с домашней промышленностью, начинает выделяться ремесло. В деревнях появляются ремесленники, среди которых встречаются смычники, еношечники, портные мастера, дегтяры, овчинники, кузнецы [33]. Свои произведения они сбывают на торгу в том же или близлежащем селе, где бывают торги. О наличии последних, а также и торговле среди крестьян свидетельствуют источники, относящиеся к тому времени. В некоторых селах, особенно расположенных по большим дорогам или по берегам рек, были определен-

---

[31] Соловьев, Русская история, кн. I, с. 1538—1539.
[32] «Журнал МНП» кн. X—XII, 1867 г.
[33] «Писцовые книги по Тверскому уезду», изданные Калачевым, т. 1, с. 343.

ные торговые дни, в которые съезжались крестьяне близлежащих сел на торг. Так напр. в селе Городце Микулинского уезда (б. Тверское княжество) происходил торг еженедельно по четвергам, «а в торгу всего живущих лавок 21 лавка, а пустых лавок выморочных 8», в том числе лавки сапожника и овчинника. В селе Мотошино того же Микулинского уезда было 32 лавки, да 21 место лавочное пусто, а владели лавками мотошинские крестьяне [34]. В с. Левашеве вотчине Ярославского Спасского монастыря происходила торговля еженедельно по пятницам [35].

Обыкновенными предметами торговли были домашние животные, мясо, рыба, сыр, хлеб, сохи, деготь, бочки, кадки, корыта, сани, холст, сермяжное сукно и т. д. [36].

Появление в XV—XVI вв. «сети мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей», свидетельствовало о зачатках разложения среди крестьянства, о наметившемся выделении ремесла из патриархального крестьянского хозяйства. Но рынок для сбыта изделий еще крайне узок, «так что расстояние между производителем и потребителем... весьма незначительно, продукт... переходит непосредственно из рук производителя в руки потребителя» (Ленин). Ремесленник в своей массе на данной стадии развития еще не превратился в товаропроизводителя и в большинстве случаев еще не отделился от земледельца. При данной форме промышленности товарное производство находится еще в зачаточном состоянии, «здесь существует лишь товарное обращение». Но достаточно ремесленнику притти в соприкосновение с рынком, как он уже переходит к производству на рынок, т. е. делается товаропроизводителем. Показателем этого превращения и в то же время показателем роста товарного производства в XV—XVI вв. служит факт роста ремесленного производства в городах. В первой половине XVI в. происходило заметное увеличение городского населения городов центра, как-то: Серпухова, Можайска, Коломны, а также городов окраин: Казани, Свияжска и др., причем это увеличение городского населения шло главным образом за счет роста ремесленников и мелких торговцев. Чечулин в своем исследовании о городах XVI в. указывает, что ремесленники и торговцы в значительной своей части были крестьянами близлежащих сел [37]. Этот факт лишь подтверждает правильность постановки вопроса о росте общественного разделения труда и отделения обрабатывающей промышленности от добывающей в XV—XVI вв. Но и городское производство носит мелкий раздробленный характер. Этому неизбежно соответствовал и мелкий раздробленный сбыт. Между городами еще не заметно разделение труда и сфер производства, и они слабо связаны между собой. Вот почему в таких городах, как Серпухов, Коломна, Можайск, несмотря на их сравнительно небольшую отдаленность друг от друга, существовали одни и те же от-

---

[34] Лаппо, Тверской уезд XVI в., с. 23, 24.

[35] «Исторические акты ярославского Спасского монастыря», изданные Вахрамеевым.

[36] Лаппо, там же, с. 23.

[37] Чечулин, Города Московского государства. На с. 192 читаем: «Большинство этих людей (владельцы лавок в Коломне и Можайске — *М. З.*); если не всех, нужно считать крестьянами Коломенского и Можайского уездов: в Можайской книге прямо сказано, что на торгу имели лавки «многие крестьяне» дворцовых сел.

расли производства[38]. Локальный характер рынка не подлежит сомнению.

Рост товарного обращения и товарного производства неизбежно вызывал к жизни появление и рост денежных отношений. Нам нет надобности доказывать рост денежных отношений в XVI в., так как это уже давно стало достоянием русской исторической науки[39]. Необходимым спутником роста мелкого товарного производства и мелких местных рынков явился торговый и ростовщический капитал. Уже для XVI в. фигура «скупщика» и «кулака» не была какой-то далекой будущностью, а маячила в глазах крестьян на сельском базаре, ярмарке. «Торговые люди и скупщики, едучи к селу... на торг рекою вверх и сухим путем на телегах и пешие, съезжаясь, торгуют всякими товарами»[40], такова документальная оценка «деятелей» мелких местных рынков XVI в. «Подобно тому как нельзя себе представить развитого капитализма без крупного товарно-торгового и денежно-торгового капитала, точно так же немыслима и докапиталистическая деревня без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков»[41].

На базе «сети мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей», и развивался в России торговый и ростовщический капитал, стимулируемый с XVI в. торговлей с Западом, а из мелких торговцев и скупщиков вырастали такие воротилы, представители торгово-ростовщического капитала в XVI-XVII вв., как Строгановы или Никитников. Утверждался класс буржуазии. Марксистская теория указывает, что «самостоятельное развитие торгового капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства; чем сильнее развит торговый и ростовщический капитал, тем слабее развитие промышленного капитала (капиталистического производства) и наоборот»[42].

В историческом развитии России, начиная с XVI в., и было сильное развитие торгового капитала при слабом развитии промышленности. Если бы в XVI в. в России действительно начался процесс развития промышленного капитализма в форме мануфактуры, как это полагает т. Малышев[43], тогда вопрос о роли торгового капитала стоял бы по-иному. Разложение феодального способа производства пошло бы быстрее, чем это было в действительности, и торговый капитал не явился бы консервирующим фактором, а играл бы главным образом разлагающую роль. К выяснению того, как влияло развитие торговли и торгового капитала на феодальную экономику Московской Руси XV—XVI вв. и к чему это привело — мы и перейдем. Для этого рассмотрим, какие происходили процессы в боярщине.

Исторические документы того времени указывают на распад крупного феодального землевладения. Под влиянием развития де-

---

[38] Чечулин, Города Московского государства.

[39] Не случайно, а именно под впечатлением фактов о распространении денежных отношений в XVI в., Рожков построил не только объяснение «перелома» в хозяйственной жизни Московской Руси того времени, но и попытался рассматривать все историческое развитие России, исходя из степени роста денежных отношений в стране.

[40] АЭ, I, № 269.

[41] Ленин, Соч., т. III, с. 310.

[42] Там же, с. 138.

[43] «Историк-марксист» № 15, ст. Малышева. О феодализме и крепостничестве, с. 56.

нежных отношений стремление удельных князей и бояр добыть деньги, необходимые для приобретения предметов роскоши толкало их, во-первых, на то, чтобы просить великого князя о предоставлении им богатых кормлений (города), во-вторых, к займу денег там, где это было возможно и, в-третьих, к выколачиванию денег из крестьян. Духовные грамоты князей и бояр, начиная с конца XV в., как правило, начинаются с перечисления долгов, в обеспечение которых оказываются заложены или земля или имеющиеся предметы роскоши, как напр., «чепь золотая, пояс золотой, ковш золотой, кубок серебряный» и т. д., и т. п.[44]. В числе кредиторов оказываются «городские люди»,[45] монастыри[46] и люди, зависимые от князя[47]. Сумма долга различна, от 9 рублей до нескольких тысяч. Попадая в петли торгово-ростовщического капитала, феодальные бароны выпускали из рук по частям или полностью свои земельные владения. На факт распространения «закупов» и «закладов» земли указывает и тот факт, что, закладывая землю, землевладелец был обязан писать в грамоте, что «та у нас вотчина ни в закупе, ни в закладе, ни в кабалах денежных, ни в хлебных ни у кого»[48].

Процесс распада крупного феодального землевладения (боярщины) дополнялся также распадом княжеских и боярских дворов. Московские князья отпускают на «слободу» тивунов своих, ключников, казначеев, дьяков и приказных людей, ведавших княжеские приказы[49], т. е. весь тот мелкий служилый люд вотчин, мелкий вассалитет, который сыграл в XVI в. немалую роль, будучи в опричнине. «А что мои ключники и посельские и все приказные люди, которые мой приказ ведали, и те все на слободу...», такова обычная формула в духовных князей конца XV и XVI вв. Отпускаются не только служилые, приказные люди, но также и дворня. Опальный князь Патрикеев, получивший опалу от великого князя Ивана III «за свою гордыню», а на самом деле за приверженность к старым удельным порядкам, отпускает на «слободу» и дворовых людей, из коих в духовной часть указана с землей, а часть нет[50].

На распад боярщины также указывает тот факт, что по занятии Великого Новгорода войсками великого московского князя в 1498 г. по приказу великого князя Ивана Васильевича были «распущены из княжеских дворов и из боярских служилые люди»[51]. С распадом боярщины разлагался и класс феодалов «старой формации».

Наиболее показательным явлением намечающегося разложения феодализма служит отчетливо наметившаяся тенденция перехода к денежной ренте. Жажда денег на Руси XVI в., подобно тому как это

[44] «Духовные грамоты великих и удельных князей», с. 69—72. «Духовная грамота князя Юрия Васильевича Дмитровского» от 1472 г.

[45] «Дати мне городцким людем Вологчанам 20 руб., городцким людем Ржевичем 30 руб. и 2 руб. без четверти». «Духовная князя Федора Волоцкого» 1523 г., с. 88.

[46] Там же.

[47] «Дати мне Семену броннику 40 руб. да 4 руб.; дати мне Филиппу седельнику 10 руб.; дати мне Лагуте кузнецу 50 руб... Дати мне Обяуху ключнику 9 руб. без двух гривен». «Духовная князя Ивана Борисовича Волоцкого» от 1504 г., с. 80.

[48] Шумаков, Тверские акты; Грамота И. И. Татаринова от 1570 г., отдавшего полсельца Мамерина в Троице-Сергиев монастырь, с. 75.

[49] «Румянцевский сборник», I, №№ 24, 25, 30, 39, 96, 121 и т. д.

[50] СГГиД, 1, с. 337—338.

[51] Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. II, с. 85.

было с немецким дворянством в XV в. толкала земледельцев к выколачиванию денег из зависимого крестьянства. «В течение XV и XVI вв. по мере развития менового хозяйства денежная форма оброка начинает получать все большее и большее распространение. Владельцы земли начинают чувствовать жажду в деньгах и стремятся получать оброки не продуктами, а деньгами», — таково заключение одного из исследователей экономического состояния Московского государства XVI в. Временами, по словам того же исследователя, денежная форма ренты становилась даже преобладающей [52].

Государственные подати: ратные, стрелецкие, ямские, полоняничные, ямчужные (селитра на порох) в XVI в. из натуральных были переведены на денежные. Царским указом XVI в. древнейший вид повинности — корм, т. е. поставка пищевого довольствия «велели положить на год деньгами», а не натурой [53].

На степень распространения в отдельных вотчинах денежного оброка указывает напр. тот факт, что в конце XVI в. у новгородского Софийского дома денежный оброк относился к натуральному оброку, как 7 : 8,3 [54]. В грамотах князей появляется формула «дают мне князю... за дань, за все пошлины, оброком... в мою казну... рублев», указывающая на замену оброка и барщины денежным оброком. Было бы большим преувеличением и исторически неверно, если бы мы попытались характеризовать отношения землевладельцев с крестьянами того периода исключительно как денежные отношения, выражающие свободные договорные отношения. Как правило, в подавляющем большинстве вотчин и поместий XVI в. крестьяне были обязаны одновременно продуктовой, отработочной и денежной рентой [55]. Денежная рента, заметно проявляя себя, вместе с тем не вытеснила ни натурального оброка, ни барщины [56]. Существование натурального оброка и отработок задерживало разложение среди крестьянства. Вот почему несмотря на развитие денежной ренты, существование которой ведет «с одной стороны, к экспроприации старого крестьянства, с другой, к выкупу крестьянином своей земли и своей свободы», мы не имели глубокого разложения среди крестьянства. Но вместе с тем мы не можем игнорировать фактов, говорящих о зачатках разложения среди крестьянства. Выше уже приводились факты, указывающие на выделение из среды крестьянства мелких торговцев (с. Лотошино, Микул. уезда, Коломенский и Можайский уезды), на выделение ремесленников, занимающихся ремеслом в городах. Этого конечно не могло быть без известного развития общественного разделения труда и товарно-денежных отношений. На процесс втягивания крестьян в денежные отношения указывает факт, о котором мы узнаем из «записок опричника»

---

[52] Гневушев. Земледелие и сельское хозяйство в Московском государстве XVI—XVII вв., в «Истории России» под ред. Довнар-Запольского, т. III, с. 297-298.

[53] Сергеевич, Древности русского права, т. III, с. 167.

[54] Греков, Юрьев день и заповедные годы. «Известия Академии наук» № 1—2, 1926.

[55] Вот напр., как выглядели обязанности крестьян Московского уезда в первой половине XVI в. «в Сурыжском стану, сельцо Давыдовское, княжны Александры Голицыной. А доходов в сельцу Давыдовского с деревнями собирали на старицу Александру с пустых пашен и сенных покосов наемных деняx 4 руб. и 7 алт. и 4 деньги, да с живущих с 8 вытей 3 ведра сметаны, да 600 яиц на год, опричь того, что пахали на нее пашню и сено косили и дрова возили...»

[56] См. в том же томе «Писцовых книг», с. 64, 66, 67, 68, 72, 77.

Г. Штадена. «Теперь (в XVI в. — *М. З.*) крестьяне имеют много денег, — писал он,— но они этим отнюдь не хвастаются, а стараются спрятаться, чтобы им не чинили несправедливостей»[57]. Из этих же записок Штадена узнаем, как он (Штаден) хотел выколотить из одного крестьянина его поместья деньги, отлично зная, что он является богатым и имеет много денег, случай, указывающий на наличие в то время зажиточных крестьян.

В XVI в., под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений, в крестьянстве пробуждалась и развивалась тенденция к самостоятельности по отношению к землевладельцам. Но этой возможности не суждено было развернуться и превратиться в действительность. Потребительская сущность класса феодалов, с жадностью набросившегося на выколачивание из крестьян прибавочного продукта в денежной форме, поглотила стремление крестьянства к самостоятельности, превратив крестьянское хозяйство на долгое время в придаток к помещичьему хозяйству. Процесс превращения крестьянского хозяйства в придаток к помещичьему протекал через борьбу дворянства со старой феодальной знатью, через разгром общинных земель, грабеж и расправу с крестьянством с той целью, чтобы последнее не могло помышлять о самостоятельности своего хозяйства.

Борьба дворянства против феодальной знати была борьбой за то, кто будет грабить и выколачивать из крестьян деньги. А так как выколачивать деньги помещик мог лишь с тех крестьян, которые сидели на земле его владения, то неизбежно борьба за добычу денег сводилась к борьбе за приобретение земельных владений,— в первую очередь населенных крестьянами. Если крупные князья и бояре добывали себе деньги не только путем выколачивания денежного оброка из крестьян, но и за счет кормлений и заклада своих земель и имущества, то «мелкота», не имея этой последней возможности, но будучи «жадной до денег выскочкой», должна была в первую очередь обратить свои взоры на грабеж крестьян, предварительно однако «припустив» землю с сидящими на ней крестьянами к своему, ранее приобретенному участку. Разыгравшаяся борьба в XVI—XVII вв., нашедшая наиболее яркое выражение в опричнине и в так называемой «смуте», была борьбой, с одной стороны, подымавшегося дворянства и буржуазных элементов против феодальных баронов, с другой стороны,— крестьянства против узурпаторства класса землевладельцев в целом. Происходил разгром общинных земель и растаскивание по частям разлагающейся боярщины. На чрезвычайное дробление вотчин указывают данные писцовых книг. Напр. в Тверском уезде в 1540 г. в 318 описанных вотчинах в 13 волостях было около 659 чел. владельцев, а через 8 лет их было уже 771 чел.[58]. О разгроме общинных (так называемых «черных») земель свидетельствует большинство историков. «Начиная с XV в. — пишет Соколовский, — усилилась раздача земель, населенных черными крестьянами... В XVI в. черные волости уже совершенно исчезли в центральных уездах, напр., Московском, Коломенском, Звенигородском и большей части Новгородской области, составляли незначительную часть в Тверском уезде и сосре-

---

[57] Г. Штаден, Записки опричника, с. 122.

[58] Лаппо, Тверской уезд в XVI в., с. 75.

доточивались главным образом на Северной окраине России [59]. Процесс приобретения дворянством земель за счет владения б. удельных князей и бояр и разгрома «черных» земель протекал различными методами.

Во-первых, дворянство, при помощи самодержавия, изгоняя удельных князей и бояр из их владений, захватывало принадлежащие им земли. Царские дьяки при этом производили подсчет и роспись розданных земель служилым людям, как это было напр. после разгрома Новгородских бояр [60].

Во-вторых, помещик просто «припускал» или «впускал» рядом лежащую землю, а иногда и прямо «сносились» в одно место со всеми хоромами несколько деревень или починков, и таким образом получалась деревня «сносная». Напр. в писцовых книгах по Тверскому уезду читаем: «Деревня Новая сносная, а снесено к ней починок Климов, починок Денисов, Пупов, починок Порыгино, починок Дьяков: 4 дв. да 7 мест дворовых пусты» [61].

В-третьих, государство жаловало служилых людей «черными землями». Нередко это пожалование представляло лишь формальный акт (выдача жалованной грамоты). Так в волости Суземье (Тверского уезда) по первой книге было описано 40 черных деревень. Во время составления второй книги эти деревни уже отдаются в поместье за князя Ивана Михайловича Шуйского [62]. В жалованной грамоте от 1516 г. читаем: «Мы великий князь Василий Иванович... пожаловали есма Василья, Тимофеева сына Алексеева, да сына его Ортема в Переяславском уезде в Мишулинском стану, своими великого князя деревням черными... (перечисление деревень) со всем с тем, что к тем деревням потягло... в вотчину и с судом, опричь душегубства и разбоя с поличным, впрок ему и его детям» [63]. Тут мы имеем уже прямое указание на роль самодержавия в разгроме общинных земель. Оно не было в этом деле пассивным наблюдателем, а принимало активное участие.

Приобретая и захватывая земли, землевладельцы как собственники условий производства заставляли крестьян нести повинности, используя все возможности для выколачивания из них оброка в денежной форме. Крестьянин обязан был теперь уже не только «платить по старине» или «как раньше было», а по формуле царских грамот «чем он (т. е. помещик — *М. З.*) изоброчит». Помещик использовал свое право не только для того, чтобы отбирать у крестьян прибавочный продукт, но и готов был «пожрать» постоянный капитал крестьянина-земледельца. На этом фоне разыгрывается классовая борьба крестьянства с феодалами, принявшая своеобразную форму бегства крестьян на окраины. Этим объясняется «опустошение» поместий от живых людей и разорение значительной части помещиков, о которых в памятниках говорится, что они «стали оборванными» и «ходят побираясь». В борьбе против стремления крестьянства к самостоятельности, помещик пускает в ход в «развернутой форме» метод «внеэкономического принуждения» и ограбленного крестьянина, теперь

[59] «Экон. быт земледельческого населения Росссии и колонизации юго-восточных степей перед крепостным правом», изд. 1878, с. 51.
[60] Шумаков, Обзор грамот коллегии экономии, вып. II, с. 85.
[61] «Писцовые книги по Тверскому уезду», с. 339.
[62] Лаппо, Тверской уезд в XV в., с. 64.
[63] АЭ, I, № 162.

уже неспособного давать ему деньги, бросает на барщину, нередко «загораживая» ему путь побега заковыванием рук и ног.

Во второй половине XVI в. несомненно происходила не только «приостановка разложения феодализма», но даже и возврат к натуральной ренте. Утверждение с конца XVI в. и в XVII в. барщины как господствующей системы хозяйства в России нужно рассматривать не «как своеобразную форму проникновения капитализма в сельское хозяйство», а как возврат к натуральной ренте вследствие неудавшегося перехода в сельском хозяйстве к денежной ренте. Причины этой неудачи перехода надо искать в слабости развития товарного производства, промышленности и торговли, ибо переход от продуктовой к денежной ренте «предполагает уже сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежного обращения». Маркс в известной главе «Генезис капиталистической ренты» III тома «Капитала», исходя из ряда исторических фактов, свидетельствует о трудности превращения продуктовой ренты в денежную, он говорит: «Насколько неосуществимо это без известного развития общественной производительной силы труда, свидетельствуют неоднократные при римских императорах неудачные попытки этого превращения и возврат к натуральной ренте после того, как пробовали превратить в денежную ренту хотя бы всю ту часть этой ренты, которая взималась в виде государственного налога. Об этой же трудности свидетельствует напр. перед революцией во Франции нарушение и соединение денежной ренты с остатками ее прежних форм» [64]. Об этой же трудности перехода свидетельствует Германия XV в. и Россия XVI в. Правда, в России XV в. оказалось возможным закрепить превращение в денежную ренту «той части этой ренты, которая взималась в виде государственного налога». Государственные подати, переведенные с натуральных на денежные в XVI в., в основном в денежной форме существовали на всем протяжении крепостничества. Но землевладельцам не удалось превратить натуральные ренты в денежные.

Их попытка осуществить феодальными методами переход от натуральной формы ренты в денежную, не могла кончиться иначе, как возвратом к натуральным отношениям, к утверждению барщинной системы хозяйства. Для того чтобы превращение натуральной ренты в денежную могло протекать в том виде, как это указано автором «Капитала» в разделе «О денежной ренте», в России XVI в. не было еще достаточно предпосылок, заключающихся в развитии товарного производства, городской промышленности и торговли, способных разложить феодальный способ производства. Что касается торгового капитала, то его развитие в XVI в. при слабом развитии промышленности «само по себе» не столько вело к разложению старого способа производства, сколько играло консервирующую роль. Оно (крепостничество) могло существовать как господствующая система хозяйства в XVI—XVI вв. не на базе развития промышленного капитализма, а на базе неразвитого состояния общественного производства. Торговый капитал, задерживая развитие промышленности, тем самым способствовал существованию барщинной системы хозяйства. В главе «Из истории купеческого капитала» Маркс, останавливаясь на переходе от феодализма к капитализму, указал на два возможных пути

[64] Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, с. 272.

этого перехода. «Переход — пишет Маркс — от феодального способа производства совершается двояким образом. В противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цехами ремеслу средневековой городской промышленности производитель становится купцом и капиталистом. Это действительно революционизирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство. Какое бы влияние ни оказывал последний путь исторически как переходная ступень,— примером может служить английский суконщик XVII столетия, который, подчиняя своему контролю ткачей, все же остававшихся самостоятельными, продает им шерсть и скупает сукно у них,— однако он сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, который скорее консервируется и удерживается при этом как необходимое для него самого предварительное условие... Такие отношения повсюду являются препятствием для действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития. Не совершая переворота в способе производства, они только ухудшают положение непосредственных производителей, превращают их в простых наемных рабочих и пролетариев при худших условиях, чем для рабочих, непосредственно подчиненных капиталу, и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого способа производства» [65].

Спрашивается, каким же из этих двух путей наметился переход в России от феодализма к капитализму в XVI в., когда на сцену выступил торговый капитал как предшественник капиталистического производства. Если начало разложения феодализма в конце XV и в первой половине XVI в. еще не дает ответа на вопрос, каким путем будет происходить переход в России от феодализма к капитализму, то вторая половина XVI в. воочию показала, что переход в России от феодализма к капитализму будет протекать тем вторым путем, который «сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, который скорее консервируется и удерживается при этом как необходимое для него самого предварительное условие».

Этот путь перехода, являясь препятствием созданию капиталистического способа производства, означал медленное разложение феодальных отношений. Эксплоатация непосредственных производителей происходила на базе старого производства, ухудшая их положение.

Тот, кто пытается при анализе исторического развития России XVI—XIX вв. выбросить торговый капитал и его роль в консервации старого способа производства, тот окажется не в состоянии объяснить столь длительного существования в России феодализма и не поймет предыстории капиталистического производства.

В грубо извращенном виде будет выглядеть русский исторический процесс в XVI—XIX вв. и у того, кто пытается объяснять политико-экономические явления указанного периода, исходя только из факта развития торгового капитала, забывая при этом, что господствующим укладом в экономике было крепостное хозяйство, а командующим классом в производстве — крепостники-помещики.

Только при правильном понимании роли торгового капитала в докапиталистический период можно понять «почему развитие торгово-денежных отношений привело в России не к разложению феодализма, а к его консервации».

---

[65] Маркс, «Капитал», т. III, ч. 1, с. 258.

К сожалению, этого не понимает не только Дубровский, но и его критик Малышев. К разбору взглядов последнего мы и перейдем.

* * *

Если Дубровский объясняет развитие крепостничества в XVI в. как особой общественно-экономической формации «на основе развития торгового и ростовщического капитала», то Малышев, справедливо критикуя Дубровского за изображение им крепостничества как особой общественно-экономической формации, пишет, что «крепостничество XVI—XVIII вв. в России и Германии как раз развивается в эпоху, когда рядом с ремеслом начинает развиваться простая капиталистическая кооперация и мануфактура...». «Объяснить факт развития барщины в деревне,— продолжает Малышев,— параллельно развитию первых стадий капитализма в области обрабатывающей промышленности возможно, не прибегая к конструированию новой общественно экономической формации, а рассматривая крепостничество XVI—XVIII вв. как своеобразную форму разложения феодализма как результат воздействия торгово-денежных отношений, связанных с начальной стадией промышленного капитализма, на феодальную экономику как своеобразную форму проникновения капитализма в сельское хозяйство»[66].

Короче говоря, Малышев предлагает рассматривать развитие барщины XVI—XVIII вв. на базе изменения в общественном строе производства, изменения способа производства. Начиная с XVI в., по Малышеву, происходит развитие промышленного капитализма (читай «капиталистического способа производства»), вызывающее разрушение старых аграрных отношений, и появляется крепостничество «как своеобразная форма проникновеия капитализма в сельское хозяйство».

Поскольку развивался промышленный капитализм в его начальной стадии, постольку неизбежно развивался и внутренний рынок для потребления хлеба. Это привело к тому, что «крепостное барщинное хозяйство уже с XVI в. выступает как составное звено в процессе общественного разделения труда в качестве поставщика на внутренний и внешний рынок сельскохозяйственных продуктов»[67]. Отсюда с логической неизбежностью вытекает признание крепостного хозяйства как товаропроизводящего, несмотря на отрицание этого Малышевым.

Тенденция представить крепостное хозяйство с XVI в. товаропроизводящим в последнее время в исторической литературе выступает совершенно открыто. Для Грекова напр. «совершенно ясно, что вся эта перемена в хозяйстве и общественном строе деревни (в XVI в.— *М. З.*) не что иное, как вторжение капиталистических отношений в деревню, превращение хлеба и др. сельских продуктов в товар»[68]. Отсюда следует вывод: «несмотря на всю тяжесть эксплоатации крестьянства.., крупное помещичье хозяйство носило прогрессивный характер»[69].

---

[66] «Историк-марксист» № 15, с. 56-57 (разрядка моя — *М. З.*).

[67] «Историк-марксист» № 16, с. 93; см. также его статью в сб. «Крепостная Россия», с. 9.

[68] Сб. «Крепостная Россия», ст. Грекова, Происхождение крепостного права в России, с. 58.

[69] Сб. «Против механистических тенденций в исторической науке», речь т. Моносова, с. 215.

Малышев в своих статьях хотя и выступает против тех, кто модернизирует крепостное хозяйство как товаропроизводящее, однако и сам не отказался от модернизации. В самом деле, раз Малышев рассматривает развитие крепостничества в России в XVI—XVIII вв. как явление адэкватное развитию мануфактурного периода капитализма, то он, исходя из положения, что «мануфактурный период дает мощный толчок превращению феодального хозяйства в товаропроизводящее и способствует ликвидации старых феодальных производственных отношений в сельском хозяйстве» [70], должен был неизбежно в первую очередь рассматривать барщинное хозяйство как поставщика сельских продуктов на внутренний и внешний рынок. Чувствуя, что у него, против его желания, барщинное хозяйство выглядит как товаропроизводящее, он хватается за громоотвод... в лице Меерсона, который переход к барщинному хозяйству в России ставит «в непосредственную связь с быстро развивавшимся в XVI в. экспортом сельскохозяйственного сырья для Запада», и начинает критиковать последнего за «слишком большую модернизацию барщинного хозяйства, как товаропроизводящего уже с XVI в.», не замечая при этом, что если у Меерсона барщинное хозяйство уже с XVI в. выглядит как товаропроизводящее, потому что оно является поставщиком на внешний рынок, то у него (Малышева) барщинное хозяйство, оказывается, «создалось на базе медленной товаризации зернового хозяйства работавшего главным образом на внутренний рынок» [71]. Разница только лишь в том, что Меерсон рассматривает барщинное хозяйство как товаропроизводящее под углом зрения обслуживания внешнего рынка, а Малышев — под углом зрения поставщика «главным образом на внутренний рынок». Выходит, что «своя своих не познаша».

Малышев пытается отмежеваться от своих друзей тем, что выдвигает в качестве объяснения, почему помещик стал поставщиком на внутренний и внешний рынок, потребительскую сущность помещика-феодала. «Основная масса помещиков,— пишет он,— выступает на рынке не потому, что их хозяйство рассчитано на работу для рынка, а потому, что только через продажу части продукции они могут удовлетворить свои качественно и количественно возросшие потребности в условиях развивающихся торгово-денежных отношений». «Выход помещика на рынок в качестве продавца сельскохозяйственных продуктов от поры до времени не менял внутренней экономической структуры поместья» [72].

Если бы действительно Малышев рассматривал связь помещика с рынком в первую очередь как потребителя, а не как «поставщика сельскохозяйственных продуктов на внутренний и внешний рынок» и если бы выход помещика на рынок в XVI—XVIII вв. он не связывал с изменением внутренней экономической структуры поместья, тогда бы у него крепостное хозяйство не выглядело товаропроизводящим. Вся беда в том, что, рассматривая развитие крепостного хозяйства на фоне изменения в способе производства, он неизбежно должен доказывать превращение феодального хозяйства в товаропроизводящее и ликвидацию старых производственных отношений в сельском

---

[70] Малышев, О феодализме и крепостничестве, «Историк-марксист» № 15, с. 54.
[71] Там же, № 16, с. 86.
[72] Сб. «Крепостная Россия», с. 9.

хозяйстве, а не консервацию их. В этом мы еще более убеждаемся, когда читаем у Малышева: «капитализм в сельское хозяйство России внедрялся через помещичье хозяйство как единственную форму, обслуживающую рынок, начиная с XVI в. (крестьянин был оттеснен с рынка, ибо он превратился в рабочую силу), но в силу медленного темпа развития рынка для сельскохозяйственных продуктов этот процесс шел страшно медленно»[73]. А отсюда логически вытекает, во-первых, что помещик уже с XVI в. «становится на стезю предпринимательства» и, во-вторых, что XVI в. «является исходным моментом прусского пути внедрения капитализма», против осуществления которого шла борьба крестьян «в скрытой форме, в форме борьбы против барщинной эксплоатации в XVI—XVII вв.» за американский путь развития капитализма.

Такова схема русского исторического процесса в изображении Малышева.

Для нас понятно конечно, что автор этой схемы имел благое намерение увязать ленинское учение о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве в пореформенный период с экономическим развитием России до реформы 1861 г. и показать корни обоих путей в дореформенной экономике. Однако в поисках этих корней Малышев до того углубился в «теоретические обобщения», что, забыв указание Ленина о том, что в реформу 1861 г. только наметились две тенденции капиталистического развития сельского хозяйства России, заявил, что уже XVI в. «является исходным моментом прусского пути внедрения капитализма». Крепостное (барщинное) хозяйство по схеме Малышева выглядит не как тип хозяйства, характеризующий феодальную общественно-экономическую формацию, а как своеобразная форма развития капитализма в сельском хозяйстве России. Характеризуя крепостное хозяйство в первую очередь со стороны связи его с рынком как поставщика на внутренний и внешний рынок с XVI в. со стороны товаризации и капитализации его в XVI—XVIII вв., Малышев тем самым приблизился к теории «вотчинного капитализма». Поэтому нет ничего удивительного в том, что по вопросу о сущности крепостного хозяйства Малышев пришел к выводам, противоположным ленинской характеристике крепостного хозяйства.

Приведя известную цитату из III тома Ленина, Малышев пишет: «Одно положение Ленина при буквальном его понимании не отвечает действительному характеру русского крепостного хозяйства. Ленин пишет, что «преобладание» барщинного хозяйства предполагает «господство натурального хозяйства». Преобладание барщинного хозяйства в России XVII—XVIII вв. не было связано с преобладанием натурального хозяйства. Крепостное поместье с барщинной системой организации труда пришло на смену поместью раннего русского феодализма, основанного на эксплоатации крестьян в форме ренты продуктами, в связи с развитием в экономике России начальных стадий капитализма (торгового капитала). Оно не представляло собой «самодовлеющее замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром», а было довольно тесно связано с рынком. Работа помещика на рынок, в полной мере развившаяся действи-

---

[73] «Историк-марксист» № 16, с. 96 (разрядка моя — *М. З.*)

тельно, как указывает это Ленин, лишь в последнее время существования крепостного хозяйства, началось еще в XVI веке» [74].

В статье, помещенной в «Историке-марксисте», Малышев объясняет выставление Лениным положения, по мнению Малышева, не отвечающего «действительному характеру русского крепостного хозяйства», тем, что «Ленин не рассматривал в данном случае крепостное хозяйство с точки зрения его конкретной эволюции, это не входило в его задачу», а брал крепостное хозяйство «просто как тип хозяйства». В статье «К вопросу о сущности крепостного хозяйства», помещенной в сб. «Крепостная Россия» этого «смягчающего» обстоятельства мы уже не находим, и это абсолютно неслучайно, так как Малышев, «теоретически осмысливая накопившийся и уже изученный фактический материал», пришел и по вопросу о крепостничестве как о типе хозяйства в противоречие с Лениным. Разногласия Малышева с Лениным в характеристике крепостного хозяйства, как типа хозяйства, заключается в том, что у Ленина преобладание барщинного хозяйства предполагает господство натурального хозяйства, и крепостное поместье при этом находится в «очень слабой связи с остальным миром», т. е. с рынком, а у Малышева преобладание барщинного хозяйства предполагает преобладание не натурального хозяйства, а товарно-денежного хозяйства, и крепостное поместье оказывается «довольно тесно связано с рынком».

Мы не занимаемся приписыванием Малышеву чуждых ему взглядов, а в только в более ясной форме формулируем его точку зрения. В этом нетрудно убедиться, если мы полностью откроем источник его воззрений.

Ведь, только стоя на точке зрения преобладания товарно-денежных отношений в феодальную эпоху, можно прийти к тому заключению, что «термин «натуральное хозяйство» нужно устранить из научного обихода, когда мы имеем дело с феодальной общественной экономической формацией, так как с этим термином связана целая теория экономического развития, именно бюхеровская, кладущая в основу совершенно неверный признак при определении ступеней хозяйственного развития, т. е. обмен, а не внутреннюю экономическую структуру данной хозяйственной формы. Маркс такого термина по отношению к феодальному хозяйству обычно не употреблял, а если и употреблял, то оговаривал например, что «производство является натуральным», т. е. сосредоточивался на потребительной стоимости» [75].

Прежде всего одно замечание по поводу того, что Маркс обычно (!) не употреблял термина «натуральное хозяйство по отношению к феодальному хозяйству. Это уже неверно потому, что у самого Малышева в двух местах, когда он приводит цитаты из Маркса, говорится о «натуральном хозяйстве» без всяких оговорок [76]. Да и зачем приписывать Марксу то, чего он не писал, и к тому же проти-

[74] Сб. «Крепостная Россия», ст. Малышева; К вопросу о сущности крепостного хозяйства (разрядка автора). Как на неопределенность и нетвердость в определении причин развития крепостного поместья с барщинной системой организации труда (XVI век) следует указать на следующее: если в данном месте причину перехода Малышев видит «в связи с развитием в экономике России начальных стадий капитализма» (торгового капитала), то в статье, помещенной в «Историке-марксисте», № 16, с. 92, причину перехода крепостного поместья в XVI в. он видит в связи с развитием в экономике России начальных стадий промышленного капитализма и торгового капитала».

[75] «Историк-марксист» № 15, с. 53.

[76] Там же, № 16, с. 79; сб. «Крепостная Россия», с. 28.

вопоставлять Маркса Ленину? Ведь из этих строк Малышева можно сделать вывод, что Ленин, применяя термин «натуральное хозяйство» при характеристике крепостного хозяйства в России, стоял на бюхеровской точке зрения. Нет, т. Малышев, Ленин, как и Маркс, употреблял термин «натуральное хозяйство», исходя из определения внутренней экономической структуры феодализма, исходя из определения производственных отношений, господствовавших при феодализме и определявших тип хозяйства.

Только в угоду своей схеме можно попирать прямые указания Маркса о господстве натурального хозяйства в эпоху феодализма. Достаточно прочесть главу из III тома, 2-й ч. «Капитала»: «Генезис капиталистической ренты», как станет ясным, что напрасно Малышев зачисляет Маркса в сторонники Петрушевского.

Существование натурального хозяйства в эпоху феодализма Маркс выводит из характера феодального способа производства. Базисом этого способа производства служит соединение земледелия с домашней промышленностью, при котором общество неизбежно представляет «массу однородных хозяйственных единиц», слабо связанных между собой. В соединении земледелия и домашней промышленности видел Маркс условие «того способа производства, на котором покоится... натуральное хозяйство как древней, так и средневековой Европы...»[77].

Если Малышев считает, что понятие «натуральное хозяйство» нужно устранить из научного обихода при объяснении феодальной общественно-экономической формации, то Маркс наоборот, анализируя смену рент в докапиталистический период, указывал, что как рента отработочная, так и рента продуктами «предполагает натуральное хозяйство»[78]. Ленин вслед за Марксом при характеристике крепостного хозяйства, исходя из анализа производственных отношений[79], указывал, что основой данной системы хозяйства было натуральное хозяйство, натуральный обмен «услуг» (помещик дает крестьянину землю, а крестьянин — продукты прибавочного труда, хлеб, холст и т. п.)[80].

И сам Малышев в начале статьи стоит на этой точке зрения, когда пишет, что Маркс «считал феодальное хозяйство натуральным по системе организации труда и эксплоатации, т. е. по системе производственных отношений: рабочая сила не выступала как товар, прибавочный, труд отдавался непосредственным производителем феодалу во вполне натуральной, осязательной форме, т. е. в форме барщины или оброка»[81], но затем очень быстро скатывается к теории «рыночных отношений», попадая в объятия Бюхера и Петрушевского. Обвиняя совершенно правильно Дубровского в бюхерианстве за выделение городов с их ремесленным строем из феодальной общественной формации, Малышев вместе с тем не смог преодолеть основного порока бюхерианства — подходить к определению ступеней хозяйственного развития с точки зрения обмена. В развитой форме «теория обмена» как ключ для определения ступеней хозяйственного развития в последнее время получила освещение в трудах Допша и Петру-

[77] Маркс, «Капитал», т. III, ч. 2, Гиз, 1928, с. 263.
[78] Там же, с. 270.
[79] «Чем определяется тип хозяйства? Очевидно отношениями людей в процессе производства. Чем же еще можно определить тип хозяйства?» (Сталин).
[80] Ленин, Соч., т. II, с. 145.
[81] «Историк-марксист» № 15, с. 52.

шевского. Последний, несмотря на громовую критику бюхеровского «натурального хозяйства», всецело стоит на бюхеровской теории обмена. Нужно прямо сказать, что и Малышев построил теорию исторического развития России XIV—XIX вв. под заметным влиянием последней работы Петрушевского. Местами сходство взглядов Малышева с Петрушевским прямо разительное. Для наглядности сопоставлю одно место из статьи т. Малышева с местом из последней работы Петрушевского.

На с. 53 № 15 жур. «Историк-марксист» читаем: «Термин «натуральное хозяйство» надо устранить из научного обихода, когда мы имеем дело с феодальной общественно-экономической формацией».	На с. 78 «Очерков из экономической истории средневековой Европы» читаем: «Категория «натуральное хозяйство» в достаточной мере обнаружила свою неприменимость к явлениям средневекового хозяйственного развития, и интересы научного уразумения всего индивидуального своеобразия средневековой жизни и средневекового строя требуют ее полного устранения из научного оборота....»

Иные могут сказать, что это просто случайное совпадение. Нет, это совпадение не случайное, а органическое. Источника своих воззрений не скрывает и сам Малышев. Против ленинского положения, что «крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром», т. Малышев не находит ничего лучше, как сослаться на Петрушевского, который, по его мнению, «совершенно правильно указывает, что «ни о какой замкнутости поместья в хозяйственном отношении, ни о натуральном хозяйстве барского двора и дворов крестьянских не может быть и речи: барский двор, и дворы крестьянские во все периоды средневековой истории в той или иной мере связаны с рынком»[82]. «В силу этого, — поясняет уже Малышев, — мы не можем феодальную вотчину и мелкое крестьянское хозяйство рассматривать как замкнутые, натуральные хозяйственные единицы. Все материалы о вотчинах и о крестьянском хозяйстве даже раннего феодализма (очевидно речь идет о России — *М. З.*) говорят о связи этих хозяйств с рынком, о проникновении торгово-денежных отношений в феодальное помещичье и крестьянское хозяйство»[83].

Вряд ли после таких «совпадений» у нас могут быть сомнения на счет первоисточника малышевской методологии. Основной порок этой методологии заключается в том самом, в чем Малышев обвиняет Дубровского, а именно — в непонимании марксистко-ленинского учения об общественно-экономических формациях. Давая «теоретическое обобщение» феодальной общественно-экономической формации, Малышев подошел к характеристике типа хозяйства данной формации не с точки зрения анализа содержания производственных отношений, определяющих тип хозяйства, а взял за основу те экономические явления, которые в своем развитии вели в дальнейшем к отрицанию производственных отношений, господствовавших при феодализме, к смене феодальной общественной формации — капитализмом, но которые до определенного момента не являлись определяющими в экономике страны.

---

[82] «Историк-марксист» № 15, с. 53.
[83] Сб. «Крепостная Россия», с. 19.

Выдвигая на первый план торгово-денежные отношения, развивающиеся в условиях крепостничества, Малышев неизбежно недооценил преобладания натурального обмена «услуг», как основы барщинной системы хозяйства. А давая крепостному хозяйству товарную окраску, он неизбежно должен был выступить против ленинской оценки системы хозяйства как системы, в основе которой лежало натуральное хозяйство.

Выступая против категории «натуральное хозяйство» под тем предлогом, что «с этим термином связана целая теория экономического развития, а именно бюхеровская», Малышев не потрудился продумать, почему же Ленин все же употреблял термин «натуральное хозяйство», считая, что натуральное хозяйство лежало в основе крепостного хозяйства России.

Вся суть заключается в том, что именно в господстве натурального хозяйства в эпоху крепостного строя и видел Ленин причину векового застоя общественного развития. Почему? А потому, что господство натурального хозяйства задерживало развитие общественного труда, развитие техники и производительности труда на том простом основании, что оно (натуральное хозяйство), покоясь на соединении земледелия с домашней промышленностью, вело к тому, что «общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная с добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению». Самодовлеющий характер отдельных хозяйственных единиц не давал импульса общественному разделению труда, что неизбежно вело к застою в технике, раздробленности и т. д.

«При господстве натурального хозяйства, — писал Ленин, — хозяйства отдельных поместий, общин, крестьянских семей» довлели сами себе, «не завися от других хозяйств, никакая сила не могла их вырвать из векового застоя»[85].

Меня могут упрекнуть в том, что я слишком натурализирую крепостное хозяйство вопреки фактам, указывающим на развитие в эпоху крепостного хозяйства в России XVI—XVIII вв. товарно-денежных отношений. Такой упрек будет неоснователен потому, что у нас спор идет не о степени проникновения товарно-денежных отношений в поры крестьянского хозяйства, а об определении крепостной системы хозяйства как типа хозяйства.

Что касается последнего, то я надеюсь, что я достаточно привел данных, чтобы показать ошибочность воззрения Малышева, выступившего с «поправками» к ленинскому определению крепостного хозяйства как в основном натуральном хозяйстве.

Напомню Малышеву, что поправками к ленинской характеристике крепостного хозяйства как в основном натурального хозяйства он выступает не первый: раньше его лет на 30, вслед за выходом «Развития капитализма в России», выступал Струве, который в своей работе «Крепостное хозяйство в России» тоже доказывал, что крепостное хозяйство было товарно-денежным хозяйством, сближая тем самым дореформенную экономику России с пореформенной. Ленин в отличие от Струве различал пореформенную экономику от доре-

[85] Ленин, собр. соч., т. III, с. 161—162.

форменной, указывая, что в пореформенный период наступила другая система хозяйства,—«рассчитанного уже на рынок», в отличие от старой системы хозяйства, основой которого было натуральное хозяйство, что в реформу 1861 г. произошла смена феодального способа производства буржуазным.

Указывая на натуральный характер барщинной системы хозяйства, Ленин при рассмотрении эпохи крепостничества во всей ее сложности отнюдь не исключал рост товарно-денежных отношений, разлагающих данную систему хозяйства. «Крепостное общество, — говорил Ленин в лекции в Свердловском университете, — всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму» [86]. В полемике с народниками (Н — он и др.). Ленин доказывал, что капитализм у нас не «искусственный», как полагали народники, а имеет глубокие корни, что не «народное производство» было предшественником капиталистического производства в России, а торговый капитал.

Но самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала плюс отработочная система хозяйства являлись задерживающим фактором в развитии капиталистического производства. Процесс разложения крепостного хозяйства шел крайне медленно, и лишь на известном этапе товарное хозяйство вторгается в поместье, разлагая его натуральный характер. «Помещик начинает производить хлеб на продажу, а не на себя». Крепостное поместье из «самодовлеющего, замкнутого целого», находящегося в слабой связи с рынком, попадает в зависимое положение от рынка. «Это вызывает усиление эксплоатации труда крестьян, затем затруднительность системы наделов, так как помещику невыгодно наделять подрастающее поколение крестьян новыми наделами, и появляется возможность расплачиваться деньгами. Становится удобнее раз навсегда отграничить крестьянскую землю от помещичьей (особенно ежели отрезать при этом часть наделов и получить «справедливый» выкуп) и пользоваться трудом тех же крестьян, поставленных материально в худшие условия и вынужденных конкурировать и с бывшими дворовыми, и с «дарственниками», и с более обеспеченными бывшими государственными и удельными крестьянами и т. д. Крепостное право падает» [87].

Можно ли сказать, что уже в XVI в. произошло вторжение товарного хозяйства в крепостное поместье, как полагает Малышев?

Если бы Ленин считал, что уже в XVI в. произошло вторжение товарного хозяйства в крепостное поместье, и помещик производил хлеб на продажу, а не на себя, тогда бы он не писал, что крепостное поместье представляло собой «самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром». Ведь когда, по Ленину, происходит вторжение товарного хозяйства в крепостное поместье представляло собой «самодовлеющее, замкнутое целое, нанутого целого» начинает постепенно превращаться в зависимое от рынка, тогда действительно помещик пытается приспособить барщинную систему хозяйства для обслуживания рынка, интенсифицируется барщина, усиливается эксплоатация труда крестьян.

Для каждого, читавшего «Историю России с древнейших времен», памятно, что с этими веяниями мы встречаемся не в I и II томах,

---

[86] Ленин, собр. соч., т. III, с. 139 (примечание).

[87] Там же, т. II. В данном случае у Ленина идет речь лишь об экономической стороне причин падения крепостного права.

а в III томе, охватывающем XVIII в. Именно в XVIII в. в связи с развитием общественного разделения труда и отделением обрабатывающей промышленности от добывающей под покровом крепостничества развивались домашнекапиталистическая промышленность и мануфактура, особенно в нечерноземной полосе. Вырастал внутренний рынок на предметы сельскохозяйственного производства, и открылся внешний рынок для сбыта хлеба за границей. Помещичье хозяйство становилось поставщиком хлеба на внутренний и внешний рынок. Ставши на эту стезю, оно неизбежно должно было разлагаться.

Корень ошибки малышевской характеристики сущности крепостного хозяйства заключается прежде всего в том, что он, верно рассматривая разложение русского феодализма XV—XVI вв. под влиянием роста общественного разделения труда, товарно-денежных отношений, товарного производства и промышленности, неправильно поставил вопрос, когда стал развитие барщины с конца XVI в. рассматривать параллельно развитию начальных стадий промышленного капитализма (мануфактурного периода), тогда как на самом деле развитие барщины в XVI—XVII вв. происходило на фоне «разорения крестьян и ремесленников», на фоне «снижения общественного разделения труда и внутреннего рынка»[88], т. е. явлений, менее всего характеризующих развитие первых стадий промышленного капитализма. Если, начиная с конца XV в. до середины XVI в., в России развитие ремесла шло по линии возможности превращения производителя-ремесленника в купца и капиталиста, открывая тем самым революционизирующий путь перехода от феодализма к капитализму, то разорение его в XVI—XVII вв. привело к тому, что купец подчинил себе производство, и на базе эксплоатации ремесла, развития внешней торговли и грабежа окраин (Поволжье, Сибирь и др.) вырастал торговый капитал, консервируя старый способ производства.

Лишь начиная со второй половины XVII в. оживает ремесло, развиваясь главным образом в толщах крестьянского хозяйства. Только на базе развивающегося ремесла и могла возникнуть крепостная мануфактура при Петре, организатором коей выступил купец и помещик. Но этой системе производства не суждено было крепнуть. Под покровом крепостничества в недрах крестьянского хозяйства росла домашнекапиталистическая промышленность, росла капиталистическая мануфактура. Такие села, как Иваново, Павлово, Ворсма и др., во второй половине XVIII в. заметно выделялись уже как промышленные села. С этого момента мы уже можем говорить о наступлении мануфактурного периода капитализма в России, а не с XVI в., как это изображает Малышев.

В своем анализе предыстории капитализма в России, Малышев перепрыгнул через стадию развития торгового капитала и потому не смог объяснить, почему в России развитие торгово-денежных отношений привело к консервации феодализма.

Рассматривая же крепостное хозяйство как товарное хозяйство, как «своеобразную форму проникновения капитализма в сельское хозяйство» и противопоставляя при этом крепостное хозяйство XVI—XVII вв. как тип хозяйства феодальному хозяйству до XVI в., он по существу допускает ту же ошибку, что и Дубровский, только с другого конца.

[88] «Историк-марксист», № 16, с. 88 (ст. Малышева).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

П. Горин.

К вопросу о характере революции 1905 г.

(„История ВКП(б)“, т. II. Составили Г. Крамольников, И. Минц, Н. Никитин, О. Римский, А. Росс, Н. Эльвов, Ем. Ярославский. Под общей редакцией Ем. Ярославского. Гиз, 1930, с. 769).

Изучение истории партии является чрезвычайно важным орудием в нашем социалистическом строительстве. Нужно признать, что мы далеко не все сделали, чтобы ознакомить массы с героической борьбой партии большевиков, которая под жестокими ударами реакции ни на минуту не прекращала борьбы с малейшими попытками ревизии революционного марксизма. Признавая огромную роль революционной теории, как могучего средства руководства массами, партия, и в наши дни, верная заветам Ленина, ведет беспощадное разоблачение проявлений оппортунизма. Иначе и не может быть, попустительство ревизии революционной ленинской теории, основанной на тщательнейшем изучении всего многообразия классовой борьбы, неизбежно дезорганизует массы в их борьбе за социалистическое строительство. Вот почему партия, верная заветам Маркса и Ленина, отбрасывала обывательское сюсюканье в защиту «ошибающихся», ибо современное разоблачение теоретической ошибки предотвращает совершение этих ошибок массами, избавляет их от исправления ошибок на собственном опыте. Ленин в совершенстве владел искусством предупреждать массы от ошибок, и потому беспощадно боролся с малейшими оппортунистическими попытками ревизии революционного марксизма. Не даром свою брошюру «Что делать» Ленин снабдил эпиграфом из письма Лассаля к Марксу, что «партийная борьба придает партии силу и жизненность, величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, партия укрепляется тем, что очищает себя». Борьба за чистоту марксистско-ленинской революционной теории и в наши дни заслуженно стоит в центре внимания, ибо овладение массами революционной теорией — необходимое условие нашего социалистического строительства. Выполнять величайшее историческое дело — строительство социализма — мы можем только при условии, если рабочий будет сознательным борцом в этой величайшей исторической стройке, когда он будет понимать, что даже сделанная им простая гайка или гвоздь имеет не только физические, но и социальные качества — гвоздя, заколачиваемого в гроб отживающего мирового империализма. Мы сможем зажечь творческим энтузиазмом массы лишь тогда, когда они осознают себя борцами за то великое дело коммунизма, за которое геройски боролись и борются сейчас рабочие массы всех стран. Вот почему не так давно т. Сталин вновь напомнил о значении революционной теории. «Известно, что теория,— говорит он,— если она является действительно теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела. Все это имеет, и не может не иметь громадное значение в деле нашего социалистического

строительства»[1]. Изучение истории нашей партии в первую очередь должно показать читателям, как партия боролась с попытками ревизии революционной теории и как идейные единомышленники организационно оформляли партийные ряды. Изучая историю ВКП, мы должны быть крайне осторожны, чтобы не исказить подлинную историю партии.

Рецензируемый том «Истории ВКП(б)», т. II, посвящен эпохе 1905 г., т. е. периоду, когда собственно говоря, впервые оформилась большевистская партия (III съезд) и прошла через разгромленную революцию, уроки которой были учтены при выработке тактики пролетариата в 1917 г. Рецензируемый том, как видим, посвящен особенно интересному и важному этапу в истории нашей партии.

«История ВКП(б)» с участием и под редакцией т. Ем. Ярославского собственно выходит за рамки истории партии в узком смысле этого слова. В томе существенное внимание уделено экономическим и политическим предпосылкам, общей картине классовой борьбы, истории меньшевизма, русскому «парламентаризму» и т. п., и на этом фоне сделана попытка дать общий очерк истории партии в 1905 г. Вот почему, прежде чем перейти к непосредственному разбору истории партии, мы хотели бы несколько остановиться на вопросах общеисторической обстановки, которая несомненно оказала огромное влияние на выработку тактики нашей партии.

В разделе о предпосылках революции 1905 г. совершенно верно поставлен в центр внимания **аграрный** вопрос, как основной вопрос революции. Однако, нас удивляет наличие в одной книге двух мнений по вопросу о предпосылках крестьянского движения накануне 1905 г. «Итак,— читаем мы,— **если наличие полукрепостного строя в деревне и диктатура крепостников являлись основной причиной движения, то непосредственной предпосылкой становится развитие капитализма, связанное с постепенным переходом от отработочного хозяйства к капиталистическому, а тем самым** с уничтожением, хотя и весьма медленным, мелкого производителя-крестьянина, необходимо для отработочного хозяйства и лишнего для капиталистического, которому нужен лишь батрак, освобожденный от всяких средств производства. Обострение классовой борьбы в деревне падает на конец 90-х гг., а особенно на начало 90-х гг., т. е. на годы наибольшего подъема сельскохозяйственного капитализма в России»[2].

Приведенная нами цитата свидетельствует, что мы имеем здесь не случайную оговорку, а определенное положение автора, с которым никак нельзя согласиться. Ведь Лениным с бесспорной очевидностью было доказано, что именно наличие крепостнических пережитков было основной причиной, сплачивающей крестьянство в борьбе с царизмом. Не вообще развитие капитализма в сельском хозяйстве, а именно наличие крепостнических пережитков, мешавших развивающемуся капитализму, было основной предпосылкой крестьянского движения накануне 1905 г. Став же на точку зрения автора II тома, что именно развитие капитализма было непосредственной причиной крестьянского движения накануне 1905 г., мы должны признать, что крестьянство боролось за сохранение общины и мелкого крестьянского хозяйства. Вот почему нам думается, что в такой постановке есть кое-что от народнического понимания, вернее народнического непонимания характера крестьянского движения. С постановкой авторов II тома (хотя они дальше и правильно замечают, что крестьянская революция на первой стадии должна будет расчистить путь капитализму) согласиться не можем, ибо, признав что крестьянское движение было вызвано развитием капитализма, якобы в защиту «мелкого производителя-крестьянина», должны будем при-

[1] И. Сталин. К вопросам аграрной политики в СССР, Гиз, 1930, с. 4.
[2] История ВКП(б)», с. 33 (разрядка автора — *П. Г.*)

знать крестьянское движение накануне 1905 г. реакционным, что конечно совершенно неверно. Вот почему мы соглашаемся с тем дальнейшим разделом (см. с. 324), где авторы, критикуя т. Гайстера, пишут, что неправильно, когда «вместо ленинского учения о крестьянской революции, как о борьбе крестьянства, как класса эпохи крепостничества против диктатуры крепостников, выставляется теория борьбы крестьянских фермеров против помещиков, т. е. в качестве главной движущей силы выставляется не беднота и середняк, а кулак» (с. 324). Это положение во II томе довольно подробно подкреплено цифровыми данными и цитатами из Ленина.

Не останавливаясь подробно на предпосылках революции, мы констатируем наличие в одной книге двух точек зрения на характер крестьянского движения, очевидно свидетельствующих об отсутствии в книге определенной характеристики аграрного движения накануне 1905 г. Эта «раздвоенность» характеристики крестьянского движения в свою очередь привела к неточностям в оценке эсеров и Крестьянского союза.

Недостаточно сказать, что «партия социалистов-революционеров организовалась из различных народнических групп в 1902 г.» (с. 342). Следовало бы подчеркнуть, что эсеры в XX в. были не преемниками революционного народничества, а его эпигонами. Неверно считать эсеров социалистами (см. с. 173, 344 и др.) Воспоминания Бурцева, Зензинова и др. убедительно свидетельствуют, с какого рода «социалистами» приходилось иметь дело в лице эсеров. Нельзя согласиться также с оценкой Крестьянского союза и умолчанием о борьбе внутри Крестьянского союза, являвшейся отражением борьбы внутри крестьянства. Задача исторического анализа работ Крестьянского союза должна была заключаться в раскрытии политической борьбы внутри союза, отражавшей классовую диференциацию крестьянства. Отмечать только полицейские репрессии, как основную причину, благодаря которой Крестьянский союз не смог превратиться в общекрестьянский революционный центр, неверно. «Создавшийся в 1905 г. Крестьянский союз, — пишут авторы, — благодаря политическим репрессиям не смог превратиться в организационный центр крестьянского движения» (с. 330).

Еще Ленин четко вскрыл, что, ставя своей задачей ликвидацию крепостнических отношений, крестьянство в 1905 г. уже не было однородным. Не случайно в начале декабря самодержавие думало приступить к созданию особого крестьянского кулацкого союза.

Мы сейчас не касаемся других вопросов «общеисторического порядка»: характера развития промышленного капитализма в России, значения русско-японской войны и т. п., вопросов, бесспорно имеющих огромное значение для понимания революции 1905 г. Мы остановимся только на аграрном вопросе накануне XX в., роли крестьянства и политических партий, претендовавших быть «выразителями крестьянских дум», так как эти вопросы имели огромное влияние на выработку тактики пролетариата и его партии — большевиков. Ленин основной задачей революции 1905 г. выставлял революционное разрешение аграрного вопроса. Он беспощадно бичевал тех, кто недооценивал огромной роли аграрного вопроса в революции, но ленинская оценка разрешения аграрного вопроса революции 1905 г. ничего общего не имеет с народническим пониманием крестьянской революции в 1905 г. Для Ленина революционное разрешение аграрного вопроса — беспощадная ликвидация крепостнических пережитков и борьба за «американский» путь развития сельского хозяйства — было не конечной целью и конечными задачами революции 1905 г., а лишь благоприятнейшим условием для дальнейшей борьбы пролетариата. И величайшая заслуга Ленина состоит в том, что он с бесспорной очевидностью показал, что пролетариат в союзе с крестьянством не может не ставить своей первоочередной задачей борьбу за революционное разрешение аграрного вопроса и ликвидацию крепостнических от-

ношений. Не менее убедительно Лениным было показано, что основные массы крестьянства смогут выполнить свои задачи только в союзе с пролетариатом и под его гегемонией. Вне же союза с пролетариатом основные массы крестьянства обречены на беспощадную эксплоатацию со стороны крепостников и капиталистической верхушки деревни. Ленинские перспективы революции 1905 г., гениально изложенные им в «Двух тактиках» и других работах, написанных им еще в 1905 г., целиком исторически подтвердились и до сих пор служат непоколебимой основой нашего изучения первой революции. Как же авторы II тома определяют природу революции 1905 г.? «Большевики,— пишут они,— определяли природу русской революции как революцию крестьянскую, которая должна в интересах ее победоносного исхода зайти значительно дальше требований и желаний буржуазии» (с. 178). На этой же с. 178 они раскрывают содержание понятия 1905 г. как «крестьянской революции» и движущих сил, ее выполняющих. «Если пролетариат является самой надежной, самой последовательной и наиболее далеко идущей революционной силой в царской России, то участие широких мелкобуржуазных масс, т. е. прежде всего крестьянских масс, с одной стороны, делает русскую революцию подлинно массовой революцией, и с другой стороны, определяет социальное содержание этой революции» (с. 178, разрядка наша — **П. Г.**). Это положение пожалуй вытекает из общей оценки авторами роли крестьянства. «Последующая история (XVIII и XIX вв.),— пишут они,— сделала буржуазию контрреволюционной, но не изменила положения крестьянства как основной решающей силы буржуазной революции» (с. 263).

Социальное же содержание революции 1905 г. авторами понимается как выполнение давних исторических чаяний крестьянства в борьбе за американский путь развития, за что в свое время боролись еще народовольцы. «Революционное народническое движение (народовольцев в особенности) являлось не чем иным, как борьбой за другой, американский путь развития. Только в начале XX в., когда вырос пролетариат, и крестьянство получило в его лице своего руководителя, борьба за американский путь начинается на новой, расширенной основе. Именно в борьбе за американский путь развития и заключалось объективное значение крестьянского революционного движения в первой революции» (с. 320). Правильно, что борьба за американский путь развития была задачей революции 1905 г., но неверно будет ограничивать революцию 1905 г. этими задачами, как конечными задачами пролетариата в революции. Борьба за американский путь развития сельского хозяйства может быть понята в свете ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, т. к. вне этого ленинского понимания нам грозит опасность изобразить большевиков только как наиболее последовательных мелкобуржуазных революционеров. Американский путь развития был для пролетариата не конечной целью, а рассматривался Лениным в свете борьбы пролетариата за социализм. Вот почему нам кажется странным, когда авторы II тома пишут, что «Ленин в 1905—1907 гг. прямо ставил вопрос о том, что в тот период (1905—1907 гг.) без «Запада» русский пролетариат не может непосредственно совершить социалистической революции. Да это и совершенно понятно, поскольку материальных предпосылок для такого переворота в России еще не было». Насколько нам известно, Ленин так категорически нигде не зарекался, что пролетариат в случае успеха буржуазно-демократической революции не должен бороться за социалистическую революцию.

Как известно ленинское понимание роли пролетариата в революции ничего общего не имело ни с народнической постановкой, ограничивающей роль пролетариата как выполнителя задач крестьянской революции, ни с троцкистской

доказывавшей неизбежность поражения пролетариата в его дальнейшей борьбе за социалистическую революцию [3].

Роль пролетариата в революции 1905 г. в оценке Ленина была другая. Для Ленина уже в 1905 г. пролетариат выступал как самостоятельный класс, со своими самостоятельными классовыми задачами, и Ленин всегда решительно боролся против меньшевистских попыток растворить пролетариат в общедемократическом движении.

Большевики «хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особенность. Мы безусловно против смешения и слияния разнородных классовых элементов и разнородных партий» [4].

«Мы за то,— писал он в другом месте,— чтобы в целях восстания социалдемократия подталкивала всю революционную демократию, помогла всей ей организоваться, шла рядом с ней, но не сливаясь с ней на баррикадах в городах, против помещиков и полиции в деревнях» [5].

Диалектическая постановка у Ленина именно и сводилась к тому, что успешное выполнение задач общедемократической революции может быть осуществлено при условии политического оформления пролетариата как класса со своими классовыми задачами и своей большевистской партией. В этом и заключалась основная причина решительной борьбы Ленина против малейших попыток «утопить» или «растворить пролетариат в общедемократическом движении. Такая постановка вопроса нисколько не исключала трезвой оценки характера 1905 г. как буржуазной революции. В «Двух тактиках» Ленин решительно бичевал всякого, кто не понимал буржуазного характера революции. «Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции», подчеркивал он неоднократно, но решительно возражал против попыток ограничения революции 1905 г. рамками буржуазно-демократического строя. «Мы не остановимся на полпути, — писал он в 1905 г., — потому что в современной России не две борющихся силы заполняют содержание революции, а две различных разнородных социальных

---

[3] Что признание Троцким революции 1905 г. социалистической было лишь маневром, чтобы удержать свое влияние на рабочие массы, вскоре было признано им самим же заявлением после революции 1905 г., что «вопрос никогда не шел для нас о том, можно ли Россию перевести прямо в социализм. Такая постановка вопроса требует совершенно особого устройства головы» (Л. Троцкий, «1905», Гиз, изд. 2-е, с. 272). «Перед революционной властью, — говорит он в другом месте,— будут стоять объективные социалистические задачи, но разрешение их на известном этапе столкнется с хозяйственной отсталостью страны. В рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет» (Там же, с. 286). Как видим, признание социалистического характера революции 1905 г. в устах Л. Троцкого было лишь жалким обманом масс, так широко применяемым в наши дни социал-демократами и фашистами. В этом он еще раз, но более цинично, признается в книге «Моя жизнь». Прикрытие звонкой фразой о необходимости мировой революции как основного условия возможности в России борьбы пролетариата за социализм уже в 1905 г. по существу означало наверие Л. Троцкого в силы русского пролетариата. Это неверие в силы русского пролетариата Л. Троцкий, как известно, проявлял позднее и проявляет в наши дни, жестоко обрушиваясь на теорию возможности построения социализма в одной стране, теорию, которой он не способен понять, не поняв закона неравномерного развития капитализма. Жизнь однако наглядно опровергла меньшевистскую близорукость Л. Троцкого. Русский пролетариат выявил огромные творческие силы. К 25-летию первой революции, несмотря на задержку мировой революции, мы в СССР уже вступили в период социализма и в этом году завершаем построение фундамента социалистической экономики.

[4] Ленин, собр. соч., т. VIII, с. 64.

[5] Там же, с. 188 (разрядка Ленина — **П. Г.**).

войны, одна — в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая — в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна общенародная борьба (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества»[6].

Как видим, эта диалектическая ленинская постановка, трактующая о развитии революции 1905 г., ничего общего не имеет с троцкистской, которой марксово учение о перманентности революции было цинично извращено.

Трезвый большевистский анализ задач революции 1905 г. и ее движущих сил позволял четко формулировать задачи пролетариата в буржуазной революции. «Строго различать этапы, — писал Ленин, — различные по своей природе трезво исследовать условия их прохождения, — вовсе не значит откладывать в долгий ящик конечную цель, вовсе не значит заранее замедлять свой путь. Напротив, именно для ускорения пути, именно для возможно более быстрого и прочного осуществления конечной цели необходимо понимать отношение классов в современном обществе. Только разочарования и шатания из стороны в сторону ждут тех, кто чурается якобы односторонней точки зрения, кто хочет быть социалистами и в тоже время боится прямо назвать предстоящую нам в России. начавшуюся у нас в России революцию — буржуазной революцией»[7].

Вопросы о тактике пролетариата в буржуазно-демократической революции еще в 1905 г. были, как известно, гениально изложены Лениным, в учении о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, которое собственно являлось учением о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Именно под этим углом зрения Ленин и ставил вопрос о двух путях развития: прусском и американском. Решительно высказываясь за американский путь, он рассматривал его как условие, лучше всего обеспечивающее дальнейшую борьбу пролетариата за социализм. Из чрезвычайно интересного наброска Ленина «Этапы направления и перспективы революции», первоначально опубликованного в 1926 г. в «Ленинском сборнике», видно, насколько неверно приписывать Ленину, что он якобы выступал только борцом за американский путь, не ставя уже в 1905 г. вопроса о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую[8].

Л. Троцкий старался опровергнуть это положение, стремясь изобразить Ленина в 1905 г. как радикального мелкобуржуазного демократа. К этому толкованию склоняется и А. Слепков, который в 1924 г. в своей рецензии на книгу т. Сталина «О Ленине и ленинизме» склонен оспаривать положение т. Сталина, заявляющего, что Ленин еще в 1905 г. пришел к идее перерастания. «Некоторые товарищи, — писал т. Сталин, — оказывается, полагают, что Ленин пришел к этой идее (т. е. идее перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую — *П. Г.*) лишь в 1916 г., что до этого времени он считал будто бы, что революция в России задержится в буржуазных рамках, что власть стало быть из рук органа диктатуры пролетариата и крестьянства перейдет в руки буржуазии, а не пролетариата. Говорят, что это утверждение проникло даже в нашу коммунистическую печать. Я должен сказать, что это утверждение совершенно неправильно, что оно совершено не соответствует действительности. Я мог бы сослаться на известную речь Ленина на III съезде партии (1905 г.), где он диктатуру пролетариата и крестьянства, т. е. победу демократической революции, квалифицировал не как организацию порядка, а как „организацию войны"»[9].

---

[6] Ленин, Собр. соч., т. VII, изд. 2-е, с. 255.
[7] Там же, с. 30—31.
[8] Там же, т. VIII, с. 424.
[9] И. Сталин, О Ленине и ленинизме, Гиз, 1924, с. 58.

Цитируя это положение т. Сталина, А. Слепков «глубокомысленно» заявляет. «Это верно и неверно». Верно, что Ленину не была чужда идея социалистической революции, «учитывая перспективы возможной мировой социалистической революции...» «Однако неверно, — продолжает А. Слепков, — что т. Ленин считал неизбежным превращение демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в диктатуру пролетариата. Неверно потому, что при задержке мировой социалистической революции в н у т р е н н и е российские отношения ставили объективную преграду для этого превращения. Бланкистами большевики никогда не были»[10].

Как видим, А. Слепков в своей критике т. Сталина, правильно формулирующего взгляды Ленина на перерастание еще в 1905 г., прибегает к троцкистской аргументации, которая за напыщенными фразами о гибели русской революции при условии задержки мировой революции по существу защищала самые заурядные меньшевистские положения об отсталости России, слабости нашего пролетариата, почему якобы революция дальше рамок радикально-демократическо пойти не может.

К сожалению во II томе, хотя в некоторых местах говорится об этом, недостаточно показано, что уже в 1905 г. ленинское учение о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства собственно и было большевистским учением о перерастании[11].

Вопросы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, как известно, и в наши дни имеют огромное значение. Ленинское учение о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства имеет исключительное значение для революционного движения на Востоке. Недаром Л. Троцкий и в этой связи вновь так решительно обрушивается на ленинское учение о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и при этом целиком повторяет ошибки, допущенные им в оценке революционного движения в России. Только правильное понимание тактики пролетариата в предстоящей буржуазно-демократической революции, только трезвый учет этапов революции, только борьба против попыток растворения пролетариата и его партии в общедемократическом движении обеспечат успешное завершение буржуазно-демократической революции и дадут возможность пролетариату повести дальнейшую борьбу за социализм.

Как известно, Ленин в 1905 г. выступал решительным врагом меньшевизма за его попытки растворить пролетариат в общедемократическом движении. Невзи-

---

[10] «Большевик», 1924, с. 103 (разрядка Слепкова — *П. Г.*).

[11] Кроме того нельзя согласиться с авторами II тома о полном отождествлении революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства с Временным революционным правительством. Так авторы пишут: «Не веря в возможность руководства пролетариата крестьянством, н е в е р я в в о з м о ж н о с т ь с о з д а н и я В р е м е н н о г о р е в о л ю ц и о н н о г о п р а в и т е л ь с т в а, т. е. р е в о л ю ц и о н н о-д е м о к р а т и ч е с к о й д и к т а т у р ы п р о л е т а р и а т а и к р е с т ь я н с т в а, м е н ь ш е в и к и даже не ставили перед собой задачи овладеть центральной властью» (с. 367, разрядка моя — *Г.*). Действительно Ленин в 1905 г. критиковал «Искру» за ее попытку провести различие между революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства и Временным революционным правительством, но при этом оговаривал, что «отношение между указанными понятиями на самом деле приблизительно такое, как отношение между юридической формой и классовым содержанием». Этого, как известно, никак не могли понять меньшевики. Нельзя согласиться с авторами также и тогда, когда они отождествляют революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства с революционной демократией. Так они пишут: «Временное правительство должно было явиться органом р е в о л ю ц и о н н о й демократии, ведущей борьбу со старым порядком, а не органом половинчатой буржуазии, сопротивляющейся натиску социалистического пролетариата» (с. 196, разрядка самих авторов — *П. Г.*).

рая на вопли оппортунистов и примиренцев о раскольничестве, Ленин боролся с малейшими попытками оппортунистов ревизовать революционную теорию и решительно боролся за самостоятельную пролетарскую большевистскую партию. Это правда не исключало отдельных тактических блоков с меньшевиками, возможных в условиях 1905 г., но даже в момент наиболее близкого организационного сближения с меньшевиками, Ленин не переставал решительно разоблачать оппортунизм, будучи верен основному большевистскому принципу, что лучшее средство разложения оппортунизма не теоретические уступки ему, а разоблачение его. «Ничем нельзя так повредить делу будущего единства,— писал он, — как фиктивным никого не удовлетворяющим соглашением, оставляющим почву для борьбы, такое соглашение приведет лишь неизбежно к новому разрыву, к удесятирению озлобления».

1905 г. для истории нашей партии в этом смысле весьма поучителен. Читателю нужно показать, что беспощадная борьба с оппортунизмом, которую в наше время ведут партия и ее руководитель т. Сталин, является основным условием мощи коммунистической партии, обеспечивающим успешное социалистическое строительство. Своевременное разоблачение малейших оппортунистических уклонов и шатаний является необходимой задачей нашего партийного руководства.

Во II томе довольно интересно и обстоятельно разобрана позиция Плеханова и его борьба с большевиками. До сих пор в наших учебниках по истории партии интереснейший вопрос о взаимоотношениях Ленина и Плеханова накануне 1905 г. и в самой революции оставался обойденным. Во II томе этот пробел восполнен, и использован богатейший материал, опубликованный в «Ленинских сборниках». Совершенно правилен вывод авторов, что «Ленин и Плеханов действительно представляли две различные тенденции социал-демократического движения. в России, что это различие политических мировоззрений Плеханова и Ленина проявилось задолго до II съезда и что сближение Плеханова и Ленина на II съезде не было органическим и прочным» (с. 87). Слабее однако дана критика Л. Троцкого, что объясняется повидимому тем, что раздел о троцкизме в основном был написан до выхода последних работ Л. Троцкого — «Моя жизнь» и «Перманентная революция» (хотя в книге и имеется ряд цитат из этих работ),— в которых Л. Троцкий довольно откровенно «саморазоблачился» как мелкобуржуазный демократ, не верящий в возможность выполнения русским пролетариатом социалистических задач. Нам думается, что в настоящее время мы имеем все основания поставить Троцкого в один ряд с Макдональдом, Гильфердингом и т. п., которые, заявляя о своей приверженности к социализму, используют его для сознательного околпачивания рабочих масс[12]. В душе же и на деле троцкисты — мелкобуржуазные демократы, боящиеся пролетарского социализма и при удобном случае предающие пролетариат. К сожалению во II томе почему-то не разобран вопрос о троцкистском понимании вооруженного восстания. Попытки Л. Троцкого подменить ленинское учение о восстании как искусстве рассуждениями Л. Троцкого о стачке, как высшем этапе восстания, мирно ликвидирующем старую власть, являются особо вредными иллюзиями, опутывающими рабочие массы. В современных условиях нарастания боев мирового пролетариата с буржуазией особенно важно вскрыть эти иллюзии.

Что касается истории внутрипартийной борьбы в среде самих большевиков, то нам кажется совершенно недостаточно вскрытой роль примиренчества. На-

[12] Нам также кажется, что авторы оказывают Троцкому слишком много чести, выдавая его за социалиста, якобы требующего немедленной социалистической революции, ставя его в один ряд с эмигрантами Парижской Коммуны, о которых Ф. Энгельс писал: «Что за детская наивность выставлять собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента» (с. 316).

зывая социал-демократическую партию в 1905 г. «двуединой» (на наш взгляд термин неудачный), авторы не показали той интереснейшей борьбы Ленина с примиренчеством, которое собственно являлось настроением отсталых слоев, объективно ливших воду на мельницу оппортунизма. Некоторые «примиренцы», например Носков, как это видно из переписки Мартова и Аксельрода, были «сознательными примиренцами» в том худшем смысле этого понятия, что под видом «примиренчества» сознательно защищали меньшевиков. Ленин вел решительную борьбу с примиренчеством. Когда в положительном смысле был решен вопрос о созыве самостоятельного большевистского, т. е. III, съезда, Ленин беспощадно разоблачал всякую лойяльность в отношении меньшевиков. «Мы провозгласили раскол, — писал он, — мы зовем на съезд впередовцев, мы хотим организовать впередовскую партию и рвем, немедленно рвем все и всякие отношения с дезорганизаторами, а нам толкуют о лойяльности, прикидываются, будто возможен общий съезд «Искры» и «Вперед». Комедия какая-то. Разумеется, в первый же день первый час съезда (если он будет) рассеет эту комедию, но до съезда подобная фальшь навредит нам десятки и сотни раз. Право я часто думаю, что из большевиков 9/10 действительно (жалкие) формалисты (которые абсолютно неспособны воевать. Я бы всех их отдал Мартову). Либо мы сплотим действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой партией будем громить рыхлое чудовище новоискровских разношерстных элементов, либо мы докажем своим поведением, что мы заслужили гибели как презренные формалисты» [13]. История нашей партии этого периода показала, с какой настойчивостью Ленин вел борьбу за самостоятельную большевистскую партию уже в 1905 г. Он так беспощадно разделывался с оппортунизмом потому, что в решительной критике оппортунизма видел средство для распространения влияния партии на широкие пролетарские слои и мобилизации революционных масс. Поэтому нам кажется не вполне убедительным такое замечание авторов о III съезде: «хотя самый факт конституирования большевистского съезда и был уже некоторым шагом к превращению большевизма из левого крыла в самостоятельную большевистскую партию, однако съезд рассматривал раскол, оформившийся лишь как переходное состояние, как этап для будущего объединения с отколовшейся частью партии» (с. 424). Дальше авторы так поясняют свою мысль: «объединение с отколовшейся частью партии в первую очередь означало борьбу за овладение и перевоспитание рабочих, входивших в меньшевистские организации» (с. 425). Это не вполне точно. Здесь мы можем напомнить слова Ленина, который к моменту решительных революционных боев в письме к ЦК РСДРП в октябре 1905 г. писал: «Мы не должны смешивать политику объединения двух частей со спутыванием обеих частей. Объединить две части согласны. Спутать две части — никогда... Мы же должны все усилия и все помыслы направить к сплочению, к лучшей организации нашей (т. е. большевистской — *П. Г.*) части партии. Эта тактика кажется «эгоистической», но она единственно разумна. Если мы будем хорошо сплочены, вполне организованы, если мы удалим от себя всяких кисляев и перебежчиков, тогда наше твердое ядро, хотя бы не очень большое, поведет за собой всю ораву «организационной туманности». А если у нас не будет ядра, то меньшевики, дезорганизовав себя, дезорганизуют и нас. Если у нас будет твердое ядро, то мы скоро заставим заключить объединение с нами. Если же у нас не будет ядра, то восторжествует не другое ядро (его нет), а путаники, и тогда, уверяю вас, будет новая склока, новый неизбежный раскол и озлобление во сто раз хуже

---

[13] «V Ленинский сборник», с. 152—153 (разрядка всюду Ленина — *П. Г.*). Слова взятые в скобки, по мнению редакции сборника, вычеркнуты Н. К. Крупской при отсылке ею этого письма в Россию. В Ленинском оригинале они сохранены.

прежнего. Давайте готовить реальное объединение, увеличивая свою силу и разрабатывая ясные проекты уставных и тактических норм. А пустых болтунов об объединении, которые спутывают отношения между частями партии, по-моему следует устранять из нашей среды беспощадно» [14].

Нам также кажется не вполне точным, когда авторы, рассматривая IV Объединительный съезд, пишут, что «съезд уничтожил раздельное существование фракций, дав возможность партии выступать единой перед пролетариатом и другими классами в борьбе за гегемонию пролетариата» (с. 67). Что касается общего очерка истории партии большевиков, то к сожалению во II томе слабо освещена работа местных партийных организаций. Вызывает также недоумение, что том II, претендуя быть историей ВКП, не касается борьбы партии с мелкобуржуазными националистическими партиями РУП на Украине, Белорусской социалистической громады в Белоруссии и т. п. организациями, которые некоторые историки склонны рассматривать как первые большевистские организации в наших отдельных республиках. Без подробного изложения борьбы партии в наших республиках (Украина, Белоруссия, Грузия и т. д.) рецензируемый нами том, конечно, не может претендовать быть очерком Всесоюзной коммунистической партии. Следует однако признать очень ценной попытку авторов историю революции 1905 г. и партии рассмотреть в аспекте истории международной социал-демократии. В книге интересно освещены отношения к русской революции Каутского и Розы Люксембург. Слабее рассмотрен Парвус. Однако несколько странным кажется этот раздел, озаглавленный «II Интернационал и его отношение к расколу в РСДРП». Нам думается, что слишком мало в этом разделе ограничиться только взглядами Каутского, Парвуса и Розы Люксембург. Оглавление раздела — «II Интернационал и его отношение к расколу в РСДРП» обязывает к большему.

Таковы наши общие замечания ко II тому истории ВКП(б) под редакцией Ем. Ярославского. Мы не останавливаемся сейчас на многочисленных неточностях, рассеянных в книжке, свидетельствующих повидимому о спешности выпуска книги. Например Воронцов-Дашков оказался блюстителем порядка, предотвращающим армяно-татарскую резню (с. 523), во время восстания броненосца «Потемкин» была не измена «Георгия-Победоносца», а провокация командного состава (с. 467) и т. д.

Подводя же общий итог нашему рассмотрению II тома истории ВКП(б) Ем. Ярославского, мы должны сказать, что книга нуждается в дальнейшей тщательной редакции и в изданном виде требует внимательного, критического отношения читателя.

---

[14] Ленин, Собр. соч., т. VIII, с. 247 (разрядка Ленина—*П. Г.*).

Силонэ

КОНЕЦ ИСТОРИКА-ПОЗИТИВИСТА

Об итальянском историке Гульельмо Ферреро ничего не было слышно уже несколько лет. Он жил эти годы в деревне, в Южной Италии, в своем имении, так как фашисты все время отказывали ему в разрешении на выезд за границу. Несколько месяцев тому назад запрещение было снято, и одновременно с этим во Франции появился перевод его книги о женщинах эпохи цезарей. Многие французские и немецкие журналы поместили интервью и посвятили ему статьи, окружавшие его имя ореолом пророка, и даже сама итальянская фашистская печать благожелательно отнеслась к последней работе.

Личность Ферреро представляет для нас интерес лишь постольку, поскольку он играл определенную роль в судьбах итальянской буржуазной культуры за последние 40 лет.

На Гульельмо Ферреро смотрели до сих пор как на писателя, стоящего особняком, как на независимого ученого-мыслителя, идущего всегда против течения. До сих пор все его критики были одинакового мнения на этот счет. Нам нетрудно будет показать обратное. Для этого достаточно будет проследить в связи с личностью Ферреро за развитием итальянской буржуазной идеологии последних 40 лет. Вся оригинальность Ферреро заключается в способе применяться к различным обстоятельствам и переменам его времени. Исторические исследования, которым он посвятил себя, помогли ему в разных случаях применяться к обстоятельствам, выходя с честью из положения.

Гульельмо Ферреро был учеником Чезарэ Ломброзо, знаменитого антрополога-позитивиста. Вместе с ним он работал над исследованием о женщине-преступнице. Он женился на его второй дочери, Джине Ломброзо, авторе нескольких книг по психологии женщины. Под влиянием Ломброзо он написал «Символы» (1893) и «Молодая Европа» (1897). В последней книге он производит анализ причины упадка латинских народов и говорит о превосходстве над ними народов англо-саксонских и скандинавских, причину которого он видит в чистоте их нравов (!).

Вместе с Энрико Ферри, Ничефоро, Сигеле, Гарофало и другими писателями, изданными братьями Бокко в Турине, Ферреро принадлежал к школе, которая объясняла все (политику, историю, философию, искусство) антропологией, которая смотрела на гений, как на болезнь, а на преступление, как на наследственность. Школа эта объясняла генезис психических явлений, исходя из того, что ей удалось или казалось, что удалось локализировать происхождение членораздельной речи в третьем участке левого полушария мозга.

В «маленьком итальянском мире» Гумберта I влияние позитивной школы было огромно. Ее пытались критиковать неоднократно главным образом фашисты и священники, но критика эта легко разбивалась научными предпосылками, на которых позитивисты строили свою систему. В Италии этого периода позитивная школа выполняла важную общественную функцию, служа классовым интересам молодой итальянской буржуазии в ее борьбе и с католической реакцией, и с революционными силами. Каким образом позитивизм выполнял эту функцию, мы вкратце рассмотрим.

Объединение Италии на монархической основе совершилось против желания Ватикана, у которого новое государство отняло советскую власть, и в т же ремя против воли республиканской мадзиниевской партии: партия эта, вобрав в себя наиболее активный буржуазный элемент, боровшийся за национальную независимость, не пожелала признать Савойскую монархию. Поэтому первый период жизни нового государства был очень затруднен. Вследствие отсутствия религиозной санкции вновь возникшего национального объединения для итальянской буржуазии после 1870 г. явилась насущная жизненная необходимость в создании такого учения, которое освятило бы произошедший факт, которое приспособило бы к истории дарвиновскую теорию прогрессивной, постепенной и постоянной эволюции; теория эта должна была быть антибожественной и антиреволюционной, исключить божественный промысел и революцию из числа исторических факторов, она должна была изобразить политический трансформизм Депретиса и Джиолитти, как искусство правительства, наиболее близкого к самым непреложным законам, управляющим жизнью природы...

Позитивная школа господствовала над всей жизнью Италии: над философией, наукой, искусством, политикой. Позитивизм стал новой религией, Ферреро же был, как мы видели, жрецом этой религии.

Несмотря на это, позитивизм не имел бы такого шумного успеха, какой выпал ему на долю, и его реакционное действие не было бы таким сильным, если бы к нему не присоединились влиятельные круги итальянского социализма, который пользовался им, как орудием против революционных тенденций пролетариата; социалисты в этом направлении дошли до того, что объявили позитивную школу философией марксизма.

Смешение позитивизма с марксизмом продолжалось в Италии до самых последних лет. Ферреро был секретарем социалистической секции в Турине, и позитивисты и посейчас остаются во главе итальянского реформизма (даже Серрати был позитивистом: достаточно вспомнить его брошюру «Рациональная школа»).

Серьезные удары научным основам позитивизма нанесли после 1900 г. сами позитивисты. Исследования экспериментальной биологии подтвердили теорию, которая в настоящее время называется мутационной теорией, занявшей место позитивистского трансформизма. Последние научные открытия относительно структуры материи разрушают представление позитивистской школы и создают базу для широкого распространения законов диалектики.

Научный закат позитивизма не на много предшествовал созреванию политических и экономических факторов, которые должны были привести итальянскую буржуазию к отказу от трансформизма Джиолитти. Она должна была войти в круговорот интересов империализма и создать себе идеологию, более соответствующую новым временам. Поэтому для большинства старых последователей позитивизма было относительно легко перейти на новые позиции и для некоторых даже стать предшественниками фашизма. Как себя повел Г. Ферреро? Как остальные? Он тоже не безразлично относился к мотивам, толкнувшим итальянскую буржуазию на разрыв с позитивизмом, на примирение с церковью и на переход к идеализму. После периода сотрудничества с Ломброзо Г. Ферреро занялся изучением вопросов о происхождении и изменении правовых институтов. Он начал с изучения уголовных законов времен кризиса империи, дошел до переходного периода IV и V вв. (которые Ферреро называет периодом упадка), после чего его привлекли века III, II и I. В течении этой работы его планы совершенно переменились, и вместо исследования об эволюции правовых институтов с точки зрения позитивизма он написал пять томов «Величие и падение Рима», над которыми работал с 1897 до 1907 г. (Первые томы появились в Италии в 1901 г.).

Ферреро начал свои исторические работы, когда в Италии еще господствовала научно-документальная историография (Чиполла, Скипа, Кривеллуччи, Паис,

Виллари), но постепенно его труды завоевали себе видное положение, и новая экономическо-правовая школа (Сальвемини, Чиккотти и др.) утвердилась если не в учебных заведениях, то в умах образованных людей. Историки экономическо-правовой школы стремились не только прагматически объяснить исторические события, но дать им более глубокое обоснование путем изучения экономических условий, их сопровождавших, и изучения общественных классов, совершивших эти события. Исследование Сальвемини о флорентийской коммуне и исследование Вольпе о коммунах Пизы и Вольтеры были наиболее серьезными трудами новой исторической школы. Было бы однако неправильно думать, что экономическо-правовая историография возникла вследствие распространения в Италии исторического материализма. С историческим материализмом в его истинном виде еще предстоит познакомить Италию, где историческая наука не поднималась пока над уровнем экономического материализма.

Заслуга Ферреро заключается в том, что он преодолел в ходе своих работ предвзятые мнения позитивистов и документалистов. Ему не хватило также к счастью необходимой подготовки, чтобы впасть в преувеличения экономическо-правового метода.

Картину падения Рима, которую нам для Ферреро, можно критиковать со всех точек зрения, особенно же с нашей точки зрения. Падение капиталистического общества, при котором мы присутствуем, помогает нам уяснить себе условия, связанные с исчезновением прошлых режимов. Книга, написанная Ферреро, имела по крайней мере то преимущество, что она возбудила споры не только в кругу специалистов и что она дала яркий образ древнего Рима (образ искаженный).

К концу своих исследований о падении античного Рима Ферреро уже находился на дороге, которая позднее должна была привести его к автобиографическому роману.

Изучение жизни античного Рима заметно повлияло на его представления о современности (влияние это было взаимным). Это не был уже больше позитивизм, это был крочеанизм. Философ-идеалист Бенеддетти Кроче учил, что предмет исторического изучения находится не вне нас, а в нутри нас, в уме пишущего исторический материал, исторический документ сами по себе еще не являются историей; они становятся историей в той мере, в какой их ассимилирует ум пишущего, в той мере, в какой он содействует их идеологическому оформлению.

По мнению Кроче, историк, описывая исторический факт, дает нам отчет о своем собственном представлении этого факта; он говорит о самом себе, даже когда говорит о Юлии Цезаре. Итак вся история является только историей идей, представлений, только философией, т. е. деятельностью ума.

Слияние старого с новым в идеологии Ферреро еще искало своего равновесия (этим объяснялась темнота и неясность его писаний именно политических), когда новый кризис кинул его в самый черный пессимизм. Это было следствием его путешествия в Соединенные штаты (1908). В Америке Ферреро заметил, что между философией небоскребов и стандартным производством и между римским форумом невозможна была какая бы то ни было точка соприкосновения, и должен был признаться самому себе, что единство духа, которое он считал достигнутым, было не более как искусственное сооружение бес всякого реального основания. Публичное признание появилось позднее («Среди двух миров», 1913), но оно было не очень ясным и откровенным: оно основывалось на новом искусственном сооружении, а именно — на странном разделении цивилизации на качественную и количественную: качественная цивилизация — это цивилизация античная; количественная — цивилизация современного капитализма. Сейчас не стоит обсуждать эту теорию. Все замечания Ферреро о будущем капитализма оказались ошибочными перед лицом войны и после военного эконмического кри-

зиса, с ними упали все венки, украшавшие новую цивилизацию, которая будто бы не знает более границ, не имеет более «дисциплины», у которой нет конца — она идет к безграничному... Несмотря на это «Среди двух миров» интересная книга. Ферреро много писал в журналах во время войны и после нее, и это заставило забыть эту книгу, но его современное направление настолько связано с ней, что необходимо к ней вернуться.

Исходя из предпосылки, что никакой обмен мнений невозможен, если он не основывается на общих определениях значения слов, Ферреро ставит вопрос: как приходят к общим определениям. Определение, отвечает он, — всегда есть ограничение; оно всегда нечто условное и произвольное: это всегда акт воли, которая находит силу подвергнуть себя ограничению. Ограничение (отказ) следовательно является условием знания (и в то же время его отрицанием). В настоящее время капиталистическое общество в своей новейшей фазе, с его стремлением к все большему увеличению прибыли, вынуждено постоянно разрушать старые границы, и поэтому обречено наконец на полную моральную и интеллектуальную анархию.

Тот факт, что Ферреро, высказав это положение, два года спустя объявил крестовый поход — «войну за право и цивилизацию» (за американское право и цивилизацию), навел бы нас на многие горькие размышления личного характера, если бы мы захотели дать его моральную оценку, — мы же хотим ограничиться только изложением его взглядов. Сам Ферреро после того, как разочаровался в Версальском мире, вернулся к своему старому пессимизму 1913 г. В Италии это состояние духа не было только его личным. Оно родственно пессимизму Тильгера, Бонаюти, Папини и выражает то состояние некоторой части итальянского общества, в которое повергли его перемены в общественной жизни, принесенные диктатурой крупного капитала; этой части общества трудно перенести наглое превосходство экономики над моралью и над интеллектом; ей тяжело сознание, что фашистские решения вопроса недолговечны и что деятельность фашизма во всех областях не создает нового порядка и не устраняет старого беспорядка, но еще более его увеличивает. И для Ферреро и для Тильгера с Бонаюти и Папини является общим темное предчувствие приближения великой катастрофы, за которой по их мнению должно последовать новое средневековье.

Почему Ферреро не нашел в фашизме ответа на историческую проблему, которую он поставил в 1913 г?

Фашизм обеспечил максимальную прибыль капиталу и в то же время постарался восстановить принцип власти и привести народные массы под иго традиционных принципов порядка, дисциплины и почтения к церкви.

Фашизм проводил решительную политику, благоприятствующую концентрации промышленности, и в то же время он восстановил преподавание религии в школах во исполнение того пожелания, которое Ферреро высказал еще за пятнадцать лет до фашизма; ведь именно Ферреро был озабочен тем, что капиталистическая техника, идя всегда вперед, не содержит в себе элементов консервативной идеологии, напротив того, она революционна; для того же, чтобы сохраниться, общество нуждается в консервативной идеологии, и если она у него отсутствует, то общество имеет право воспользоваться ею, взяв у своего прошлого, хотя бы эта идеология устарела и была антинаучна; потому, поучал Ферреро, каждое человеческое знание антинаучно, каждое человеческое знание есть ограничение, есть акт воли, которая находит силу ограничить себя. В настоящее время буржуазный порядок нуждается в системе более или менее однородной, в знании, которое приняли бы все, но особенно миллионы и миллионы рабочих и крестьян, которых капиталистическая техника ведет на путь гибели. Фашизм, поставив ту же проблему, не имел возможности выбора; фашизм не мог заставить итальянские народные массы читать книги Гульельмо Ферреро или хотя бы Джиованни Джен-

тиле; ему ничего больше не оставалось, как вернуться к катехизису, который стоит всего 2 сольдо и который всем понятен; он насчитывает почти две тысячи лет жизни и дает исчерпывающие ответы на все вопросы, относящиеся к настоящей жизни и будущей.

Ферреро нехватает мужества быть последовательным, заявить себя предшественником фашизма. Но он имеет на это право. Быть может его большая умственная чуткость подсказывает ему, что реакционные попытки фашизма бесплодны. Во всяком случае, с еще большим ужасом Ферреро ожидает пролетарской революции, приближение которой он смутно чувствует, как домашние животные чувствуют приближение землетрясения.

Сейчас он совершает последний путь своей умственной параболы. Он старается уйти от противоречий, которые окружают его, избегая социальных проблем. Он пишет книгу в четыре тома, которая, хотя еще не опубликована, является его биографией. Сам автор в последнем интервью дал в следующих выражениях резюме этой книги:

«Это история благородной души, которая мало-помалу приходит к выводу, что все, что в жизни происходит, все понятия — слава, справедливость, добродетель, истина, честь, есть не что иное, как грубое приближение к идеалу, к которому человек всегда стремится и никогда не достигает. Сначала он отчаивается, он приписывает все дурным чувством современников, затем мало-по-малу он убеждается, что вопрос гораздо более сложен, что сам он зависит одновременно от величия и бедности человеческой натуры, однако во таинственных, что человек, это—«ангельское чудовище», возвышенный зверь, пленник, ожидающий своего освобождения, которое он должен заслужить путем непрерывных усилий».

Так закончил Гульельмо Ферреро.

РЕЦЕНЗИИ

G. LEFEBRE, R. GUYOT, PH. SAGNAC, La Révolution française, 1930, p. 577.

Новый компендиум истории французской революции представляет собой очередное „руководство" и, как всякое руководство, страдает некоторой неряшливостью и сжатостью, переходящей в схематизм. У рецензируемого руководства есть, однако, и два существенных достоинства, которые могут придать ему некоторый интерес в глазах советского читателя.

Во-первых, в противность обычаям ни трактует Великую французскую революцию в подчеркнуто международном разрезе. Это делает еще более схематичным изложение „внутренней" истории революции, но придает изложению специальный интерес. После Сореля много воды утекло, а новых изданий общей картины международных отношений французской революции с тех пор не появлялось; в этом же руководстве международным отношениям уделено едва ли не две трети общего количества страниц.

Во-вторых, рецензируемое руководство составлено исключительно компетентными буржуазными историками, работавшими над своим предметом еще в прошлом веке и не прекращающими работать и сейчас. В частности, весьма заметную печать наложило на сборник то обстоятельство, что двое из авторов долгое время работали по опубликованию экономических документов французской революции. В результате труд, хоть и написанный с буржуазно-либеральной точки зрения, оказывается освобожденным от того поверхностно-юридического доктринерства, к которому мы привыкли по работам „классического либерализма", некогда представленного Оларом. Здесь экономическая материя и экономическая точка зрения недостаточно выступают в изложении первого периода революции, но доминируют в истории Конвента, Термидора и Директории.

Чтобы показать, как далеко вперед шагнула либеральная историография со времен Олара, достаточно привести несколько иллюстраций из отдела, посвященного периоду высшего подъема Великой французской революции. Прежде всего революционные войны не были войнами только национальной защиты. В противном случае „было бы естественно, чтобы Комитет общественного спасения амнистировал всех тех, даже из бывших привилегированных, кого национальное чувство принуждало к повиновению". Этого, однако, не было. Наоборот, террор усиливался как раз тогда, когда военные опасности уменьшались. „Это объяснялось тем, что война не была только национальной: это была классовая война. Третье сословие не только защищало землю отечества, оно продолжало начавшуюся в 1789 г. борьбу против аристократии", перенесенную теперь на международную арену.

Если войну приходится объяснять классово-экономическими причинами, то война не может объяснить и экономических процессов внутри страны. „В отношении экономическом и социальном военный дух только частично может объяснить движение, породившее диктатуру: если санкюлоты требовали регламентации, делалось это гораздо больше во имя собственной выгоды, чем в интересах национально-революционной защиты,— пусть страдает от этого и якобинская буржуазия" (с. 232—233).

Экономическое содержание диктатуры Комитета общественного спасения авторы характеризуют в общем верно,— для них не пропал даром ни опыт государственной организации хозяйства во время мировой войны, ни даже опыт Октябрьской революции. Комитет хотел видеть в своей регламентационной практике только временные меры военной необходимости. Санкюлоты, вероятно, усматривали в ней социальную ценность. Но как бы там ни было, а „экономика страны оказалась в значительной части национализированной, то ли непосредственно — организацией государственных мануфактур, то ли косвенно — посредством снабжения сырьем и сдельщиной, посредством контроля за производством, посредством реквизиций продукции и особенно посредством таксаций" (с. 241).

Как видим, все это очень близко к действительности и очень напоминает заимствование из той антиоларовской, клас-

сово-экономической концепции французской революции, которую в современной Франции представляет Матье.

Из трех авторов этой книги к Матье наиболее близок Лефевр, которым написаны все отделы до термидорианской реакции и который прямо ссылается на Матье, используя его выводы. Описывая последние месяцы якобинской диктатуры, Лефевр подробно останавливается на вантозских декретах, и соглашается с Матье в том, что именно в них был центр робеспьеристской политики (с. 247).

Оценка этого периода определяется той общей оценкой всего движения в целом, которую дает Саньяк в заключительных главах и на которой сходятся все три автора: Великая революция призвана была превратить Францию в государство демократической сельскохозяйственной буржуазии.

„Она не старалась уничтожить пролетариат, раздавая землю беднякам; она не отвлекла для них ни одной части национальных имуществ, которые были целиком распределены; она приготовляла — только исподволь, издалека, — сельскую демократию; но при этом она радикально изменила французское общество. Интересы заставили поступиться даже принципами. Чтобы защитить свои новые, еще не прочные приобретения, буржуа и крестьяне без колебаний призвали сильную власть, способную охранить их против возвращения Бурбонов и аристократии старого режима; именно эта необходимость социальной гарантии и привела Бонапарта и его диктатуру“ (с. 545).

Правильная оценка, хорошая оценка. Остается ли она для трех нынешних французских либералов только делом исторического прошлого? Не заставляет ли подкупающая искренность этих строк почувствовать самое актуальное стремление авторов к „социальной гарантии“, которая вынуждает даже „принципы“ уступить место „интересам“? **А. Р.**

PIERRE GAXOTTE, La Révolution française, Paris 1928, p. 447.

Книжку Гаксота стоит отметить хотя бы для курьеза: это новейшее произведение «католической и королевской партии», которая использует политические события позапрошлого века для политической борьбы нынешнего дня. Интерес курьеза в данном случае еще усиливается тем обстоятельством, что Гаксот, отличаясь такой же зоологической ненавистью к революции, как и все его собратья по оружию, отнюдь не отличается другим обычно свойственным им качеством: зоологической тупостью. В противоположность Ленотрам, Гаксот достаточно культурен, следит за специальной литературой, в частности и по экономической истории, и не брезгует в борьбе с политическими врагами использовать самих же врагов: автором, на которого Гаксот чаще всего ссылается, является не кто иной, как Альбер Матье! Если прибавить, что Гаксот пишет тем превосходным языком, на который в современной Франции черносотенцы как будто патент взяли, то придется признать, что перед нами очень удачный пример политической агитации врага, умело орудующего историей для решений своих конкретных политических задач. Для нас этот курьез тем более поучителен, что критическая позиция автора придает его глазу ту остроту, которой лишены столпы парламентского кретинизма из радикально-буржуазных историков.

Ограничимся несколькими примерами. Из-за чего произошла революция? Не из-за насущных экономических потребностей Франции: страна была богаче, чем когда бы то ни было, феодальный гнет почти не ощущался, цеховые стеснения ощущались несравненно меньше, чем это принято думать, а финансовые нужды государства могли быть разрешены значительно более простыми способами чем революция. Все это, как видим, только утрировка фактов, давно установленных историками, значительно больше симпатизировавшими революции. Но вывод сейчас же делается особый: причина революции — слабость власти, которая распустила деклассированных представителей буржуазной интеллигенции (48). «Мы», т. е граждане Третьей республики «граждане бюрократического посленаполеоновского и полусоциализированного (!) государства с трудом подозреваем», до чего децентрализированным и либеральным было это государство (14). Против него выступила интеллигенция, исполненная духа революционной нетерпимости и поклявшаяся поставить на место легитимного короля легитимный народ: «общая воля» это и есть они сами» (6).

Процесс революции был определен одним принципом—«слева нет врагов», и если отвлечься от романтических легенд. то весь он сводится к тому, что до 9 термидора бо́льшие демагоги истребляли меньших. Короткая перспектива обычно заставляет реакционных историков предметом своей ненависти делать ближайшего врага —либералов Конституанты и Бонапарта; начиная от якобинцев, они вообще перестают что бы то ни было понимать. Гаксот ведет себя много политичнее, его симпатии всегда на стороне более умеренных групп. Заклеймив либеральную буржуазию за 4 августа и разграбление духовенства, он затем свое негодование направляет против крестьян;

это они скупили за бесценок «добрую французскую землю», и если «крупные покупщики (т. е. буржуа) затем сами подверглись проскрипции в свою очередь», то крестьяне продолжали наслаждаться награбленным. Тем самым они стали «по обязанности защитниками режима, который сделал их собственниками, ценой столь незначительных издержек». Правда, они перестали «быть влюбленными» в революцию, которая «принесла для них все свои плоды»; но успокоения они ждут не в старом режиме, а от «республиканского диктатора, который сумел бы одновременно подтвердить устранение аристократов и обеспечить их наследников в спокойном пользовании конфискованными богатствами» (165). Это, конечно, печальный результат, но честный монархист готов примириться и на этом, ибо иначе может получиться и того хуже. С наслаждением цитирует он слова Барнава 15 июля 1791 г.: «Еще шаг вперед был бы гибельным и преступным актом... Если хотят продолжать процесс разрушения, найдут ли еще какую-нибудь подлежащую уничтожению аристократию, если не аристократию собственности?» (190).

Итак Гакзот готов на блок буржуазии с аристократией. Если он почему-либо и недоволен жирондистами, так это потому, что эти глупые буржуа не поняли, что своим радикализмом они сами развязывают враждебную им стихию: «парламентский радикализм жирондистов это не конец, это только этап к диктаторскому коммунизму», «скольжение налево не остановилось на буржуазной революции, но пошло дальше, вплоть до революции пролетарской» (259, 357).

Пролетарская революция, в этом все дело! Сводя, как будто, семейные счеты с радикальной буржуазией, Гакзот на самом деле смотрит в корень и метит много дальше. Ловкий черносотенец подробно останавливается на периоде якобинской диктатуры, а в оценке ее особенностей он как будто вполне согласен с нынешними робеспьеристами. Часто даже, ссылаясь на Альбера Матье, он принимает не только его личные характеристики политических фигур этой эпохи (кроме Робеспьера, конечно), но и характеристику экономического содержания мелкобуржуазной диктатуры, роль инфляции, оценку максимума, описание движения «бешеных», теорию вантозских декретов и многое прочее.

Во всем этом Гакзот делает только одну незначительную... поправочку. Вместо революционной мелкой буржуазии он говорит о революционном пролетариате и на место утопического эгалитаризма подставляет современный коммунизм. Правда, коммунизм означает отрицание частной собственности и обобществление средств производства, а мелкобуржуазно-ремесленнические стремления не шли дальше борьбы с «роскошью» и раздробления всех видов собственности на равные парцеллы даже у эбертистов, у «бешеных», в вантозских декретах... Но зато и коммунизм, и эгалитаризм одинаково порождают грандиозное массовое движение, одинаково экспроприируют «порядочных людей», одинаково приводят к народной диктатуре и одинаково поручают ей регулирование хозяйственных процессов, — стоит ли вспоминать о такой малости, как принципиальное отношение к институту собственности и различие классового субъекта! Главу о якобинской диктатуре Гакзот называет «Коммунистический террор» и объясняет гипертрофированный терроризм, безнадежную противоречивость и гибель этой диктатуры абсурдностью коммунизма. Испуганный мелкий буржуа очень свободно не заметит легкого усовершенствования и, убежденный авторитетом истории, укрепится в собственном своем предположении: «Коммунизм, как режим, противный природе, может породить только нищету и развалины. Регламентация, бюрократизм, инквизиция, принуждение, трибуналы, гильотина,— все это обанкротилось, обанкротилось полностью, абсолютно обанкротилось» (350).

Гакзот очень недоволен термидорианцами,— эти уж во всяком случае должны бы были сразу сдать дела королю! — но термидорианский переворот ему вполне нравится. Это единственный переворот в истории, закономерность которого несомненна: «Термидорианская реакция именно потому так широко и глубоко захватывает, что она совершенно народна. Это реакция желудков и интересов против коммунизма, голода и нищеты» (387). Таким образом, не только буржуа, а пожалуй и «добрый французский народ» должен убедиться, что до добра не ведет даже умеренный политический радикализм. Банальная задача реакционеров разрешена по-новому и не без ловкости.

Ловчее проявлена и та острота зрения, которая обеспечена автору его критической позицией. Мы не можем, например, с ним не согласиться, когда он на конкретных примерах показывает, что «революционная» буржуазия не имела ни объективных оснований для революционной политики, ни необходимых для этого субъективных качеств. Очень неплоха также—в сравнении с тем, что дает левобуржуазная историография, — оценка причин и характера террора: «Историки, которые хотят любой ценой представить нам монтаньярские гекатомбы, как достойные сожаления эксцессы законного отпора, должны быть в сильном затру-

днении, начиная с 1794 г. Поэтому в своем слепом желании обелить систему они принуждены свалить на одного человека, Робеспьера, все преступления, которые иначе им не удается объяснить. Честолюбие Робеспьера, лицемерие Робеспьера, жестокость Робеспьера, — на каждой странице возвращаются к этим словам. Детское удивление! Террор это самая сущность революции, потому что революция это не простая перемена режима, а социальная революция дело экспроприации и истребления» (323).

Прежде чем расстаться с Гакзотом, следует отметить еще одну подробность, отличающую этот новейший продукт реакционной исторической публицистики от всех предшествовавших. Как и Мортимер-Терно, и Тэн, и Мадлен, наш автор проявляет бешеную ненависть к стихийному народному движению. Его отношение к революционным массам это—отношение, хорошо нам памятное по «крику души» недавнего нашего врага: «пулеметов бы сюда, пулеметов». Однако, в противоположность своим предшественникам, Гакзот не склонен ни переоценивать стихийности массового движения, ни особенно распространяться на тему о своих чувствах к нему. Наоборот, он старается преуменьшить размах этого движения, ловко оперируя данными об избирательном абсентеизме и, главное, отнять от него характер стихийности. Центр внимания Гакзот переносит на якобинские клубы: вот где нерв революции, вот где единственная ее движущая сила. Действительное значение этого прообраза революционной партии Гакзот явно преувеличивает. Так, влиянием клубов объясняются не только все события с 10 августа 1792 г. до 9 термидора, но даже «великое устрашение» лета – осени 1789 г. (124 — 125). Преувеличивает Гакзот вполне сознательно: опыт фашизма не прошел бесследно для французских реакционеров—они поняли значение организованного, крепко сколоченного меньшинства для дела революции и контрреволюции.

В заключение отметим еще один курьез в этой книжке. Книжка, как читатель видел, вполне «академическая», она трактует о событиях позапрошлого века и ни разу не упоминает об Октябрьской революции, о СССР. Но ни разу не встречаясь в тексте, имя «Россия» все-таки фигурирует в ней один раз... на обложке. Предупреждая, согласно обычаям, о сохранении всех издательских прав, автор в противоположность обычаям присовокупляет, что сие должно иметь значение «для всех стран, —в том числе и для России». Вот уж поистине напрасная предосторожность!

С—й

ВОКРУГ КЛЕМАНСО

GEORGES CLEMENCEAU, Grandeurs et misères d'une victoire, Paris 1930. **J. MARTET**, Le, silence de Clemenceau, Paris. **ЕГО ЖЕ**, Clemenceau peint par lui-même, Paris 1930. **ЕГО ЖЕ**. Le tigre, Paris 1930.

В апреле 1920 г. — вскоре после своей неудачи на президентских выборах — Клемансо вышел в отставку и отстранился от политической деятельности. За истекшее десятилетие вышел целый ряд его книг — „Au soir de la pensée", „Демосфен", „Клод Моне" (работа, посвященная этому художнику, появилась в 1928 г.), но самая тематика этих работ демонстративно подчеркивала нежелание Клемансо высказываться по политическим вопросам. Молчание и было формой, очень несвойственной, правда, Клемансо, в которой он высказывал свое резкое осуждение курса правительственной политики.

В 1929 г., после смерти Фоша, появился его „Мемориал", в котором резко критиковалась деятельность Клемансо. На этот раз 90-летний Клемансо решил прекратить тактику молчания. В апреле 1929 г. он начал работу над книгой „Величие и упадок победы", своей последней книгой, потому что в ноябре Клемансо умер.

Сейчас же вслед за смертью Клемансо вышли три томика записей разговоров Клемансо, принадлежащих перу его секретаря Марте. Разумеется это не аутентичные проверенные записи, тем не менее полное совпадение отдельных формулировок в записях Марте с текстом „Grandeurs et misères" (вышедших из печати позднее первых томиков Марте) и появление в них ряда документов из архива Клемансо (отрывки из начатых мемуаров о 1871 годе, письма, планы работ и т. д.) дают право отнестись к этим работам, как к небесполезному источнику для изучения биографии Клемансо. Марте приводит записи бесед 1928—1929 гг., когда он помогал Клемансо сперва в разборке его архива и позже в процессе писания книги.

Самая книга Клемансо посвящена, собственно говоря, истории его взаимоотношений с Фошем и Пуанкаре в 1918 — 1920 гг. Первые главы („Единство командования", „Шмен де дам", „Использование американских контингентов" „Кризис британских войск", „Перемирие") очень подробно излагают историю всех столкновений между Фошем и министром-президентом. Главы эти дают целый ряд фактов для характеристики взаимоотношений союзников в последний год войны. Подробнее всего Клемансо остановил-

ся на столкновениях с Америкой, которая хотела создать самостоятельную автономную армию и отказывалась вводить отдельные части в франко-английские армии. В результате в тылу западного фронта скопилось к началу осени около двух миллионов солдат, которых командующий американскими войсками Першинг упорно отказывался вводить в бой до окончания формирования особой армии. Между тем весна и лето 1918 г. были крайне критическими для Антанты. После мартовского поражения англичан— их потери в приводимых Клемансо документах исчисляются в 200 тыс. человек— британское командование отказалось восполнить убыль солдат и собиралось уменьшить число воинских единиц на девять дивизий. Только угроза Клемансо (в письме к Ллойд-Джорджу от 16 мая), что в этом случае французы в свою очередь немедленно сократят число дивизий, заставила англичан отказаться от своего намерения. В конце мая 1917 г. совершенно неожиданно для Фоша был прорван фронт у Шмен де дам. Положение было настолько серьезно, немецкая угроза и Парижу, и Калэ — т. е. сообщениям с Англией — настолько велика, что на поставленный англичанами вопрос, что он собирается защищать—Париж или Калэ, Клемансо отвечал: „Калэ“ и поставил перед Пуанкаре вопрос об эвакуации Парижа. Заместитель Фоша Петен заявил Клемансо, что „Париж будет взят“[1].

Англичане согласились на установление единого командования только после разгрома их армий в марте. Англия и Франция добиваются обязательства американцев доставлять по 120 тыс. пехотинцев в месяц в течение мая—июля и ввода американских частей в дело. Положение фронта оставалось настолько напряженным, что за месяц до перемирия Клемансо (он подчеркивает тревожную ноту донесения генерала Манжена: „люди устали“) считал, что нужны самые резкие меры, чтобы заставить американцев выступить на фронт. Он пишет письмо Фошу: „Родина приказывает вам, что бы вы приказывали“, и требует, чтобы Фош отдал приказ Першингу выступить (проект письма датирован 11 октября; Пуанкаре настойчиво советовал не отправлять письма и говорил, что в ответ на такой тон приказа он на месте Фоша подал бы в отставку)[2].

Любопытный штрих, рисующий взаимоотношения Франции и Англии и свидетельствующий о непрерывной борьбе между ними—спор Клемансо с Ллойд-Джорджем по вопросу о командовании ближне-восточной армией. Ллойд-Джордж упорно противился назначению Франше д'Эспере, т. е. объединению командования во французских руках. Наконец 6 октября 1918 г. он самолично предписал английскому генералу Мильну, бывшему под командой Франше, стать под руководство командовавшего английскими войсками в Палестине Алленби и провести объединенными английскими силами операцию по захвату Константинополя с суши. Клемансо резко воспротивился такому „нарушению англо-французского союза“ и добился отмены этого распоряжения.

Момент перемирия вносит огромное обострение в эту борьбу. Клемансо ссылается на воспоминания Черчилля, что в вечер заключения перемирия его беседа с Ллойд-Джорджем была посвящена исключительно одному вопросу, как притти на помощь Германии. Когда через несколько лет после Версальской конференции Клемансо заявил в беседе с Ллойд-Джорджем: „на следующий же день после перемирия я нашел в вас противника Франции“, последний открыто отвечал: „Не правда ли, это наша традиционная политика“[3].

Под углом зрения этой „традиционной политики“ Клемансо и освещает борьбу на мирной конференции вокруг Рейна и Саара. Известно, что Фош и Пуанкаре, отражая интересы тяжелой индустрии и настроения военных кругов, критиковали „уступчивость“ Клемансо, начиная с момента заключения перемирия. Пуанкаре противился подписанию последнего: 8 октября, после предложения Макса Баденского, он писал Клемансо, что нельзя приостанавливать наступления, („vous n'allez pas couper les jarrets à nos soldats“).

Фош отказался в апреле 1919 г. переслать депешу Клемансо о приглашении немецких делегатов на конференцию, и председателю конференции пришлось пересылать ее своими средствами.

Во время версальских переговоров Фош предлагал выделить ему на помощь чиновника из министерства иностранных дел и поручить ведение самостоятельных переговоров с Германией[4]. Само собой разумеется, что Клемансо, который утверждает даже в своей книге, что „любой

---

[1] См. „Clemenceau peint par lui-même“, p. 76—77; „Le Tigre“, p. 189.

[2] Clemenceau, Grandeurs et misères d'une victoire, см. главу об американских контингентах, с. 50—52, 65 и след. Клемансо сравнивает несколько раз цифру французских потерь (1.360 тыс. убитых) и американских (55 тыс.,—с 26 сентября по 20 октября). Кстати Фош не решился следовать совету Клемансо и не отдал приказа Першингу.

[3] Clemenceau, Grandeurs et misères, p. 99.

[4] Jbid., p. 222.

„бош"— даже доктор Берлинского или Мюнхенского университета — по своим нравственным качествам стоит ниже первого попавшегося сенегальца", что „немцы любят смерть, бош любит войну, потому что в конце ее есть жертва, война это договор со смертью, бош встречается здесь со своим лучшим другом",— вел на Версальской конференции самую вызывающую политику по отношению к Германии. Но когда Клемансо от имени французского правительства потребовал длительной — фактически неограниченной — оккупации Рейнской области и Саара, он встретил решительный отпор со стороны Англии и Америки. „В день, когда я должен был представить договор палате, чуть все не было сорвано. Ллойд-Джордж пригрозил, что он уходит, если я не соглашаюсь только на два года оккупации Рейнской области вместо пятнадцати. Я ответил, что если он сохраняет свою угрозу, то я отправляюсь в палату, чтобы подать в отставку после объяснений. Без поддержки Вильсона договор был бы в тот же день расторгнут"[5]. Это столкновение было только одним из наиболее резких в цепи других. Америка и Англия самым решительным образом воспротивились рейнским планам Франции. 14 марта 1919 г., как сообщает Клемансо, Ллойд-Джордж предложил ему военный договор (гарантию вмешательства Англии в случае нападения на Францию) в обмен на отказ от оккупации и от требования независимости левого берега Рейна. Клемансо совершенно точно объясняет, почему он вынужден был пойти на уступки: „я мог захватить Рейн, только порвав с союзниками".

Пуанкаре ни разу в заседаниях совета министров не возражал против поведения Клемансо, захватническая политика которого менее всего могла быть охарактеризована как уступчивая. Он согласился с мартовским предложением Ллойд-Джорджа и Вильсона о гарантийном пакте взамен долгосрочной оккупации, фактической аннексии левого берега Рейна. Однако, как совершенно очевидно выяснилось впоследствии[6], он одновременно конспирировал с Фошем и Генеральным штабом, и с его санкции командование перешло к самостоятельной политике. Книга Клемансо содержит очень любопытные документы для характеристики как политики Пуанкаре, так и лицемерных методов маскировки подготовлявшейся им аннексии Рейнской области.

Нужно отметить, что в рецензируемых книгах личность Пуанкаре очень ярко характеризует целый ряд фактов. В 1913 г., например, перед президентскими выборами Пуанкаре послал к Клемансо некоего Мориса Бернаро, который передал, что если Клемансо будет содействовать избранию Пуанкаре в президенты, то он будет назначен председателем Совета министров. Клемансо ответил Пуанкаре письмом: „после того как вы осмелились предпринять такой шаг, имею удовольствие вам сообщить, что больше с вами незнаком"[7].

Пуанкаре и штаб решились использовать автономистское движение' начавшееся в декабре 1918 г. Руководимое главным образом католическим центром, это движение, как видно из всех документов, собранных в книге, отнюдь не было антинемецким, оно было антиреволюционным. Это была попытка под охраной союзнических штыков создать западную немецкую республику, отгородиться от революционного Берлина, „построить плотину от опасности большевизма".

С автономистами вступил в ближайшие сношения командующий французскими войсками генерал Манжен. Все мероприятия „автономистов" проводились под руководством французов. Дортен, будущий председатель правительства, представил на утверждение Манжена проекты деклараций об учреждении Рейнской республики. Манжен отверг первый проект документа о провозглашении автономии (17 мая); под его непосредственную диктовку принят был второй. Провозглашение республики было целиком подготовлено, и Манжен приступил к последним мероприятиям для осведомления союзных генералов об организованной им „революции". Однако Елисейскому дворцу и генштабу пришлось встретиться с теми же препятствиями, что и Клемансо в Версале. 23 мая Вильсон направил следующее письмо председателю Совета министров: „Я получил сообщение от нашего командующего оккупационной армией, которое причиняет мне серьезные заботы. Этим утром генерал Манжен, командующий французскими войсками в Майнце, послал полковника генерального штаба в штаб генерала Лиггетта в Кобленце, чтобы выяснить наше отношение к политической революции на левом берегу Рейна с

[5] „Grandeurs et misères", p. 200, „Le silence de Clemenceau", p. 262, „Clemenceau peint par lui-même", p. 99.

[6] См. текст письма Клемансо к Тардье от 24/XI 1923г. („Le silence", p. 244—248). Пуанкаре ни слова не возражал в Совете министров, однако, как он заявил только в 1923 г., он имел совещание с Фошем о возможности своей отставки и одобрил план поддержки автономистского движения.

[7] „Le silence de Clemenceau", p. 308.

целью создания свободной Рейнской республики, независимой от Германии. Полковник уверял, что около 50 депутатов готовы явиться в американский сектор, чтобы помочь развертыванию революционного движения. Генерал Лиггетт совершенно правильно отказался рассматривать это предложение. Он дал инструкции о недопущении политических агитаторов в район нашего расположения, и я уверен, что эти инструкции найдут ваше полное одобрение". Остается добавить, что генерал предполагал, что „агитаторы"— это французские депутаты.

Перед таким отпором Клемансо оставалось только уступить. Однако, инсценировка движения была настолько подготовлена, что 1 июня республика была провозглашена. Манжен немедленно информирует об этом непосредственного руководителя всей операции по захвату Рейна, Пуанкаре, и шлет ему учредительные документы новой „республики". Последний сообщает Клемансо: „я предполагаю, что генерал не переслал бы мне эти адреса, если бы движение не было серьезным, а если оно серьезно, я надеюсь, что союзники не заставят нас его подавить. Рейнская республика, будучи образована „в границах германской империи", не является даже актом сепаратизма. Так как провозглашен народный опрос, то, повидимому, здесь ничто не может шокировать президента Вильсона. Мне кажется, что будет очень печально, если мы займем враждебную позицию против этих еще очень скромных попыток самостоятельности".

Клемансо совершенно правильно подчеркивает лицемерное начало письма: „я предполагаю", тогда когда речь идет о фактах, которые были ему превосходно известны. Пуанкаре был решительным сторонником захвата Рейна в какой бы то ни было форме и совещался даже с Фошем — совершенно секретно — о возможности своего выхода в отставку, так как Версальский договор не удовлетворил этого притязания. Однако, санкционируя переворот и вероятно руководя действиями командования, непосредственно сносясь с Манженом, Пуанкаре лицемерно скрывает свою позицию, не защищает и не выявляет своей позиции даже в письме к Клемансо.

Разумеется, так как в силу вмешательства союзников французские власти лишены были возможности открыто организовывать „автономистов", движение совершенно не удалось. Цитируемый Клемансо официальный французский историк „Рейнской республики" признает, что „движение удалось бы, если бы французские власти не были вынуждены... сохранять нейтральность" [8].

Именно эта часть книги Клемансо, независимо от его желания, очень полезна не только для выяснения обстановки борьбы между империалистами в Версале, но и для характеристики Пуанкаре и Фоша, как руководителей крайних аннексионистских элементов, не довольствующихся даже брутальной политикой Клемансо, для истории подготовки Пуанкаре и Манженом аннексии Рейна. Клемансо наглядно доказал лицемерие Пуанкаре и окружавших его генералов. Достаточно указать, что тот же Манжен заявил: „когда Дортен провозгласил республику, это было для меня сюрпризом",— тот самый Манжен, который самолично редактировал или составлял манифест Дортена. „Это было просто издевательством над миром", замечает Клемансо, и эта компетентная оценка целиком может быть перенесена и на нынешние опровержения Пуанкаре и генералов из французского генштаба.

Отметим, что Клемансо дал правильную оценку роли генерала Вейгана, который, очевидно, был в большей мере душой генерального штаба, чем старик Фош, и который позже организовал отпор Красной армии под Варшавой. „Вейган — опасный человек, способный в момент кризиса пойти очень далеко, и притом очень умный. Опасный, но очень ценный. И имеющий огромное достоинство делать без того, чтобы говорить и чтобы о нем говорили. Он отправился в Польшу. Он все поставил на место. Он вернулся, не справляя победы, ничего не сказал; никто не знает, что он делает". Но этот „опасный" и „молчаливый" Вейган снова возглавляет генштаб.

Последняя часть книги — чисто полемического характера — имеет целью доказать, что все правительства, наследовавшие Клемансо, оказались неспособными использовать выгоды Версальского договора, ликвидировали результаты победы. „Франция разоружается,— Германия вооружается" — новое нападение Германии совершенно неизбежно. Судя по разговорам с Марте, новую войну Клемансо считал совершенно неизбежной: „это история с сокращением вооружений и объявлением войны вне закона — чудовищное неслыханное шутовство", „раньше чем через 10 лет мы будем иметь войну", „боши снова к нам ворвутся", „я провижу ряд войн: Аме-

---

[8] Клемансо приводит показательный документ — рассказ о том, как в 1924 г. в Пирмазане, городе, занятом французами, сепаратисты были подожжены в доме, который они занимали, и вырезаны все до одного,— настолько велика была ненависть немцев к этим агентам французского штаба.

рика, Англия, Германия — целая корзина крабов".

Если книга Клемансо достаточно ярко характеризует Пуанкаре и Фоша (любопытно, что в 1916 г. Фош заказал 15 своих бюстов и разослал их виднейшим политическим деятелям, в том числе Клемансо, и вел через своих доверенных людей кампанию за назначение его главнокомандующим), то в трех книжках Марте — в очень разбросанном виде — собран целый ряд фактов, характеризующих эволюцию самого Клемансо, его превращение из крайне левого республиканца, друга Луизы Мишель, в реакционного диктатора Франции. Мы коротко приведем основные, наиболее любопытные факты для биографии Клемансо, не задаваясь здесь целью их обобщения.

Основным влиянием, под которым сложилось политическое лицо Клемансо, последний считал влияние своего отца — крайнего республиканца, воспитанного на робеспьеристских традициях и крайне отрицательно относившегося к Дантону; эту антидантонистскую установку сохранил и сам Клемансо. В июне 1848 г. отец хотел отправиться в Париж на помощь восставшим. В период второй империи он был арестован. Последовательный позитивист, он возил сына в Лондон знакомиться с Джоном Стюартом Миллем, книгу которого о Конте Жорж Клемансо перевел во время своего пребывания о Соединенных штатах (в 1865—1869 гг., сейчас же после окончания гражданской войны). Молодой Клемансо был таким же последовательным позитивистом и материалистом, близким другом Бюхнера, крайне левым республиканцем. Совершенно естественно, что в 1870 г. он был избран мэром самого революционного района Парижа—18, на территории которого и разразилось мартовское восстание. В „Clemenceau peint par lui-même" воспроизведены декреты муниципалитета—интересен протест 31 октября (день бланкистского выступления); муниципалитет с возмущением протестует против перемирия, которое „правительство может принять не иначе, как изменив". Клемансо-мэр издал распоряжение об отмене преподавания катехизиса в школе, и первой на его призыв откликнулась Луиза Мишель. Клемансо получил в 1871 г. обещание от Тьера, что пушки на Монмартрских холмах не будут тронуты, — попытка их отнятия была для него неожиданной, но столь же неожиданным был и отпор масс, как видно из напечатанных отрывков мемуаров.

Восставшие были уверены, что Тьер посвятил мэра в свои планы, — Клемансо оказался сразу меж двух лагерей. Уже в дни Коммуны Клемансо не был вместе с якобинцами — здесь проявлялась его слабость, далеко не личная. Классовая природа тех слоев, к которым он примыкал, обнажилась при первом столкновении с самостоятельным рабочим движением. В 80-х гг. Клемансо — вождь крайнего левого радикального крыла — вел переговоры с Ферри; основным пунктом его программы — „моей главной идеей (ma grande idée) того времени было бесплатное и обязательное светское обучение"; социальной проблемы для Клемансо не существовало даже и в 80-е гг. Клемансо мог быть передовым республиканцем, когда шла борьба вокруг чисто политических проблем — не случайно его высоко ценил Гамбетта, предлагавший ему пост мэра в Лионе еще в феврале 1871 г.; в период борьбы с Мак-Магоном Клемансо был секретарем парламентского блока левых и, как он сообщает, готовил вместе с Гамбеттой военное выступление в Лилле [9].

Когда начало оформляться после разгрома Коммуны рабочее движение, Клемансо сперва считает его продуктом неправильной политики. Даже в беседах с Марте Клемансо дает совершенно невероятное объяснение причин усиления революционного движения в годы войны. „То, что дает мужество—это идеи. Революционеры имеют столько же идей, сколько мой старый башмак. У них много злобы... Революционер этого рода —это обычно неудачник, который ничего не мог добиться в обществе нормальными, законными способами... это претенциозное существо, имеющее очень высокое мнение о себе, которое рассчитывает взобраться на верхушку благодаря своим талантам. Он замечает, что он не достиг большего, чем кондуктор трамвая или подметальщик улиц. Отсюда он делает вывод, что справедливости не существует" [10].

С ростом рабочего движения Клемансо становится решительным противником пролетариата. И во все моменты, когда рабочее движение становилось угрожающим, буржуазия призывает его к власти; так было в 1906—1909 гг., так было и в 1917 г. В „Silence" есть ссылка на письмо очень видного парламентария—

---

[9] См. „Clemenceau peint par lui-même", p. 153. Приведено полностью письмо Гамбетты от 3 февраля 1871 г.; там же на с. 211 приведен протокол заседания Comité de délégués des gauches от 8 ноября 1877 г., на котором присутствовали Луи Блан, Флоке, Гамбетта, Ферри, Бриссон, Греви, Локруа, Л. Рено, Лепин — будущий префект в Париже. Протокол вел Клемансо.

[10] „Clemenceau peint par lui-même", с. 13.

Виоллета, который в 1908 г. сообщал Клемансо, что „мой голос за ваше предложение о роспуске Всеобщей конфедерации труда обеспечен“. Эту тактику решительного подавления рабочего движения Клемансо предлагал сейчас же после объявления войны: он советовал Мальви арестовать сейчас же по знаменитому carnet 4 тысячи человек—головку рабочих организаций. „В 1916—1917 гг. я говорил: вы хотите войны,— тогда, начните с того, что заставьте молчать анархистов“[11], В книжках Марте приведен ряд фактов об истории свержения Мальви, бывшего министра внутренних дел. В распоряжение Клемансо был предоставлен специальный доклад «Sûrété générale» о пацифистской пропаганде—«благодаря ему вы свергли Мальви». Тогда как Мальви, применявший в совершенно достаточных размерах репрессии против рабочего движения, заявлял все-таки, что он не хочет распускать рабочих организаций, Клемансо требовал изменения всей политики, обвинял „в терпимости по отношению к банде антипатриотов“. Клемансо пришел к власти 16 ноября 1917 г., это был ответ французской буржуазии на восстания в армии (в мае-июне)[12], на подъем рабочего движения (приближалась с.-этьеннская стачка)[13], на октябрьскую революцию в России. Террор Клемансо—этого потомственного «робеспьериста»—распространился не только на «пацифистов», но и на Мальви и Кайо, руководителей радикально-социалистической партии, которую создал и организовывал сам же Клемансо! Любопытно между прочим опасение перед Жоресом, которого Клемансо характеризует как человека, совершенно лишенного любви к человечеству(!), злого и опасного, «если бы мы имели с ним дело во время войны, мы бы погибли. Лучше гораздо иметь дело с Ренoделем»[14].

Имея за спиной полвека парламентской деятельности, Клемансо глубоко разочаровался в режиме парламентаризма. Он непрестанно говорит о разложении парламента, сравнивает нынешнюю эпоху с „упадком Рима“, жалеет о том, что Сена не протекает немного левее, чтобы смыть здание палаты депутатов. У Клемансо совершенно явственно звучат чисто фашистские нотки. Выставив свою кандидатуру в президенты, он пытался продлить и упрочить тот режим диктатуры, который установился в годы войны. „Внешне обращаясь к парламенту, я всегда обращался к стране... Если бы я был избран в президенты, то не для того, чтобы открывать выставки плодоводства. Я сделал бы или попробовал бы что-либо сделать“. Эта эволюция—далеко не случайная—Клемансо, одного из наиболее ярких политических деятелей Третьей республики, глубоко характерна для понимания перспектив ее политического развития, для определения глубины кризиса парламентаризма.

Жорес видел в Клемансо злого гения радикализма. Его поражало отсутствие у Клемансо каких-либо руководящих идей в социально-экономической политике. Он считал, что Клемансо не понимает социальной проблемы, что это личная его слабость, что у передовых радикалов нет этой „узости“ Клемансо. Жорес не видел основного,— что позиция Клемансо отражает изменение в роли и существе французского радикализма. Радикалы могли опираться на поддержку значительного слоя рабочих и мелкобуржуазную демократию в 70—80-х гг., когда они были в оппозиции. Став у власти, они неминуемо должны были разрушить последние демократические иллюзии у пролетариата. „Демократическая“ республика является по отношению к пролетариату все той же „дубинкой, rien de plus“ (Ленин). Самый наглядный урок в этом отношении давал пример Клемансо.

О минувшем прошлом мэра революционного Монмартра, казалось, напомнило выступление Клемансо в 1906 г. в Па-де-Калэ не на собрании горняков, созванном реформистами, а именно на революционно-синдикалистском митинге. Но когда по приказу того же Клемансо в угольный бассейн была стянута армия в несколько десятков тысяч, радикализм и Клемансо выявили сущность своей политики — отстаивание какими угодно средствами господств крупного капитала.

Клемансо имел основную идею во внешней политике — реванш. Эту идею в 70—80-х гг. разделял только левый демократический фланг Франции. Тогда Клемансо сопротивлялся колониальной политике Ферри, защищавшейся крупной буржуазией. Но в XX столетии реванша—войны с Германией—добивается именно империалистическая буржуазия, и самым звонким ее голосом был, конечно, не Дерулед, а Клемансо. С присущей ему решительностью он собирался рвать с Гер-

---

[11] „Le Tigre“, p. 281.

[12] «... были восстания, когда колебалось командование». См. «Grandeurs», p. 95; там же, p. 321 в «мотивировке приговора о Мальви. Речь идет о «преступной пропаганде», бывшей главной причиной военных мятежей (mutineries militaires) в мае—июне 1917 г.».

[13] При просмотре архива Клемансо отвечал на телеграммы префекта Луары Lallemand'а „немного affolés. Ему всегда чудилась революция завтрашний день“. („Le silence“ p. 232)

[14] „Clemenceau peint par lui-même“, p. 157.

манией при первом подходящем случае.

В беседах с Марте Клемансо сообщает, что в 1908 г., во время казабланкского инцидента, он запросил военного министра Пикара, можно ли начинать войну, и, получив утвердительный ответ, отказал Германии в ее требованиях, идя на разрыв, и, как цинично он признает, лишь для вида прикрылся предложением гаагского арбитража.

Текст первоначально составленного им ответа был настолько дерзким и провокационным, что даже верный подручный Клемансо — министр иностранных дел Пишон — отказался его посылать [15]. Как внутренняя, так и внешняя политика Клемансо диктовалась ему крупным капиталом.

Эту близость к крупной буржуазии у бывшего друга Луизы Мишель можно проследить и по отдельным черточкам, проскальзывающим в книжках Марте. Клемансо сообщает, как он завещал в 90-х гг. воспитание своих детей Корнелиусу Герцу, этому виднейшему финансовому авантюристу времен Панамы. Неоднократно встречаются упоминания о беседах с виднейшими финансистами, с Ротшильдом. Ситроен дарит потомку „Неподкупного" великолепную машину.

Для ограниченного капиталистического кругозора Клемансо характерно его отношение к СССР. Для него советское правительство превратилось в буржуазное: „время от времени еще кое-кого расстреливают", но это не меняет существа дела.

Будь Клемансо помоложе, не исключена возможность того, что он возглавлял бы антипарламентское фашистское движение в интересах крупной буржуазии. И это был бы глубоко поучительный итог не только его личной политической карьеры крайне левого республиканца „робеспьериста", мэра революционнейшего района, но и эволюции Третьей республики, эволюции буржуазного государства в эпоху империализма, в эпоху войн и революций. **В. Далин**

Проф. С. Г. ЛОЗИНСКИЙ. Социальные корни антисемитизма. «Атеист».

Исследование социальных корней антисемитизма является весьма ответственной и сложной задачей. Здесь особенно требуется марксистско-ленинская четкость, дабы не скатиться, с одной стороны, к сентиментальному и пошлому филосемитизму, которым проникнуты писания как еврейских, так и либеральных нееврейских буржуазных публицистов, а с другой,— к великодержавному шовинизму. Исходным руководящим положением должны служить следующие слова В. И. Ленина в его известной речи о погромной травле.

«Враги рабочих — капиталисты всех стран. Среди евреев есть рабочие-труженики — их большинство. Они наши братья по угнетению капиталом, наши товарищи по борьбе за социализм. Среди евреев есть кулаки, эксплоататоры, капиталисты, как и среди всех нас. Богатые евреи, как и богатые русские, как и богачи всех стран в союзе друг с другом давят, гнетут, разъединяют рабочих».

Игнорирование эксплоататорской роли еврейских господствующих классов льет только воду на антисемитскую мельницу, только классовая правда является мощным идеологическим орудием и в борьбе с антисемитизмом.

Недостаточно поэтому излагать историю гонений на евреев. Нужно вскрывать материальную основу этих гонений и не стесняться при этом обнаруживать эксплоататорскую роль еврейских богачей — капиталистов и ростовщиков, возбуждавших острое недовольство масс. Но марксистский историк антисемитизма должен также показать, как ловко еврейские капиталисты использовывали в своих классовых целях гнет антисемитизма и погромов, чтобы переложить их тяжесть на плечи еврейских трудящихся масс. Только при подобной постановке проблемы рабочий или крестьянин сможет понять, что антисемитизм — этот «социализм дураков» — не только не защищает угнетенных масс, но и усиливает гнет богачей всех стран, в том числе и еврейских.

Нужно отметить, что от духа апологетики не свободны и некоторые брошюры марксистов, посвященные борьбе с антисемитизмом, но особенно опасно, когда еврейский национализм проводится под покровом марксистской фразеологии. Такова именно разбираемая работа проф. С. Г. Лозинского. Автор в своем предисловии указывает, что его книга является одной из первых попыток дать марксистское освещение сложной проблемы антисемитизма. «Мое согласие (написать эту книгу),— объясняет он,— было дано ввиду того, что на протяжении моей двадцатилетней научно-литературной деятельности я неоднократно касался вопроса об антисемитизме и вплотную подходил к нему, когда писал свои труды по инквизиции и когда редактировал исторический отдел в 16-томной «Еврейской энциклопедии». Автор полагает очевидно, что его двадцатилетний «марксистский» стаж в качестве одного из редакторов «Еврейской энциклопедии» и сотрудника других еврейских буржуазных изданий

[15] „Clemenceau peint par lui-même", p. 80.

только облегчил его ответственную и сложную задачу. Мы же не можем разделять подобного оптимизма. Слишком над ним довлели старые буржуазные схемы его прежних «трудов». Целевая установка этой книги — национально-апологетическая. Поэтому о каком бы то ни было классовом анализе не может быть и речи. Это не трудно доказать на некоторых вопросах, освещенных в этой книге.

Проф. С. Г. Лозинский не допускает, чтобы ростовщические операции евреев в средневековой Западной Европе должны были служить причиной гонений на них, так как, по мнению автора, «кредитная монополия евреев в средние века является мифом... Разумеется, евреи занимались в средние века и ростовщичеством, но им занимались также и христиане, вызывавшие недовольство своих единоверцев в такой же степени, как и евреи. Есть даже указания, что христианские ростовщики были хуже еврейских» (с. 46-47). Но из того, что кредитная монополия евреев была мифом, вовсе не следует, что в преобладании среди евреев ростовщичества нельзя искать материальную причину острого недовольства и вызванных им гонений. А это именно старается смазать автор. Это только доказывает, насколько он плохо понял роль докапиталистического ростовщичества вообще и еврейского в частности. А между тем роль докапиталистического ростовщичества достаточно была освещена у Маркса, у которого можно было найти ключ к объяснению и острой ненависти к евреям. Именно особенность докапиталистического ростовщичества заключалась в том, что оно не ограничивалось долей прибавочного продукта, а, как паразит, высасывало все соки самостоятельного производителя, пока не становилось на его место («Капитал», т. III, гл. XXXVI). По Лозинскому же выходит, что раз еврейский ростовщик не был монополистом и на ряду с ним фигурировал еще более алчный христианский ростовщик, то первый и не должен был аккумулировать острое недовольство масс. Недаром эта аргументация «марксиста» Лозинского подхватывается его соратником по «Еврейской старине» С. Гершбергом, чтобы в морально-религиозных представлениях населения о евреях указать основную причину антисемитизма и отстаивать, таким образом, ту точку зрения, что «примат приходится безусловно признать за этими понятиями, т. е. за фактором культурно-религиозным» («Еврейская старина», т. XII, с. 297). Сам Лозинский не решается столь храбро наступать на марксизм, а предпочитает прятать концы в воду. Но по существу он также органически не в состоянии принять марксово понимание докапиталистического ростовщичества, потому что оно идет в разрез с обычной апологетикой, которая проводится им вместе со всей буржуазной еврейской историографией. Отсюда антимарксистская идеализация еврейского ростовщичества, которое, по мнению Лозинского, служило даже опорой для мелкого собственника. «Последняя (т. е. ростовщическая деятельность евреев), — пишет он, — казалась мещанству грабежом, хотя очень часто евреи поддерживали городскую мелкоту в ее классовой борьбе с более сильным торговым капиталом, который без помощи, оказываемой ей еврейскими ссудами, быстрее и полнее уничтожил бы эту самую мелкоту» (с. 68).

Отказываясь от материалистического освещения классовой борьбы, принявшей национальную окраску, Лозинский явно притягивает за волосы искусственные схемы, вроде того, «что классовая борьба требовала чистой и обильной смазки еврейской кровью», так как-де, «евреи оказались в положении того холопа, у которого трещит чуб от того, что паны дерутся между собой» (с. 61—62). Чем же это объяснение отличается от апологетичных «толкований» Дубновых, Гессенов, Вишняковых и др?

Правда, при изложении казацкого восстания в Польше автор уже не может скрыть, что в столкновении шляхты и крестьянства евреи оказались в лагере эксплоататоров. Но и здесь эта эксплоататорская роль изображается, как навязанная извне. Евреи-арендаторы не больше, «как польское орудие в деле угнетения» и то «волей экономических обстоятельств» (с. 141). С другой стороны, автор не может отделить интересов казацкой буржуазии от интересов революционного крестьянства, выступления которого фигурируют у него как выступления «банд».

Чем ближе к современности, тем явственнее выступает антимарксистская позиция автора. Он ничего не говорит о том, как реагировали на антисемитскую политику царизма различные общественные классы еврейства; например, совершенно замалчивается позорная роль еврейских представителей в губернских комиссиях 1881 г., взваливавших вину за погромы на «крамольников». Ничего не говорится об усилении национализма вместе с ростом правительственных репрессий среди мелкобуржуазных еврейских партий.

Не менее любопытна тенденциозная попытка автора изобразить русскую либеральную буржуазию, как единственную общественную силу, противостоявшую погромному антисемитизму. Если бы не

случайная цитата из статьи Ленина в «Искре» о кишиневском погроме, читатель вообще не узнал бы, нашла ли погромная эпопея какой бы то ни было отклик среди революционного крыла русской социал-демократии.

Автор, следуя правилу, что «лицемерие есть дань добродетели», вслед за цитатой из Ленина начинает разрисовывать «подвиги» русской либеральной буржуазии в ее «борьбе» против погромного антисемитизма, в частности против затеянного правительством ритуального дела Бейлиса. «Раздраженное неудачей правительство, — пишет Лозинский, — мстило всем либеральным кружкам и деятелям прессы, которые своей агитацией против гнусного навета вырвали добычу из рук черносотенцев» (с. 204), хотя «эта ужасная» месть болтунам, ограничившимся бумажными резолюциями, выразилась в ничтожных взысканиях. Автор однако в назидание потомству счел нужным опубликовать имена подписавшихся под протестом «борцов», среди которых читатель найдет... Милюкова, Петрункевича, Родичева, Чирикова, Пешехонова и других густопсовых представителей белой эмиграции. А голос революционной подпольной прессы, голос русских рабочих? Он заглушен в этой книге барабанным боем пошлого славословия русскому либерализму.

В заключение один недоуменный вопрос: почему эта книга появилась в издании «Атеист»? Неужели только потому, что автор, как значится на оборотной стороне обложки, числился членом редакционного совета уважаемого издательства? Но тогда можно было бы задать и следующий вопрос. Но не будем их множить. Во всяком случае, революционный лозунг издательства, украшающий и эту книгу: «Религия — дурман для народа» — никак не вяжется с ее содержанием. Противоядием против религиозного и националистического дурмана она не может служить.

Т. Гейликман

Литература Партии «Народная Воля»: «Народная воля», «Листок народной воли», «Рабочая газета». Документы. Под редакцией А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, М. И. Дрея, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова, В. В. Леоновича-Ангарского. Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1930, с. 336.

В тех спорах о «Народной Воле», которые так недавно и так оживленно велись и в печати, и на дискуссионных собраниях, из всех народовольческих документов именно народовольческая литература играла самую видную роль в качестве источника для обоснования тех или иных взглядов. Нельзя оспорить известной правильности такого приема аргументации. Ведь, действительно, ни показания отдельных народовольцев, ни их письма, ни наконец их воспоминания никак не могут считаться выразителями общепартийных взглядов: на это может претендовать только официальный орган партии. А между тем, на книжном рынке уже в течение многих лет отсутствовали эти столь важные материалы.

Впервые в 1905 г. В. Я. Богучарский издал в Париже сборник народовольческих материалов, который он считал «почти полным собранием необходимых литературных материалов». В состав этого сборника вошли в виде четырех разделов — «периодические издания», «документы» (программы), «прокламации», «материалы» (письма, завещания). С полным правом Богучарский дал этому сборнику обобщающее заглавие: «Литература социально-революционной партии Народная Воля». Когда вскоре, в 1907 г., явилась возможность переиздать этот сборник в России (правда с рядом значительных цензурных многоточий), Богучарский дополнил его теми материалами, которые он вновь обнаружил (среди них напр. впервые была переиздана «Рабочая газета», № 3) и «Литература» продолжала таким образом сохранять в соответствии с заглавием, значение сборника всех известных в данное время народовольческих литературных документов. С интересующей нас точки зрения не имело значения московское издание 1907 г., которое, не давая ничего нового, явилось простою перепечаткою парижского издания.

Со времени революции содержание понятия «Литература партии Народной Воли» неимоверно расширилось. Мы знаем теперь ряд документов, не только таких, которые ранее были известны по своим названиям, но и таких, о существовании которых не было никаких указаний в наличных источниках. Таким образом новое издание, сохраняющее старое название сборников В. Богучарского, казалось бы, позволяло предполагать, что издатели идут по намеченному им пути менее или более полного (а последнее теперь вполне возможно) сборника всего приведенного в известность народовольческого литературного достояния. В этом отношении приходится разочароваться, так как новое издание включило только поименованные в заголовке периодические издания, а из «документов» дало только документы, которые известны по сборникам Богучарского. Таким образом мы имеем здесь только часть народовольческой литературы.

Несомненно, что в пределах поставленной ими задачи редакторы стремились к полноте и тщательности своего издания. Так, здесь впервые напечатан последний «Листок Народной Воли» (1886, № 3), так, по словам редакторов, текст печатаемых материалов был «сверен и пополнен (последнее нам не вполне ясно: как это текст документа пополнялся?) по тексту подлинных экземпляров, имеющихся в московских архивах и музеях». Несмотря на всю тщательность редакционной работы можно все же отметить некоторые пробелы в ее результатах. Прежде всего, в сборник не включена целиком даже периодическая литература Народной Воли. Так, не включен вышедший в Ростове-на-Дону в конце 1883 г. «Рабочий журнал», всецело составленный рабочими (гектографированный), и не включен журнал Центрального кружка Петербургского университета «Борьба», изданный в 1882 г. (тоже гектографированный). Но и помимо этих изданий, совсем не принятых во внимание редакторами, мы находим пропуск, на который редакторам следовало бы обратить внимание. Именно, в оглавлении № 4 «Народной воли» мы читаем на последнем листке: «Отчет о пожертвованиях (см. приложение к этому №)». Вот это, повидимому, ускользнуло от внимания редакторов, и приложение (сравнительно большой денежный отчет, занимающий целых две страницы) так и не попало в новое издание, как не было его, впрочем, и в прежних изданиях Богучарского.

Второй изъян сборника относится к отделу документов и носит другой характер. Нечего и говорить о том, что отдел документов в старом виде, заимствованном от Богучарского, скуден чрезвычайно и что его можно было бы в настоящее время сделать богаче и содержательнее. Так например наряду с программными документами рабочей и военно-революционной организаций, в настоящее время есть документы, уже опубликованные, характеризующие такое ответвление народовольческой организации, как Красный крест Народной Воли; есть документы которые следовало бы для издания поискать, которые характеризуют организационную структуру Народной воли, студенческую организацию и т. п. Но все это — пожелания в той же сфере возможной полноты издания, о которой речь шла выше. Между тем и в пределах напечатанного возникают некоторые вопросы. Мы видели, что редакторы заявили в своем предисловии о том, что издаваемые ими документы сверены с «подлинными экземплярами». В то же время один из этих документов, мы утверждаем, нисколько не сверен ни с каким «подлинным экземпляром», который имелся бы «в московских архивах и музеях». Мы говорим о так называемой «Программе военно-революционной организации». Не надо большого опыта в деле изучения взаимоотношения текстов для того, чтобы определить, что для этого документа тем «подлинным экземпляром», с которого редакторы его перепечатали, был не какой-либо архивный документ, а было только лишь парижское издание Богучарского (устанавливается это общими особенностями орфографии, к которым, впрочем, новые редакторы прибавили свои индивидуальные особенности). Происхождение этого документа до сих пор не освещено в литературе, что не лишено известного значения. Богучарский, послуживший источником для новейшего издания, в свою очередь, перепечатал его, несомненно, из известного сборника Бурцева «За сто лет», а Бурцев, тоже в свою очередь не указавший источника, заимствовал его не из остатков какого-либо народовольческого архива, а несомненно, из «Обзора важнейших дознаний, производившихся в важнейших местностях империи за 1894 г.». Здесь в качестве исторического документа была напечатана эта программа по экземпляру, отобранному тогда же у Виктора Чернова, впоследствии всем знакомого лидера эсеров, а тогда еще студента, привлеченного по делу «Народного права». Однако, такое происхождение известного нам текста этой программы не может не вызвать сомнений относительно того, является ли эта так поздно найденная у Чернова копия действительной копией программы народовольческой военной организации. Надо принять во внимание, решая этот вопрос, также и то, что эта «программа» содержит ряд организационных положений и является не столько программою, сколько в гораздо большей степени уставом; а этого рода документы народовольцы не только не публиковали, но и держали в величайшей тайне. Каким же образом этот конспиративнейший документ начала 80-х годов оказался в копии у Чернова в 1893-1894 гг.? Однако здесь не место устанавливать значение документа, найденного у Чернова и с легкой руки департамента полиции принимаемого с тех пор за подлинную программу военно-революционной организации Народной Воли. Укажу лишь на то, что ведь черновой отрывок действительной программы-устава военно-революционной организации дошел до нас, так как в начале 1881 г. он был взят при аресте Н. Н. Колодкевича (он перепечатан в «Былом», № 8, 1906, с. 160—161) и что Н. Рогачев, в своем показании от 16 февраля 1884 г., когда ему предъявлен

был этот черновик, признал, что «предъявленный... черновой набросок составляет только часть выработанного нами устава; этот последний вместе с программою действия, по окончании работ, был зашифрован и взят Желябовым». Нет надобности долее останавливаться на этом вопросе, поставить который нас вынудила неосмотрительность редакторов, в данном случае не выполнивших своего обещания относительно сверки с «подлинными экземплярами», при попытке таковой должна была и для них обнаружиться некоторая проблема происхождения (а вместе с тем и подлинности) этого столь распространенного документа.

Если выше, в связи с данным изданием был поднят вопрос об его полноте, то столь же существен был бы и другой вопрос, вопрос о возможности критического издания народовольческих материалов, хотя бы и в очень ограниченных размерах. До нас не дошли, к сожалению, за небольшими исключениями те материалы, которые несколько раз были захвачены властями при аресте народовольческих типографий, и столь же мало сохранилось литературных материалов вне полицейских архивов. Однако кое-что все же сохранилось, и принять это во внимание при издании «Литературы» все же надо было. Так напр. в № 10 «Народной воли» напечатан так называемый договор «Пролетариата» и «Народной воли», но сохранилась копия того же договора, взятая при обыске у П. Бардовского, в архиве «Пролетариата». Эта копия имеет несколько существенных разночтений, на что уже есть указания в литературе. Далее в № 4 напечатано заявление народников. Но и это заявление сохранилось в более ранней редакции, написанной рукою Александра Михайлова. Однако самое существенное касается документа, составившего приложение к № 8—9 «Народной воли» отчета о процессе 20. Дм. Кузьмин, автор только что вышедшей работы о «Народовольческой журналистике», посвятивший много труда установлению авторства статей «Народной Воли», считает, что отчет этот составлялся по записям адвокатов и родственников подсудимых». Между тем до наших дней сохранилась подлинная рукопись Александра Михайлова, в которой содержится значительная часть этого отчета. Именно целиком сохранилась та часть отчета, которая озаглавлена «Объяснение Александра Михайлова». Этот сохранившийся автограф Александра Михайлова позволяет судить о точности воспроизведения редакцией «Народной воли» доставленной ей рукописи (это была копия автографа, а не сам автограф), и надо сказать, что в общем рукопись Александра Михайлова была воспроизведена хотя и не полностью и с рядом вариантов но достаточно точно.

Итак, резюмируя вышесказанное, можно пожелать, чтобы «Литература партии Народной воли» в будущем была издана с той действительною полнотою, к которой обязывает не только название издания, но и потребности изучения и чтобы, кроме того редакционная работа впредь не ограничивалась одним лишь наблюдением за точным воспроизведением печатного текста, но и давала бы, по возможности материал для его критического изучения.

С. Валк

М. К. КОРБУТ. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за сто двадцать пять лет (1804/05 — 1929/30 гг.). Тт. I—II, Казань 1930, издание Университета, с. 209 — 382.

Казанский университет в истекшем 1929/30 академическом году отпраздновал 125-летие своего существования. В качестве юбилейного издания, посвященного истории университета, последним выпущено настоящее двухтомное исследование М. К. Корбута, которое должно быть отмечено как одна из интересных и в общем удачных попыток марксистского освещения истории высшей школы. Большое внимание автором уделено студенческому движению. «Поскольку студенческое движение с конца 50-х гг. и с новой силой с 80-х гг. является первостепенной причиной, в зависимости от которой складывалась значительная часть политики в области высшего образования, . . я рассматривал в этом отношении историю студенческого движения как ту же историю университета» (там же).

В распоряжении автора имелись многочисленные архивные материалы — университетский архив и часть фонда попечителя учебного округа, из которых им наиболее полно были использованы протоколы совета университета. Для истории первых десятилетий университета большой сырой материал дали автору старые многотомные работы его предшественников по теме — Н. Н. Булича и Н. П. Загоскина, изложение которых было доведено до конца 20-х гг. прошлого столетия. Кроме того им широко привлечена существующая литература по истории русских университетов и движению в высшей школе, в частности и имеющийся материал краеведческого характера по Волжско-камскому краю. Библиографический указатель, приложенный ко второму тому, занимает почти целых тридцать страниц. Книга получилась чрезвычайно стройной по своему содержанию. Живо написанная и легко читающа-

ся, она с первых до последних страниц пропитана одной основной мыслью—идеей классовой борьбы, происходившей непрерывно в стенах, казалось бы, тихого и далекого от практической жизни университета. Все крупнейшие события революционного движения нашли здесь свое отражение. Последняя глава второго тома („Университет в советский период“) говорит о новом университете, когда в результате Октябрьской революции в корне изменились формы, методы, вся постановка и организация научно-учебного дела, когда к высшей школе были предъявлены совершенно новые требования. „Из учреждения, созданного царским правительством на потребу узких кругов дворянства, университет превратился в условиях советского государства в учреждение, обслуживающее громадные массы рабочих и крестьян. Из университета, предназначенного быть одним из помощников царской власти для насильственного обрусения Волжско-камского края, университет стал учреждением, способствующим политическому и культурному росту трудящихся народов Волжско-камского края и, в первую очередь, татар“. (т. II, с. 326).

Наиболее интересными вопросами, затронутыми в монографии, являются студенческое движение и борьба политических течений, происходившая в среде профессуры. На этих вопросах мы несколько и остановимся.

Казанское студенчество сыграло не последнюю роль в общероссийском революционном движении за последнее пятидесятилетие перед революцией 1917 г. Из среды казанского студенчества вышло немало известных революционных деятелей, среди них будущий вождь пролетарской революции В. И. Ульянов-Ленин. Студенческие волнения начались здесь еще с конца 50-х гг. и были чрезвычайно яркими в начале 60-х гг., вылившись в целый ряд политических выступлений („Куртинская панихида“ 16 апреля 1861 г. — демонстрация по поводу убийства крестьян в с. Бездне, „Казанский заговор“ 1863 г.). В 70-х гг. казанское студенчество, как и студенчество столичных университетов, принимает активное участие в народнической пропаганде (кружок Овчинникова — отделение петербургского кружка „чайковцев“). В 80-е гг. движение снова усиливается. Помимо студенческих движений на профессиональной почве (борьба против стеснительных студенческих правил — „беспорядки“ 1882 г.), происходят крупные движения на политической почве (движение 1887 г., связанное с именем Ленина). В то же время с конца 80-х гг. в университет начинает проникать марксизм и в нем заводятся первые с.-д. организации (марксистский кружок Федосеева 1888—1890 гг., с.-д. кружок Стопани 1892—1895 гг., новый с.-д. кружок Потехина 1897—1898 гг. и др.). В последующих студенческих движениях, продолжавшихся почти непрерывно с 1899 г. (всеобщая студенческая забастовка) до революции 1905/06 г., студенты социал-демократы играют уже руководящую роль. Особенно бурные месяцы переживал университет в 1905/06 г., представляя собою в это время в лице революционной части студенчества политический центр, значение которого далеко выходило за пределы одной Казанской губернии.

Вся эта борьба студенчества, бои его против самодержавия, очень ярко и с большой любовью к предмету освещены в монографии. Но автор не скрывает и оборотной стороны дела. Студенческая масса была далеко не однородна. Студенчеству из „разночинцев“, из среды которого выходили наиболее революционные элементы, противостояла студенческая аристократия, студенты-„белоподкладочники“, значение которых усиливалось особенно в годы реакции, соответственно падая в периоды подъемов. Использование этой диференциации студенчества и было как раз излюбленным методом, применявшимся администрацией против студенческих волнений. С другой стороны, автор выявляет и контрреволюционную роль студенчества после Октябрьской революции. С белой чехословацкой армией (лето 1918 г.) из Казани ушла не только значительная часть профессуры и преподавателей, но и подавляющее большинство студентов (т. II, с. 303). Оставшаяся часть студенчества и новый набор 1918—19 г. поражали своей разнокалиберностью и чрезвычайной политической пассивностью. Лишь спустя несколько лет в результате орабочения студенческого состава (рабочий факультет с 1919-1920 гг.) в студенческой среде происходит сдвиг в сторону советской власти и коммунистической партии. Переломную эпоху в этом отношении составил первый областной студенческий съезд, происходивший в апреле 1921 г., на котором „впервые коллектив РКП(б) лицом к лицу столкнулся с широкими массами студенчества“ (т. II, с. 313).

Не менее интересна и другая эволюция—в среде профессуры. Здесь также происходила борьба. Конец 50 и начало 60 гг. характеризовались полевением профессуры. В университете в этот период создается энергичная группа либеральных и радикальных профессоров и преподавателей, развернувших большую просветительную общественную работу и опиравшихся на сочувствие демокра-

тического студенчества. В состав этой группы входил и Бутлеров, бывший ректором университета в наиболее тревожные 1860—1863 гг. Именно эта группа провела в университет Щапова, сыгравшего большую роль в развитии студенческого политического движения. Это был период наибольшей радикализации профессорского либерализма. „Мы должны сделать заключение, — пишет автор,— что Казанский университет, руководимый передовыми людьми (Бутлеров, Булич, Н. Вагнер), вступал в эпоху 60 гг. с достаточно высоко поднятым знаменем либерализма" (т. II, с. 10). Начавшаяся реакция обрушилась на группу. Бутлеров вынужден был покинуть Казань. В 1871 г. был уволен проф. Лесгафт, пользовавшийся особенной популярностью в студенческой массе. На это увольнение либеральная профессура ответила коллективной отставкой (ушло из университета семь профессоров). „Выход в отставку целой группы профессоров как форма протеста против правительственной политики пожалуй впервые в истории провинциальной высшей школы имел место в Казани", замечает автор (т. II, с. 36).

Однако в противоположность росту рабочего и студенческого движения либеральное движение в среде профессуры в дальнейшие годы проявляло свою половинчатость, бесхарактерность, все более линяло, становилось все скромнее в своих требованиях. Возвращение к „либеральному" уставу 1863 г. и отмена знаменитого устава 1884 г. „направленного своим острием не только против студенчества, но и против профессуры", составляло предел чаяний либеральной профессуры 80—90 гг., осмеливавшейся бомбардировать твердыни самодержавия лишь верноподданническими ходатайствами (дебаты по поводу адреса Николаю II в августе 1898, т. II, с. 143-144). Совершенно меняется отношение либералов и к студенческому движению. Не желая подрывать доверия к себе со стороны студенческой массы, либеральные профессоры тем не менее соглашаются принять со своей стороны все меры к борьбе со студенческими беспорядками (учреждение института „кураторов" в 1902 г.). Либерал Капустин (будущий октябрист) заявил в совете, что „студенческие беспорядки составляют случайную и совершенно нежелательную аномалию в жизни университета" (т. II, с. 195). Революция 1905 г. подавляющее большинство либеральной профессуры испугалось (т. II, с. 150). Спеша использовать сложившуюся обстановку в октябре 1905 г., либеральная профессура начала поспешно отступать после издания Манифеста 17 октября, заявляя о необходимости начать как можно скорее „обычную мирную жизнь" (заседание совета 24 октября 1905 г.). Выработав проект университетской автономии, профессура решительно возражала против допущения представительства студентов в заседании совета с правом решающего голоса по студенческим делам (т. II, с. 227). По мере развития последующей реакции в университете берет верх правооктябристская профессура, усилившаяся за счет политического „болота". Выплывают наверх и правые; фигуры профессоров Залесского и К. С. Мережковского получили всероссийскую известность.

В последних главах (XI и XII) автор, характеризуя поведение буржуазной профессуры в 1917—1918 гг., удачно назвал борьбу за университетскую автономию, которая была тогда боевым лозунгом профессуры, „борьбой за автономию университета... от революции". Враждебное отношение к советской власти нашло себе отражение особенно в чехословацкие дни 1918 г., когда „свержение советской власти в Казани было встречено большинством профессуры с нескрываемым восторгом" (т. II, с. 303).

Напряженная атмосфера сохранилась в университете и в 1918—1919 гг. Многочисленные советские декреты, „удар за ударом рушившие старый строй высшей школы, принимались в Казанском университете молча и пассивно. Мелкий саботаж, изредка вставление палок в колеса власти — это все, что осталось от былого кадетского величия казанской профессуры. Нехотя работали, часто вздыхали и постоянно с надеждой смотрели на Восток, ожидая оттуда нового света". (т. II, с. 304). Лишь к 1921 г. наметился некоторый перелом в среде профессуры, и часть ее перешла на „студенческую сторону". Процесс „срабатывания" с новой властью казанской профессуры затянулся еще на несколько лет.

Таково содержание книги М. К. Корбута в ее наиболее интересной части. Нужно думать, что положительные качества работы — большой фактический материал, выдержанность метода и стройное, живое изложение — обеспечат исследованию благоприятный прием со стороны всех, кто интересуется прошлым нашей высшей школы и ее ролью в истории революционного движения.

В. Семенов

Х Р О Н И К А

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ ИМПЕРИАЛИЗМА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ

Группа по изучению истории германской социал-демократии

Группа ставит себе задачей дать большевистское освещание как отдельных проблем, так и всей истории германской социал-демократии. Учитывая, что капитальный труд Меринга представляет собой по существу апологию линии руководства в германской социал-демократии, причем совершенно неправильно освещает ряд существеннейших моментов в истории партии; что другие, более узкие по охвату работы построены также под прямым влиянием труда Меринга, что история партии в XX веке исследована вообще мало, что в пореволюционной русской литературе история германской социал-демократии только начинает разрабатываться,— группа строит свой план работы как можно более широко, ставя себе задачей подвергнуть пересмотру с точки зрения большевизма всю совокупность проблем истории германской социал-демократии.

План работы группы рассчитан на ряд лет с тем, чтобы в ближайшие пять лет, до 1934 г., заложить основу большой коллективной работы, которая должна дать большевистскую историю социал-демократической партии Германии. Группа считает первоочередными те части плана работ, которые можно сгруппировать вокруг таких проблем, как «оппозиционные течения в германской социал-демократии», отношение германской социал-демократии к империализму» и т. п. План включает в себя 14 серий, каждая из которых состоит из ряда частных тем. Такой метод построения плана удобен с разных точек зрения. Во-первых, он предусматривает работу над отдельными частными исследованиями, освещающими лишь один какой-либо момент из истории партии, причем эти узкие исследования включаются в общую канву работы группы, заранее занимая определенное место в свете более широких проблем и задач. Такие исследования могут представлять собой материал для отдельных журнальных статей. Во-вторых, этот способ построения плана дает место и более широким темам, для выполнения которых может понадобиться целая книга или ряд книг. Сюда относятся отдельные темы из серии более общего характера, а также работа над какой-либо серией в целом. Наконец план работы, построенный в такой форме, создает базу для коллективных работ. Исследование по ряду тем, входящих в отдельную серию, уже заранее предполагает объединение их в одну большую коллективную работу, исчерпывающую все проблемы данной серии.

Конечно каждая из указанных здесь тем может в результате исследования быть раздроблена на новые подразделы. Различен может быть и подход к темам. Так например серия биографий отдельных деятелей партии может представлять собой либо обзоры всей их жизни, либо изложение их политической деятельности в партии, либо главным образом анализ теоретических взглядов, либо даже обширные монографии, охватывающие все эти стороны. В серии «Пресса» мы имеем ввиду главным образом общую характеристику того или иного органа: историю его возникновения и развития, состав редакции и сотрудников, общую политическую линию, организацию корреспонденций, постановку разных отделов, распространение и т. п. Характеристика остальных серий в общем ясна из заглавий. Немалое значение имеет и последняя серия, библиография и историография, особенно в данный момент, когда работа только развертывается.

Серии

1. Отдельные периоды истории германской социал-демократии.
2. Массовое рабочее движение и профсоюзы.
3. Социальный состав партии.
4. Оппозиционные группы и течения.
5. Локальные и территориальные организации партии.
6. Биографии.
7. Программные, теоретические и тактические взгляды.
8. Международные связи.

Парламентская работа.

9. Пресса.
10. Отдельные моменты из истории партии.
11. Общие и методологические вопросы.
12. Роль социал-демократической партии в германской революции 1918—1919 гг.
13. Библиография и историография.

ТЕМЫ ПО СЕРИЯМ

I. Отдельные периоды истории социал-демократии

1. Предыстория партии.
2. Годы 1863—1869 (лассальянцы и движение рабочих ферейнов).
3. Годы 1869—1875 (от Эйзенаха до Готы).
4. Годы 1875—1878 (объединенн. партии до периода исключительных законов).
5. Годы 1878—1880 (первый период исключительных законов до Видена).
6. Годы 1880—1883 (от Виденского до Копенгагенского съезда).
7. Годы 1883—1887 (от Копенгагенского до Сент-Галленского съезда).
8. Годы 1887—1890 (Сент-Галлен — Галле).
9. Годы 1890—1893 (первые три года после падения исключительного закона).
10. Годы 1893—1899 (до оформления ревизионизма).
11. Годы 1899—1903 (борьба с ревизионизмом).
12. Годы 1903—1905 (период оформления левого крыла).
13. Годы 1906—1914 (от русской революции 1905 г. до Мировой войны).
14. Годы 1914—1918 (социал-демократия в период войны).
15. Годы 1918—1922 (социал-демократия в революции и при спаде революционной волны).
16. Годы 1922—1929.

II. Массовое рабочее движение и профсоюзы

1. Массовое рабочее движение по районам.
2. Массовое рабочее движение по отраслям промышленности.
3. Массовое рабочее движение по периодам 1878—1891; 1891—1905; 1905—1914; 1914—1918; 1918—1929 гг.
4. Статистика стачек.
5. Статистика парламентских выборов.
6. Лассальянские профсоюзы.
7. Эйзенахские профсоюзы, 1860—1878.
8. Гирш-дункеровские профсоюзы.
9. Христианские профсоюзы.
10. Независимые профсоюзы.
11. Профдвижение в эпоху законов против социалистов.
12. Профдвижение и его развитие в годы 1891—1914.
13. Профсоюзы во время Мировой войны.
14. Профсоюзы в послевоенный период.
15. Идеология профдвижения.

III. Социальный состав партии

1. Данные о партийных организациях по районам.
2. Статистика выборов.
3. Эволюция социального состава партии по периодам.
4. Влияние попутчиков (по периодам).
5. Удельный вес и роль крестьянства в партии.
6. Удельный вес и роль ремесленников в партии.
7. Удельный вес и роль интеллигентов в партии.
8. Удельный вес и роль рабочих (разных отраслей промышленности) в партии.

IV. Оппозиционные группы и течения в партии

1. Лассальянцы.
2. Группа Гассельмана.
3. Н. Гирш в 1878—1881 гг.
4. Иог. Мост и «Freiheit».
5. Цюрихская группа в 1878—1881 гг.
6. Борьба «радикалов» и «умеренных» в эпоху законов против социалистов.
7. «Молодые».
8. Фольмар и баварская организация в 90 гг.
9. Бернштейнианство.
10. Группа Фридберга.
11. Левое крыло.
12. Радикалы.
13. Группа «Спартак».
14. Бременские радикалы.
15. Независимые.
16. Социал-империалисты.

V. Локальные и территориальные организации

1. Берлин.
2. Гамбург.
3. Лейпциг.
4. Ганновер.
5. Магдебург.
6. Мюнхен.
7. Бреславль.
8. Саксония.
9. Рейнская провинция.
10. Бавария.

VI. Биографии

1. Стефан Борн.
2. Вейтлинг.
3. Ф. Лассаль.
4. Ж. В. Швейцер.
5. Гассельман.
6. В. Либкнехт.
7. Бернштейн.
8. Г. фон-Фольмар.
9. К. Каутский.
10. Авг. Бебель.
11. Иог. Мост.
12. К. Цеткин.

13. Р. Люксембург.
14. К. Либкнехт.
15. Ф. Меринг.
16. К. Легиен.
17. П. Зингер.
18. Эберт.
19. Носке.

VII. Программные, теоретические и тактические взгляды

1. Организационный вопрос.
2. Аграрный и крестьянский вопрос.
3. Война и милитаризм.
4. Колониальная политика.
5. Отношение к буржуазным и мелкобуржуазным партиям.
6. Партия и профсоюзы.
7. Парламентская деятельность.
8. Вопрос о всеобщей стачке.
9. Женский вопрос.
10. Отношения к юношескому движению.
11. Кооперативы, кассы взаимопомощи и др.
12. Налоговая политика.
13. Национальный вопрос.
14. Проблема империализма.
15. Проблема революции.
16. Развитие социал - демократической программы до Эрфуртской.
17. Элементы лассальянства в германской социал-демократии.
18. Дюрингианство.
19. Борьба с анархизмом.
20. Отношение к государственному социализму.
21. Реформа или революция.
22. Вопрос о диктатуре пролетариата.
23. Теория государства.
24. Отношение к религии.
25. Послевоенные программы германской социал-демократической партии.
26. Лозунг «Назад к Лассалю», послевоенной социал-демократии.

VIII. Международные связи

1. Отношение к разным течениям французского социализма.
2. „Молодые", их связи в Голландии и Франции.
3. Деятельность представителей герм. соц.-дем. на конгрессах II интернационала и роль во II ин-ле.
4. Роль герм. соц.-дем. в миров. рабоч. движении.
5. История Парижск. конгресса 1889 г.
6. Маркс-Энгельс и вожди герм. соц.-дем. до 1881 г.
7. Энгельс и герм. соц.-демократия в годы 81—95.
8. Отношение к русск. соц.-дем. и др. полит. организациям в России.
9. Большевики и меньшевики о герм. соц.-демократии.

IX. Парламентская работа

1. Разработка данных статистики выборов.
2. Речи социал-демократических представителей в рейхстаге.
3. Деятельность социал-демократической фракции в рейхстаге, эволюция по периодам.
4. Бебель в рейхстаге.
5. В. Либкнехт в рейхстаге.
6. К. Либкнехт в рейхстаге.
7. Послевоенная социал-демократия в рейхстаге.
8. Деятельность партии в ландтагах.

X. Пресса

1. История лассальянского «Социал-демократа».
2. «Democrat», «Wochenblatt».
3. «Volksstaat».
4. «Vorwärts» bis 78 J.
5. «Laterne».
6. «Freiheit».
7. «Die neue Zeit» в периоды: до 1891 г., 1890-1914 гг., после 1914 г.
8. «Der Züricher Sozial-Democrat».
9. «Vorwärts» после 1891 г.
10. Пресса «Молодых».
11. Провинциальная пресса.
12. «Hamburger Echo».
13. «Bremer-Bürger Zeitung».
14. «Leipziger Volkszeitung».
15. «Sächsische Zeitung»
16. «Sozialist», Monatsschrift.

XI. Отдельные моменты из истории партии

1. Вопрос о субсидиях пароходным обществам.
2. Статья Фольмара об издании исключительного закона (1881).
3. Государственный социализм.
4. Оппозиция франкфуртцев в 1885—86 гг. и т. п.
5. Борьба за всеобщее избирательное право в отдельных провинциях (Пруссия).
6. Социал-демократия и катедер-социализм.
7. Социал-демократия и интеллигенция.
8. Отношение к эльзас-лотарингскому вопросу.
9. Отношение к польскому вопросу.
10. Отношение к антисемитизму.
11. Социал-демократическая партия и профсоюзы в наиболее крупных предприятиях Германии.
12. Отношение партии к фабричному социальному законодательству.

XII. Общие методологические вопросы

1. Критический анализ историков по истории германской социал-демократии.
2. Вопрос о корнях оппортунизма в разные периоды истории партии.
3. Роль вождей в партии.
4. Партия и массы.

5. Социальная база оппозиционных течений.
6. Социальный источник центризма.
7. Программа, идеология и практика германской социал-демократии.
8. Тип германского рабочего движения в мировом рабочем движении.

XIII. Роль социал-демократической партии в германской революции 1918-1919 гг.

1. Социал-демократические профсоюзы в революции.
2. Партия и Совет народных уполномоченных.
3. Партия и советы.
4. Партия и учредительное собрание.
5. Отношение к Октябрской революции в России.
6. Отношение к буржуазным партиям.
7. Партия и массовое рабочее движение.
8. Роль социал-демократии в январские и мартовские дни.
9. Социал-демократия в роли правящей партии.
10. Оценка социал-демократической партии германской революции.

XIV. Библиография и историография

1. По отдельным темам.
2. По отдельным авторам.
3. Указатели и сводка прессы.
4. Современные статьи.
5. Новейшие проблемы.

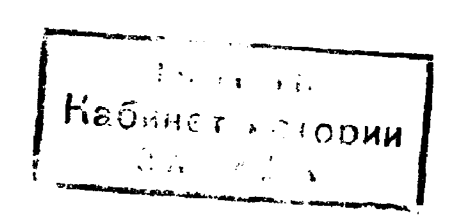
* * *

Прошлый год по существу прошел под знаком организации группы. Группа успела только заслушать сообщение и критический обзор т. Цобеля о литературе вышедшей в Германии за последние годы и посвященной истории германской социал-демократии. Два заседания были посвящены дискуссии по поводу статьи т. Зиновьева о германской социал-демократии, помещенной в XVI т. «Советской энциклопедии».

План работ текущего года предусматривает как обсуждение докладов членов группы, так и издание I тома работ по истории германской социал-демократии.

Намечены следующие доклады: Вакса, Взаимоотношение левых и центра в германской социал-демократии за время войны; Альтера о Каутском; Слуцкого, Левые радикалы до войны; Гороховского, о «молодых»; Дубинского, Массовая политическая стачка германской социал-демократии в период 1903—1907 гг.; Миронова, Организационные вопросы в германской социал-демократии; Фридлянда, Бернштейн и анархисты, Цобеля, Борьба в германской социал-демократии вокруг вопроса о пароходной субсидии; Толмачева, Германская социал-демократия и профсоюзы и др.

Из докладов, предусмотренных планом, до настоящего времени зачитаны в секции следующие: т. Вакса, происхождение коммунистической партии Германии и т. Альтера, эволюция центризма и Каутский.

Ответств. редактор М. Н. Покровский. Ответств. секретарь И. Л. Татаров.